

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88 www.nicrus.ru institut@nicrus.ru

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

«Russia&World: Scientific Dialogue» journal provides direct access to its content based on the following principle: free open access to the results of research contributes to increased global knowledge sharing.

Издается 4 раза в год

Октябрь - декабрь 2021

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-81013
от 17 мая 2021 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-3067

Архивация:
Российская государственная библиотека
Национальный электронно-
информационный консорциум

 Издатель:
АНО «Национальный исследовательский
институт развития коммуникаций»

Адрес: 119034, г. Москва, пер. Коробейников,
д. 22, стр. 1.

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

УДК: 327 ББК 66.4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук (Москва, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета (Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологии (Рига, Латвия).

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, почётный доктор Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук (Ижевск – Москва, Россия).

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (Валенсия, Испания).

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук (Москва, Россия).

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – председатель Международного научного совета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – заместитель председателя Международного научного совета, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор экономических наук (Москва, Россия).

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Москва, Россия).

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Санкт-Петербург, Россия).

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), head of the Analytics department of the National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia).

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law) (Moscow, Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), Professor, professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Kazan Federal University (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor (Almaty, Kazakhstan).

Vladislav V. VOLKOV – Doctor of Sociology (Riga, Latvia).

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Moscow, Russia).

Fidel LEON-DARDER – Doctor of Economics (Valencia, Spain).

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor (Tashkent, Uzbekistan).

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor (Moscow, Russia).

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

Alexander V. FEDOROV, chairman of the International Scientific Council – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Vladislav I. GASUMYANOV, deputy chairman of the International Scientific Council – DSc (Econ.), Director of the National Research Institute for Communications Development, (Moscow, Russia).

Mihail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Moscow, Russia).

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vyacheslav T. KHODKO – CandSc (Tech.) (St. Petersburg, Russia).

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается № 2 нашего журнала, материалы которого посвящены целому ряду актуальных научных проблем.

Геополитика и международные отношения представлены статьей Игоря Александровича Матвеева «Ловушка безопасности» как вызов для постконфликтной реконструкции Сирии». Статья подготовлена на основе эмпирических материалов, собранных автором во время его дипломатической службы в Посольстве РФ в Дамаске в 2014–2017 годах и в ходе последующих регулярных посещений Сирии. Она посвящена комплексному анализу бизнес-рисков в Сирии в сфере безопасности, которые автор назвал «ловушкой безопасности». Именно бизнес-риски затрудняют рост деловой активности в стране. Понимание их природы и особенностей ее проявления полезно с практической точки зрения для учета внешних и внутренних вызовов в процессе постконфликтной реконструкции Сирии, в том числе в свете стабилизирующей роли России.

Изменяющийся социум отражен в статье Виктории Юрьевны Леденовой «Трансформационные последствия пандемии COVID-19 в мировых системах высшего образования». Обращу внимание читателей на то обстоятельство, что здесь рассматриваются долгосрочные последствия пандемии COVID-19 для высшего образования разных стран. Проблема мало изучена в основном из-за недостатка репрезентативной информации. Автором на материале из открытых источников представлена систематизированная динамика происходящих процессов в этой сфере, оценено влияние пандемии на мировые системы высшего образования и предложено авторское понимание процесса влияния глобальной политики и геополитических факторов на будущее международного высшего образования.

Историческая ретроспектива, в ее взаимосвязи с современностью, представлена в двух статьях. Это в первую очередь статья Хатанболда Оидова и Бадсурена Давааньям «Китайские инвестиции и инициатива “Один пояс – один путь” в Монголии (Кейс международных инвестиций)». Авторы поставили перед собой задачу изучить обстоятельства выработки взаимного доверия и доверительного понимания со стороны граждан, госслужащих и политиков, которые являются человеческим капиталом, глубинно влияющим на эффективность реализации проектов китайского инвестирования в Монголии. В этом плане авторы подвели предварительные итоги претворения в жизнь инвестиционной стратегии Китая в Монголии, проанализировав текущие инвестиционные тенденции и рассмотрев перспективы продвижения проекта «Инициатива “Один пояс – один путь”».

Елена Алексеевна Кузьменко в своей ретроспективе «Белые и красные силы Гражданской войны: проблемы современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии» обратилась к приобретшей немалую актуальность в наши дни теме исторической памяти.

Через интерпретацию исторических источников ею дается характеристика современным общественным дебатам в Финляндии по вопросу об участии «красных и белых сил» в событиях Гражданской войны. Делается вывод о трансформациях, которые претерпела историческая память финнов в последние десятилетия. Исследование строится на основе методологии исторической травмы (trauma studies) и механизмов ее преодоления, истории повседневности, социологических методов. Приведенные в статье результаты изучения большого объема исторических источников показывают, что ведущиеся в обществе дискуссии о Гражданской войне имеют тенденцию к сглаживанию оценок, несмотря на тот факт, что споры о Зимней войне (и тем более о Второй мировой войне) имеют скорее тенденцию к обострению. Потребность в переосмыслении наследия гражданского противостояния, по мнению автора, может стать потенциальной основой для продуктивного гуманитарного диалога между Россией и Финляндией.

Важнейшей частью научного интереса Национального исследовательского института развития коммуникаций являются коммуникационные режимы стран и регионов. Проведено исследование в более чем 20 странах. На страницах этого номера мы предлагаем результаты международной научной дискуссии о коммуникационных режимах стран Центральной Азии, Латвии, Литвы и Эстонии. Этой приоритетной проблематике посвящены исследования группы российских и иностранных ученых, результаты которых представлены в трех коллективных статьях.

В статье Николая Петровича Грибина «Коммуникационные режимы государств Центральной Азии в контексте интересов национальной безопасности Российской Федерации» раскрываются различные проявления деструктивного воздействия стран Запада на коммуникационные режимы и информационное пространство дружественных нам государств Центральной Азии, несущие угрозу их национальной безопасности и противоречащие национальным интересам Российской Федерации. Обращается внимание на роль национальных массмедиа в арсенале инструментов влияния на умы и психологию населения стран Центральной Азии. В статье представлены предложения в части организации системного противодействия деструктивным действиям зарубежных сил в информационном поле стран в Центральной Азии и создания комплексной (совместно с Российской Федерацией) системы блокировки и нейтрализации вредоносных информационно-пропагандистских материалов.

Статья-обзор результатов исследования Калимаш Капсамаровны Бегалиновой, Николая Петровича Грибина, Валентины Вячеславовны Комлевой, Татьяны Викторовны Котюковой, Равшана Ринатовича Назарова, Айгерим Нуралиевны Оспановой, Виктора Сергеевича Панова, Надежды Григорьевны Смолик, Айгерим Стамбековны Тургунбаевой, Елены Геннадьевны Черемениной содержит основные идеи, высказанные российскими и зарубежными участниками международной научной дискуссии на тему: «Коммуникационные режимы стран Центральной Азии». Дискуссию провел Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Эксперты отметили ряд важных аспектов, прежде не привлекавших особого внимания: искусственно акцентированную проблематику «исторической травмы» в информационном пространстве стран Центральной Азии; изменение форматов коммуникации в условиях COVID-19; важность изучения коммуникационных режимов в контексте обеспечения коллективной информационной безопасности, необходимость выработки общих для России и стран Центральной Азии терминов и понятий при формировании законодательства в отношении коммуникации и информации.

В статье-обзоре «Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия» содержатся результаты исследований коммуникационных режимов этих стран, проведенных Валентиной Вячеславовной Комлевой («Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии: основные выводы по результатам сравнительного исследования»),

а также их обсуждение, в материалах, предоставленных Владиславом Викторовичем Волковым («Отражение институционально закрепленных параметров межэтнической коммуникации в Латвии в практиках индивидуальных акторов») и участниками дискуссии Владиславом Владиславовичем Воротниковым и Андреем Дмитриевичем Стариковым. Дискуссия была организована и проведена Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК). Во время дискуссии обсуждены некоторые аспекты институционализации страновых коммуникационных режимов, роль исторически сложившихся и современных практик в Латвии, Литве, Эстонии; акторные модели коммуникационных режимов этих стран; роль политических институтов, гражданского общества и бизнеса, массмедиа в формировании коммуникационных режимов; особенности коммуникационных режимов в отношении отдельных групп населения, СМИ, соседних стран.

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что материалы представляемого вам номера журнала вызовут у вас интерес и сами вы в дальнейшем станете нашими авторами.

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dr Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of Russian Academy of Sciences,
“Russia & World: Scientific Dialogue” Editor-in-Chief

You are welcomed to read issue №2 of our journal, which contains the materials dedicated to a whole range of topical scientific problems.

Geopolitics and international relations are presented by the article of Igor A. Matveev “‘Security trap’ as a challenge for a post conflict reconstruction in Syria”. The article was written on the basis of empirical materials, collected by the author in the course of his diplomatic service in the Russian Federation Embassy in Damask in 2014-2017 and during his subsequent regular visits to Syria. The article is dedicated to the complex analysis of business risks in Syria in the security sphere, which were called by the author as “security trap”. It is just the business risks that hamper the growth of business activity in the country. Comprehension of their nature and peculiarities of its manifestation are useful from the practical point of view for due account of its external and internal challenges in the process of post conflict reconstruction of Syria, and in the light of Russia’s stabilizing role included.

The changing socium is reflected in the article by Victoria Yu. Ledeneva “The transformative impact of the COVID-19 Pandemic on Global Higher Education systems”. I would draw the attention of the readers to the circumstance that the long term consequences of COVID-19 pandemic for the Higher education in different countries are considered in the article. The problem is poorly investigated due to the shortage of the representational information. The open sources materials have been used by the author to present the systematized dynamics of the processes occurring in this sphere, as well as to evaluate the pandemic impact on the world processes in the higher education. The author also shows his comprehension of the process of the global policy and geopolitical factors impact on the future of the world higher education.

The historical retrospective and its interconnection with the contemporaneity are presented in two articles. This is, first of all, the article by Khatanbold Oidov and Budsuren Davaanyam “Chinese Investment and the ‘Belt & Road’ Initiatives in Mongolia” (Case of international investments). The authors aimed at investigating the circumstances of elaborating mutual trust and trusting understanding on the part of the citizens, civil servants and politicians, who are the human capital influencing in depth the efficiency realization in the Chinese projects investment in Mongolia. The authors have made the preliminary conclusions of implementation into life of the investment strategy of China in Mongolia, by having analyzed the current investment tendencies and having considered the advance prospect of “‘One belt – one road’ Initiative” project.

Elena A. Kuzmenko in her retrospective “The White and Red Forces of the Civil War: Problems of Modern Public Interpretation of Historical Memory in Finland”, has turned to historical memory, which has acquired a significant topicality in our days. She supplies the characteristics for the contemporary public debates in Finland on the issue of participation of “the red and white forces” in the events of the Civil War through the interpretation of historic sources. She makes the conclusion about the transformations, which the historical memory of the Finnish people had undergone over the past decades. The research is built on the basis of methodology of the historical trauma studies and mechanisms of its overcoming, history of daily routine, sociological methods.

The article submits the results of the study of the vast volume of historical sources which show that the public discussions related to the Civil War are having the tendency to smooth the evaluations, despite the fact that debates on Winter war (and moreover the World War II) have

rather the tendency towards exacerbation. The need to rethinking of the civil confrontation heritage, according to the author, may become the potential basis for fruitful humanitarian dialogue between Russia and Finland.

The important part of the scientific interest in the National Research Institute of Communications Development is demonstrated by the issue of communicative regimes of countries and regions. A research in more than twenty countries has been made. We publish the results of the international scientific discussion on communicative regimes in the countries in Central Asia, Latvia, Lithuania, and Estonia on the pages of this issue. This top priority problems are covered by the studies made by the team of Russian and foreign scholars, and the results of the studies are shown in the three collective articles.

The article by Nikolai P. Gribin “Communication regimes in the Central Asian states in the context of the National security interest of the Russian Federation” reveals the different manifestations of the destructive impact of the Western countries on communication regimes and information space of friendly to us countries in Central Asia. The impact poses a threat to their national security and contradicts to the national interest of the Russian Federation. The attention is drawn to the role of national mass media in their arsenal of impact tools on the brains and psyche of the population in the Central Asian countries. The article suggests the proposal in organization of the systems counteraction to destructive activities of the foreign forces in the informational field in the Central Asian countries and setting up a complex system of blocking (jointly with the Russian Federation) and neutralization of harmful information propaganda materials.

The article review of the investigation results by Kalimash K. Begalinova, Nikolai P. Gribin, Valentina V. Komleva, Tatiana V. Kotukova, Ravshan R. Nazarov, Aigerim N. Ospanova, Viktor S. Panov, Nadezda G. Smolik, Aigerim S. Turgunbayeva, Eleva G. Cheremenina, contains the basic ideas, put forward by Russian and foreign participants in the International scientific discussion on the subject: “Communication regimes of the Central Asian countries”. The discussion was held under the auspices of the National Research Institute of Communications Development, NRICD (НИИРК). The experts keynoted a number of important aspects, which had been in the focus of special attention before: artificially accentuated problematics of “historical trauma” in the informational space in the Central Asian countries; and the change in communication formats under the conditions of COVID-19; the importance of the study of communication regimes within the context of ensuring the collective in formational security, the need to elaborate terms and notions common for Russia and the Central Asian countries when forming the legislation relative to communication and information.

The article review “Communication regimes in Latvia, Lithuania and Estonia: scientific discourse” contains the research results of the communication regimes of these countries, conducted by Valentina V. Komleva (“Communication regimes of Latvia, Lithuania, Estonia: main conclusions based on the comparative research results”), as well as the debates on this issue, in the materials submitted by Vladislav V. Volkov (“Reflection of institutionally fixed parameters of intra-ethnic communication in Latvia in the practices of individual authors”) and participants in the discussion Vladislav V. Vorotnikov and Andrei D. Starikov. The discussion was initiated and was held by the National Research Institute of Communications Development, NRICD (НИИРК). The discussion covered certain aspects of institutionalization of the communication regimes of the countries, the role of historically shaped and contemporary practices in Latvia, Lithuania Estonia; actor models of communication regimes in these countries, the role of political institutions, civil society and business, mass media in the formation of communication regimes; peculiarities of communication regimes relative to separate groups of population, mass media in the neighboring countries.

Dear readers!

The members of the Editorial Board of our journal express their hope that the materials of the current issue will arise interest with you and you will become our authors further on.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Матвеев И.А.

«Ловушка безопасности» как вызов для постконфликтной
реконструкции Сирии 14

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Леденева В.Ю.

Трансформационные последствия пандемии COVID-19
в мировых системах высшего образования..... 28

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Оидов Х., Давааньям Б.

Китайские инвестиции и инициатива «Один пояс - один путь» в
Монголии (Кейс международных инвестиций)..... 46

Кузьменко Е.А.

Белые и красные силы Гражданской войны:
проблемы современной общественной интерпретации
исторической памяти в Финляндии 62

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

Грибин Н.П.

Коммуникационные режимы государств Центральной Азии
в контексте интересов национальной безопасности Российской
Федерации 80

**Бегалинова К.К., Грибин Н.П., Комлева В.В., Котюкова Т.В.,
Назаров Р.Р., Оспанова А.Н., Панов В.С., Смолик Н.Г.,
Тургунбаева А., Череменина Е.Г.**

Коммуникационные режимы в странах Центральной Азии:
научная дискуссия..... 96

Волков В.В., Воротников В.В., Комлева В.В., Стариков А.Д.

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная
дискуссия 138

CONTENTS

GEOPOLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Igor A. Matveev

“Security trap” as a challenge for Syria’s
post-conflict reconstruction 14

CHANGING SOCIETY

Victoria Yu. Ledeneva

The transformative impact of the COVID-19 pandemic on global higher
education systems 28

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

Khatanbold Oidov, Budsuren Davaanyam

Chinese Investment and the Belt & Road Initiatives in Mongolia (Case of
international investment) 46

Elena A. Kuzmenko

The white and red forces of the Civil War: problems of modern public
interpretation of historical memory in Finland 62

COMMUNICATION REGIMES

Nicolai P. Gribin

Communication regimes of the Central Asian states in the context of the
national security interests of the Russian Federation 80

**Kalimash K. Begalinova, Nikolai P. Gribin, Valentina V. Komleva,
Tatiana V. Kotyukova, Ravshan R. Nazarov, Aigerim N. Ospanova,
Viktor S. Panov, Nadezhda G. Smolik, Aigerim Turgunbayeva, Elena G.
Cheremenina**

Communication regimes in Central Asian countries: a scientific
discussion 96

**Vladislav V. Volkov, Vladislav V. Vorotnikov, Valentina V. Komleva,
Andrey D. Starikov**

Communication regimes of Latvia, Lithuania and Estonia: a scientific
discussion 138

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

“

В СЛОЖИВШЕЙСЯ НЕПРОСТОЙ
СИТУАЦИИ ИЗ ВНЕШНИХ АКТОРОВ,
ПОЖАЛУЙ, **ТОЛЬКО РОССИЯ** ПРОДОЛЖАЕТ
ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ **ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ**
ЛИНИИ С ЦЕЛЬЮ СТИМУЛИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО **ДИАЛОГА**
МЕЖДУ СИРИЙЦАМИ, ПЫТАЯСЬ,
И НЕ БЕЗУСПЕШНО, **ЗАДЕЙСТВОВАТЬ**
СОБСТВЕННЫЙ **ОПЫТ** ГАРАНТА
ЛОКАЛЬНЫХ ПЕРЕМИРИЙ (МУСАЛАХАТ),
АПРОБИРОВАННЫЙ В РАЗЛИЧНЫХ
ЧАСТЯХ СТРАНЫ. “

МАТВЕЕВ И.А.

«Ловушка безопасности» как вызов
для постконфликтной реконструкции Сирии

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-14-25

УДК: 338.14; 338.054.23

«Ловушка безопасности» как вызов для постконфликтной реконструкции Сирии

Матвеев И.А.

Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу бизнес-рисков в Сирии в сфере безопасности (по совокупности автор назвал их «ловушкой безопасности»). Среди них – очаги боевых действий между правительственными силами и оппозицией, противоречия между центральным правительством и местными элитами, рост преступности среди бывших комбатантов, травмированных войной, «городской» терроризм, активизация боевиков ИГИЛ в пустынных районах и (не в последнюю очередь) конфликты интересов между внешними акторами. Тема статьи представляется по существу новой для отечественных и зарубежных исследований, в которых ранее рассматривались преимущественно не экономические, а военно-политические или социальные аспекты безопасности. Такой взгляд позволяет сделать вывод о том, что бизнес-риски, наряду с другими трудностями (территориальная фрагментация, хозяйственная разруха, санкции, кризис в соседнем Ливане, пандемия COVID-19), являются тормозом на пути к оживлению деловой жизни. Это важно и полезно для выстраивания иерархии внешних и внутренних вызовов для постконфликтной реконструкции Сирии, в том числе в свете стабилизирующей роли России. В исследовании использованы эмпирические материалы, собранные автором за время дипломатической службы в российском посольстве в Дамаске в 2014–2017 годах и последующих регулярных посещений Сирии.

Ключевые слова: «ловушка безопасности», бизнес-риски, сирийский конфликт, внешние акторы, урбанистический терроризм

Об авторе: МАТВЕЕВ Игорь Александрович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. ORCID: 0000-0002-4611-5669РФ. Адрес: 107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12, iamatveev@mail.ru.

Введение

Несмотря на географическую локализацию вооруженного конфликта, серьезным препятствием на пути экономического восстановления Сирии остаются бизнес-риски, связанные с проблемами в сфере безопасности, которые фактически существуют во всех 14 провинциях страны. Этим объясняется актуальность темы статьи. Речь не только о спорадических боестолкновениях между сторонниками правительства и оппозиции, но и об активизации за последний год отрядов «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)¹ в Сирийской пустыне, урбанистическом терроризме, размахе тяжких преступлений, совершенных бывшими ополченцами, конфронтации центральных властей и местных элит, в том числе в освобожденных районах. На них наложились противоречия между внешними участниками (foreign stakeholders) сирийского конфликта. Все вышеупомянутые факторы, которые можно резюмировать понятием «ловушка безопасности» (security trap) – по аналогии с устоявшимися научными терминами «ловушка низкоуровневого равновесия» или «ловушка бедности» – обуславливают снижение деловой активности, вызывая апатию среди предпринимателей и существенно увеличивая затраты на инженерную защиту хозяйственных объектов и охрану персонала. Исходя из сказанного, основной целью исследования является определение степени опасности «ловушки безопасности» в иерархии вызовов для постконфликтной реконструкции Сирии, ее глубины («вязкости») при помощи контент-анализа и эмпирического метода и составление рекомендаций в свете возможной стабилизирующей роли России.

Материалы и методы

Сопоставив имеющиеся данные с содержанием бесед, которые проводились с сирийскими представителями, автор составил перечень внутренних бизнес-рисков (Таблица 1), из которого следует ряд выводов.

Результаты исследования

Во-первых, несмотря на военное поражение, ИГИЛ по-прежнему представляет опасность для месторождений полезных ископаемых,

1 Данная организация запрещена в Российской Федерации.

Таблица 1
Внутренние риски для деловой активности в Сирии (2020–2021) (Семенов 2021; Aita 2021, pp. 29, 63, 84–93; al-Ghadhawi 2021; Hardan 2021; Syria Security Situation 2021, pp. 30, 62–290)

Название провинции	Очаги военно-политической нестабильности		Преступность		Терроризм	
	Конфликты между вооруженными группами	Конфликт власти и местных авторитетов	Криминальные разборки (в том числе с участием контрабандистов)	Неустроенность комбатантов (в том числе бандитизм, похищения людей)	Присутствие и активность ИГИЛ	Урбанистический терроризм
Алеппо					+ (юго-восток)	
Зона ВПС			+ (борьба за гумпомощь из зоны СПС)	+ (действующие и бывшие боевики США и других протурецких групп)		+ (против турок и их союзников)
Дамаск						+ (против правительства, 2020)
Дамасская область						+ (против правительства)
Дейр-эз-Зор	+ (между проправительственными группами за контроль над границей с Ираком)				+ (угроза нефтегазовым месторождениям, 2020)	
Зона ААСВС	+ (между курдами и арабами)	+ (между курдами и арабами)				
Деръа	+ (между 4-й дивизией САА, «Хизбаллой», с одной стороны, и местными боевиками примиренной оппозиции – с другой)	+	+	+ (боевики примиренной оппозиции)		

Идлиб		+	+	+		
Зона СПС	+ (между ХТШ и другими группами)	+ (между местными органами власти и ХТШ)	+ (Сармада / Баб эль-Хава, борьба за гумпомощь)	+ (боевики ХТШ, другие джихадисты)		+ (отдых полевых командиров и боевиков)
Латакия						+ (шабихи)
Ракка						+ (угроза газовой инфраструктуре)
Зона ААСВС	+ (между курдами и арабами)	+ (между курдами и арабами)				
Тартус				+		
Хама				+ (борьба за контроль над транзитом из Идлиба)		+ (восток, район Раджан-Итрия)
Хасеке	+ (между курдами и арабами)	+ (между курдами и арабами)		+ (борьба за гумпомощь, контрабандная торговля с Турцией через Иракский Курдистан)		+ (угроза нефтяным месторождениям)
Хомс	+ (в том числе между проправительственными группами)		+	+		+ (Бадия; угроза месторождениям газа и фосфатов)
Эль-Кунейтра				+ (+) веб-ресурс		+ (члены проиранских групп, бывшие боевики оппозиции)
Эс-Сувейда		+ (между центральной властью и местными друзьями)	+			+ (в том числе боевики «Хизбаллы»)

объектов горнодобывающей промышленности в зонах правительства и Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС). Эксперты из вашингтонского Института по изучению войны (Institute for the Study of War) обоснованно выделили пять опорных пунктов боевиков ИГИЛ: Раджан на востоке провинции Хама, Джебель-Хайян – Джебель Абу-Руджмейн южнее Пальмиры в провинции Хомс, анклав,

Таблица 2

Статистика боестолкновений и жертв среди гражданских лиц в сирийских провинциях (al-Ghadhawi 2021; Syria Security Situation 2021, pp. 56, 74, 97, 114, 126, 137, 152, 179, 195, 216, 229, 242, 262, 276, 286)

Название провинции / критерий и отчетный период	Число боестолкновений (январь 2020 – март 2021) / ACLED	Число случаев насильственных действий против гражданских лиц (январь 2020 – март 2021) / ACLED	Число операций ИГИЛ (январь – декабрь 2019)	Число операций ИГИЛ (январь – декабрь 2020)	Число жертв среди гражданских лиц (январь – декабрь 2020): VDC/SNHR	Число жертв среди гражданских лиц (январь – март 2021): VDC/SNHR
Алеппо (вкл. зону ВПС)	601	248	1 (юго-восток)	14 (юго-восток)	446/402	73/104
Дамаск	3	25			100/8	13/1
Дамасская область	40	125			51/28	19/3
Дейр-эз-Зор (вкл. зону ААСВС)	422	434	65	93	207/301	62/59
Деръа	336	233			202/217	51/44
Идлиб (зона СПС) (вкл. зону правительства)	641	128			419/472	37/61
Латакия	33	1			2/3	-/-
Ракка (вкл. зону ААСВС)	303	232	7	46	140/106	17/16
Тартус	0	1			3/-	-/-
Хама	180	12	2	43	35/54	48/63
Хасеке (зона АА-СВС) (вкл. анклав правительства)	369	374			125/118	56/73
Хомс	67	21	68	89	44/14	9/10

Эль-Кунейтра	19	2	3/3	2/2
Эс-Сувейда	22	38	58/8	12/2
Без указания провинции			71/-	5/-

расположенный восточнее населенного пункта Ресафа в провинции Ракка, транзитный район Джебель-Бишри на стыке провинций Дейр-эз-Зор, Ракка и Хомс и анклав южнее Аш-Шула и западнее Фейдат Бин Мвене, угрожающий насосной станции Т2 на нефтепроводе Киркук-Банияс в провинции Дейр-эз-Зор (Syria Security Situation 2021, p. 30). Активность игиловцев в 2020–2021 годах отмечалась зарубежными экспертами и на юге, в Деръа, а также в соседних провинциях Эль-Кунейтра (в качестве «спящих ячеек») и Эс-Сувейда (Syria Security Situation 2021, pp. 256, 273, 282).

Во-вторых, Дамаск и пригороды оставались мишенью для городского терроризма. Так, 24 августа 2020 года был взорван участок газопровода между районами Думейр и Адра, что усилило и без того серьезные перебои с электричеством; ранее 18 июля в результате подрыва двух бомб в сирийской столице погиб один и был ранен другой мирный житель. Жертвой теракта 22 октября в поселке Кудсия стал муфтий Дамаска шейх Мухаммед Аднан аль-Афьюни. Не прекращается террористическая активность в подконтрольной туркам зоне Временного правительства Сирии (ВПС), особенно в районе Африна, где жертвами нападения на местную городскую больницу 12 июня 2021 года стали 13 человек.

В-третьих, в населенной лояльными властями алавитов и христианами Западной Сирии после локализации вооруженного конфликта возникли бизнес-риски, не связанные с политическим противостоянием. В Латакии неафишируемой проблемой стал бандитизм, рост числа ограблений и похищений людей с целью выкупа. В ходе посещения автором данной провинции 4–5 июня 2021 года местные жители доверительно сообщали, что, невзирая на обилие правительственных блокпостов на дорогах, такие преступления совершались в темное время суток в горных и приморских районах, расположенных к северу от города Латакия до пограничного с Турцией населенного пункта Кассаба. В этой зачищенной от оппозиции зоне на преступный путь встали бывшие ополченцы из числа алавитов, которые привыкли к жестокости, а после демобилизации оказались без работы и средств к существованию; в народе их еще во время войны прозвали «шабихами», что по-арабски означает «мафиозо», или «привидения».

Таблица 3

Основные конфликтные зоны (Семенов 2021; Syria Security Situation 2021, pp. 108, 174, 205)

	Россия	Турция	США
Иран / «Хизбалла», проиранские милиции	Дейр-эз-Зор (район к югу от Абу-Кемаль), Деръа, Хама, Эль-Ку-нейтра, Эс-Сувейда (попытки сохранения статус-кво с целью сдерживания Ирана и его союзников)	Идлиб (линия между зонами правительства и СПС)	Дейр-эз-Зор (удары ВВС США по иранским целям)
Россия		Провинции Алеппо и Идлиб (удары ВКС РФ по сирийским союзникам Турции в зонах СПС и ВПС)	Хасеке (инциденты при патрулировании)

В привычную практику для соседней провинции Тартус превратились разборки между деловыми авторитетами с учетом пестрой палитры бизнес-интересов, на что не зря обратили внимание в НПО «The Circle of Arab Economists» (Aita 2021, p. 84). Хотя и до войны этот примыкающий к Ливану регион был известен своими контрабандистами. По имеющимся сведениям, в ходе конфликта «старых» бизнесменов владельца известной в Сирии автобусной компании «Кадмус» Махрана Кхуанда потеснили «нுவориши» из числа командиров Сирийской арабской армии (САА), такие как Али Муханна или Хидр Тахер (Абу Али Хидр аль-Джиджи) (Aita 2021, pp. 89-90).

Посетив город Тартус в ноябре 2019 года, автор обратил внимание на то, что встречавший его сирийский предприниматель постоянно возил с собой в автомобиле автомат Калашникова. 29 июля 2021 года местный интернет-ресурс Tartousiat 2 сообщил в социальной сети Facebook о вооруженном нападении неизвестных на дом главы региональной торговой и промышленной палаты Мазена Хаммада, который лишь по счастливой случайности не пострадал.

В-четвертых, дефицит безопасности был зачастую связан с конфликтами между центром и элитами на местах. Наглядным примером стала ситуация в населенной друзами и на протяжении конфликта лояльной Дамаску провинции Эс-Сувейда, где в январе и июне 2020 года прошли массовые демонстрации под антиправительственными лозунгами (Oweis 2020). Причинами явились падение уровня жизни, рост бедности и инфляция на фоне пандемии коронавируса, что наложилось на хроническое недовольство коренных жителей присутствием «пришлых» боевиков «Хизбаллы», которые вмешивались в хозяйственные дела. Однако в то же время за протестами скрывались ущемленные

Таблица 4

Точки соприкосновения интересов между внешними акторами в Сирии (составлена автором)

	Россия	Власти САР	Турция	ВПС и СПС (зоны интересов Турции)
Иран	Перспективный российско-иранско-сирийский проект по достройке железнодорожной магистрали из Сирии в Ирак по маршруту: Латакия-Тартус-Хомс-Пальмира-Дейр-эз-Зор-Абу-Кемаль (провинции Латакия, Тартус, Хомс, Дейр-эз-Зор)		Недопущение экономической блокады зоны СПС Ираном и проиранскими милициями со стороны прилегающих районов зоны правительства (провинции Идлиб, Хама)	
ААСВС (зона интересов США)	Восстановление нефтяной инфраструктуры (трубопроводов), обеспечение безопасной транспортировки нефти с целью смягчения топливного кризиса по всей стране и экспорта нефти	Укрепление продовольственной безопасности в зоне правительства за счет поставок зерна из зоны ААСВС	Поиск компромиссов в сфере безопасности с целью нормализации экономической жизни и снижения террористической активности в зоне ВПС, «зоне безопасности» на севере и прилегающих районах ААСВС (провинции Алеппо, Ракка, Хасеке)	Укрепление продовольственной безопасности в зонах ВПС и СПС за счет поставок зерна из зоны ААСВС (провинции Алеппо, Идлиб)

интересы местных авторитетов и сельхозпроизводителей. Друзские лидеры были недовольны тем, что после локализации конфликта Эс-Сувейда потеряла статус «убежища для бизнеса», куда во время горячей фазы переводились производства из фронтовых районов. Подогревая общественное недовольство, они пытались заставить власти вновь оказать «своему» региону адресную экономическую и финансовую помощь, львиная часть которой оказалась бы в их руках. В свою очередь, местные аграрии страдали из-за ограничений на ввоз яблок со стороны Египта, куда традиционно экспортировалось до 90% данной продукции: за 2020 год, по оценкам сирийских экспертов, за рубеж удалось продать только 4 800 тонн яблок из выращенных в Эс-Сувеиде 40 824 тонн (Syrian Law Journal 2021).

В-пятых, негативно на деловом климате в провинциях продолжали сказываться конфликты между военизированными формированиями, порождавшие у местных предпринимателей и рядовых граждан чувства незащищенности и неопределенности. Причем иногда группировки принадлежали к одному лагерю: оппозиционному, как в Идлибе (зона «Сирийского правительства

спасения», СПС), где боевики «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)² противостояли союзникам Турции, либо правительственному, как в случае соперничества правительственных и проиранских сил за контроль над перемещениями товаров через границу с Ираком через КПП Абу-Кемаль – Аль-Каим на востоке провинции Дейр-эз-Зор.

Гипотезу о том, что ситуация с безопасностью по всей Сирии до сих пор далека от благополучной, подтверждают имеющиеся данные (Таблица 2), которые ввиду отсутствия актуальной официальной статистики были взяты автором из публикаций трех НПО: Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED), Violations Documentation Center in Syria (VDC) и Syrian Network for Human Rights (SNHR). Они касались числа нападений на мирное население и жертв, боестолкновений и операций ИГИЛ. В отличие от в целом стабильной динамики в 2020 – первом квартале 2021 года внушала тревогу активизация боевиков ИГИЛ. Только за 12 месяцев 2020 года число их вылазок выросло по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на юго-востоке провинции Алеппо на 1 300%, в Дейр-эз-Зоре – на 43%, Ракке – на 557%, Хаме – на 2 050%, а в Хомсе – на 31% (al-Ghadhawi 2021)³.

В отношении поведения некоторых внешних авторов необходимо признать, что их взаимные трения в различных регионах Сирии, а нередко и противоречия с интересами сирийцев усиливали «вязкость» (strength) «ловушки безопасности» (Таблица 3). Судя по карте иностранного военного присутствия на сирийской земле, подготовленной стамбульским аналитическим центром Jusoor for Studies, по состоянию на 5 января 2021 года больше всего объектов (баз, постов) было у Ирана (131), затем шли «Хизбалла» (116), Турция (114), Россия (83) и коалиция во главе с США (33) (Map of the Military Bases and Posts of Foreign Forces in Syria 2021). Иногда нестыковки интересов между собой и с местными силовиками способствовали эскалации напряженности. Например, широкую известность получили провоцируемые американскими военными инциденты с патрулями российской военной полиции на курдском северо-востоке.

От внимания экспертов не ускользнул возникший в зоне правительства на западе Дейр-эз-Зора «дуализм» контроля между сирийской армией и силами безопасности, с одной стороны, и де-факто доминировавшими на юге данной провинции (в районах Абу-Кемаль и Меядин) проиранскими милициями, набранными из зарубежных шиитов, – с другой. Причем в рядах сирийских военнослужащих оказались как сторонники Ирана (4-я танковая дивизия), так и России (5-й корпус) (Syria Security Situation 2021, p. 202). По отзывам контактов

автора в Дамаске, между сирийцами и иностранцами то и дело возникали стычки за контроль над трансграничной торговлей с Ираком, что вдобавок к локальным операциям ИГИЛ сдерживало ее развитие.

В еще один очаг противостояния – между Сирийской арабской армией (все той же 4-й дивизией) и примиренной оппозицией (8-й бригадой 5-го корпуса, сформированной из бывших боевиков Сирийской свободной армии по договоренности с Россией) – летом 2021 года превратился квартал Деръа аль-Балад (Старый город) в административном центре одноименной провинции. Здесь, как рационально отмечал российский эксперт К.В. Семенов, не сошлись интересы властей САР и внешних акторов в лице Ирана и России⁴. И если в Дамаске тем самым надеялись продемонстрировать миру новые военные успехи на фоне задержки с полным освобождением Идлиба, Тегеран и «Хизбалла» не отказались от планов по созданию антиизраильской передовой базы в Деръа и Эль-Кунейтре, мимикрируя под сирийские правительственные войска (Семенов 2021). В свою очередь, в Москве были твердо настроены сохранить статус-кво в стратегической полосе, примыкающей к оккупированным израильтянами Голанским высотам, пытаясь примирить власти САР и бывших оппозиционеров.

В соседней с Деръа Эс-Сувеиде друзья, которые, как уже отмечалось, изрядно устали от присутствия «Хизбаллы» и вызванных им налетов ВВС Израиля, весной 2021 года начали учреждать охранные отряды наподобие ранее формировавшихся против ИГИЛ (Syria Security Situation 2021, p. 283). На фоне роста протестов по всей провинции это вылилось в создание 7 июля местной оппозиционной «Сирийской партии аль-Лива» под лозунгами защиты населения от хаоса и терроризма, в попустительстве которым обвинили центральные власти (Hardan 2021).

Обсуждение

В сложившейся непростой ситуации из внешних акторов, пожалуй, только Россия продолжает придерживаться последовательной линии с целью стимулирования национального диалога между сирийцами, пытаясь (и не безуспешно) задействовать собственный опыт гаранта локальных перемирий («мусалахат»),

² Организация запрещена в Российской Федерации.
³ Процентные величины округлялись автором до целых.

⁴ Семенов К.В. Сохранить статус-кво: почему Россия защищает сирийских повстанцев от Асада [Preserving Status Quo: Why Russia Defends Syrian Rebels from Asad]. News.ru, 3 августа 2021 г. URL: <https://news.ru/world/pochemu-rossiya-zashishaet-sirijskih-povstancev-ot-asada/> (дата обращения: 28.09.2021).

апробированный в различных частях страны. При этом сохраняются точки соприкосновения интересов и, следовательно, резервы для компромиссов с другими иностранными участниками конфликта в сфере безопасности (Таблица 4), которые могли бы ощутимо нивелировать бизнес-риски, уменьшив «вязкость» «ловушки безопасности».

Выводы

В целом, несмотря на нынешние вызовы, взаимодействие Дамаска с Москвой по вопросам безопасности развивается успешно, о чем свидетельствует визит президента САР Б. Асада в Москву 13 сентября 2021 года. Готовность сирийских властей к конструктивному взаимодействию способна вызвать позитивные подвижки в плане укрепления общественного порядка и улучшения делового климата, в частности, на сирийском юге. Однако для выхода из «ловушки безопасности» в общенациональном масштабе, по всей видимости, потребуется также кооперативность со стороны Ирана и Турции при отсутствии жесткой обструкции со стороны администрации Дж. Байдена на курдском северо-востоке.

Источники

- Aita, S. (supv.). *The Political Economy and Its Social Ramifications in Three Syrian Cities: Tartous, Qamishli and Azaz – Community Cohesion and Stability Project*. Paris: Le Cercle des Économistes Arabes, January 2021. URL: <http://www.economistes-arabes.org/fr/wp-content/uploads/2021/06/Political-Economy-Report-English-F.pdf>.
- al-Ghadhawi, A. al-Assad's Strategy to Avoid Becoming a Puppet of Russia and Iran. Washington DC: Newlines Institute for Strategy and Policy, 11 Mar 2021. URL: <https://newlinesinstitute.org/isis/al-assads-strategy-to-avoid-becoming-a-puppet-of-russia-and-iran/>.
- Hardan, M. New Druze Political Party, Military Faction Take Shape in Suwayda. Washington DC: Al-Monitor, 18 Jul 2021. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/07/new-druze-political-party-military-faction-take-shape-suwayda>.
- Legal Briefing – January 2021. Syrian Law Journal, 13 Feb 2021. URL: <http://www.syria.law/index.php/legal-briefing-january-2021/>.
- Map of the Military Bases and Posts of Foreign Forces in Syria. Istanbul: Jusoor for Studies, 6 Jan 2021. URL: <https://jusoor.co/details/%20عراقو%20دعوق%20طاقو%20عوقل%20عوقل%20جراخا%20في%20ديروس/826/en>.
- Oweis, K.Y. Druze Protests in Syria's Suweida Fly in the Face of Regime Strategy. Abu-Dhabi: The National, 21 Jan 2020. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/druze-protests-in-syria-s-suweida-fly-in-the-face-of-regime-strategy-1.966998>.
- Syria Security Situation (Report). European Asylum Support Office – Country of Origin Information. Valletta, Malta: July 2021. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2021_07_EASO_COI_Report_Syria_Security_situation.pdf.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-14-25

“Security trap” as a challenge for Syria’s post-conflict reconstruction

Igor A. Matveev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: The present article is dedicated to comprehensive analysis of business-risks in Syria in the security sphere (the author named it as “security trap”). Among them are the seats of combat activities between the government forces and the opposition, contradictions between the central government and local elite, rise in criminality among former combatants, traumatized by war, “urban” terrorism, stepped up activity on the part of ISIS militants in desert areas and not in the last measure the conflicts of interests among external actors. This topic seems to be quite new for scientific research in Russia and abroad since most analytical work has been previously focused on impacts of security in military political and social spheres rather than in the economic one. Such approach would allow us to make a conclusion that business risks alongside other difficulties such as territorial fragmentation, economy lying in ruins, sanctions, crisis in neighboring Lebanon, COVID-19 pandemic are hampering the revival of businesslike life. This is important and useful for constructing hierarchy of external and internal challenges for Syria’s post-conflict reconstruction, including the stabilizing role of Russia. The author has used empirical materials gathered during the term of his diplomatic service at the Russian Embassy in Damascus (in 2014–2017) along with his subsequent regular visits to Syria.

Keywords: “security trap,” business-risks, Syrian conflict, foreign actors, urban terrorism

About author: Igor A. MATVEEV. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Senior Scholar. ORCID: 0000-0002-4611-5669. Address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation. iamatveev@mail.ru.

References

- Aita, S. (supv.). The Political Economy and Its Social Ramifications in Three Syrian Cities: Tartous, Qamishli and Azaz – Community Cohesion and Stability Project. Paris: Le Cercle des Économistes Arabes, January 2021. URL: <http://www.economistes-arabes.org/fr/wp-content/uploads/2021/06/Political-Economy-Report-English-F.pdf>.
- al-Ghadhawī, A. al-Assad's Strategy to Avoid Becoming a Puppet of Russia and Iran. Washington DC: Newlines Institute for Strategy and Policy, 11 Mar 2021. URL: <https://newlinesinstitute.org/isis/al-assads-strategy-to-avoid-becoming-a-puppet-of-russia-and-iran/>.
- Hardan, M. New Druze Political Party, Military Faction Take Shape in Suwayda. Washington DC: Al-Monitor, 18 Jul 2021. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/07/new-druze-political-party-military-faction-take-shape-suwayda>.
- Legal Briefing – January 2021. Syrian Law Journal, 13 Feb 2021. URL: <http://www.syria.law/index.php/legal-briefing-january-2021/>.
- Map of the Military Bases and Posts of Foreign Forces in Syria. Istanbul: Jusoor for Studies, 6. Jan 2021. URL: <https://jusoor.co/details/%20طيطيرخ%20دعوق%20وطاقنو%20وئوقل%20وئوقراغل%20ويجراغل%20ويروس%20يف%20يف826/en>.
- Oweis, K.Y. Druze Protests in Syria's Suweida Fly in the Face of Regime Strategy. Abu-Dhabi: The National, 21 Jan 2020. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/druze-protests-in-syria-s-suweida-fly-in-the-face-of-regime-strategy-1.966998>.
- Syria Security Situation (Report). European Asylum Support Office – Country of Origin Information. Valletta, Malta: July 2021. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2021_07_EASO_COI_Report_Syria_Security_situation.pdf.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

“ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА **COVID-19** ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ОБЛАСТЕЙ ДЛЯ **СЕРЬЕЗНЫХ** ИССЛЕДОВАНИЙ — ЭТО **АНАЛИЗ** ТОГО, КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ **ФАКТОРЫ** ВЛИЯЮТ НА **БУДУЩЕЕ** МЕЖДУНАРОДНОГО **ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**. “

“ В НАЧАЛЕ ПАНДЕМИИ, В АПРЕЛЕ 2020 ГОДА, **БОЛЕЕ 1,5 МЛРД СТУДЕНТОВ** В 191 СТРАНЕ МИРА ПОСТРАДАЛИ ОТ ПАНДЕМИИ COVID-19, ЧТО СООТВЕТСТВУЕТ 91,3% ВСЕХ СТУДЕНТОВ **ВО ВСЕМ МИРЕ**. В БОЛЬШИНСТВЕ СТРАН **ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ** БЫЛИ ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ЗАКРЫТЫ, А МНОГИЕ СТУДЕНТЫ **ПЕРЕВЕДЕНЫ** НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ (АГРАНОВИЧ 2020). “

ЛЕДЕНЕВА В.Ю.

Трансформационные последствия пандемии COVID-19 в мировых системах высшего образования

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-28-43

УДК 314.74

Трансформационные последствия пандемии COVID-19 в мировых системах высшего образования

Леденева В.Ю.

Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются долгосрочные последствия пандемии COVID-19 для высшего образования разных стран. Недостаток информации и репрезентативных данных о влиянии пандемии на изменения в системах образования разных стран – тема пока еще малоизученная, в связи с чем трудно предсказать, какие трансформационные процессы будут происходить в ближайшем будущем. Пандемия COVID-19 поставила перед высшим образованием множество проблем с точки зрения преподавания, обучения, сотрудничества в исследованиях и институционального управления. В то же время пандемия предоставила отличную возможность для различных заинтересованных сторон переосмыслить и даже перепланировать высшее образование с помощью эффективного плана управления рисками для повышения устойчивости в будущем. Кризис позволил пересмотреть роль информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и проанализировать эффективность онлайн-обучения в высшем образовании. В статье предпринята попытка систематизировать имеющуюся в открытых источниках информацию и оценить влияние пандемии на такие аспекты высшего образования, как проблемы технического оснащения, доступности для разных социальных групп, цифровизации и международной академической мобильности. Использовались методы системного и компаративного анализа, основанные на международных исследованиях и онлайн-опросах. Предложены рекомендации для изучения влияния глобальной политики и геополитических факторов на будущее международного высшего образования.

Ключевые слова: образовательная мобильность, пандемия COVID-19, онлайн-обучение, мировые системы образования

Об авторе: ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна. Доктор социологических наук. Главный научный сотрудник – руководитель отдела этнодемографических и интеграционных процессов Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. ORCID 0000-0002-9478-2917. Адрес: 119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. vy.ledeneva@yandex.ru.

Введение

В настоящее время разные страны предпринимают шаги по организации своих систем образования в контексте уже четвертой волны пандемии коронавируса (COVID-19). Вспышка пандемии COVID-19, начавшаяся в начале 2020 года, оказала серьезное влияние на развитие высшего образования в различных аспектах, включая переход от очного обучения к онлайн-обучению, отмену физических мероприятий и занятий и формирование «новой нормальности» в высшем образовании (Tesar 2020). В начале пандемии, в апреле 2020 года, более 1,5 млрд студентов в 191 стране мира пострадали от пандемии COVID-19, что соответствует 91,3% всех студентов во всем мире. В большинстве стран образовательные учреждения были полностью или частично закрыты, а многие студенты переведены на дистанционное обучение (Агранович 2020).

Перевод высших учебных заведений на дистанционный формат обучения был сопряжен с многими проблемами, в первую очередь с техническим оснащением учреждений, позволяющим проводить занятия в онлайн-режиме. Неготовность инфраструктуры сопровождалась отсутствием или слабой подготовкой преподавателей к работе в новых условиях, что повлекло за собой срочную организацию обучающих курсов подготовки преподавателей для работы на разных платформах командной работы (ZOOM, TEAMS, SKYPE, GOOGLE MEET и др.). Наблюдался рост увольнений преподавателей высших учебных заведений, особенно старшего возраста, в связи со сложностью освоения новых форм дистанционного обучения. Проблемы высшего образования в условиях пандемии COVID-19 относительно недавно стали предметом специального исследования российских ученых. В частности, некоторые из них (Комлева 2021) утверждают, что пандемия оказала серьезное влияние на усиление социального, экономического, культурного, политического неравенства и сделала весьма значимым новое неравенство – цифровое. Поэтому многие университеты мира разработали новые стратегии высшего образования, в странах Европейского союза пересматривают государственные политики высшего образования в расчете на будущее. Новые государственные стратегии высшего образования в ЕС «связаны не только с цифровизацией образовательной среды, но и с развитием мотивации, цифровых компетенций трудовых ресурсов в связке с развитием цифровой, зеленой, инновационной экономики будущего» (Комлева 2021, с. 144). Такая тенденция характерна и для других стран, желающих быть конкурентоспособными в мировом образовательном пространстве.

Материалы и методы

В апреле 2020 года Международной ассоциацией университетов (IAU) был проведен опрос 424 высших учебных заведений 109 стран мира, в том числе в Российской Федерации было опрошено 28 образовательных учреждений (Минаева 2020). Региональные отчеты были опубликованы в августе 2020 года (Marinoni, van't Land, Jensen 2020). Основной массив был представлен высшими учебными заведениями из Африки и Европы и недостаточно представлены образовательные учреждения Северной и Южной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди респондентов 36% – руководители образовательных учреждений, 20% – профессорско-преподавательский состав, 16% – руководители международных отделов.

Исследование IAU показало, что 59% университетов были полностью закрыты, 30% «продолжали работать частично», но столкнулись с «серьезными проблемами». При этом 91% вузов заявили, что «общение со студентами продолжалось и не вызывало серьезных затруднений» в этот период¹. Только 7% учебных заведений полностью остановили свою деятельность; 24% заявили, что их деятельность была приостановлена, но стали развиваться цифровые технологии и самообучение; 67% учебных заведений «заменили обучение в аудитории на онлайн-преподавание». В последней группе доля респондентов составила 85% в Европе, 72% – в Северной и Южной Америке, 60% – в Азиатско-Тихоокеанском регионе и только 29% – в Африке. Однако уже в докладе, опубликованном в августе 2020 года, IAU отметила, что 95% европейских учебных заведений «перешли на дистанционное обучение в масштабах всего учебного заведения».

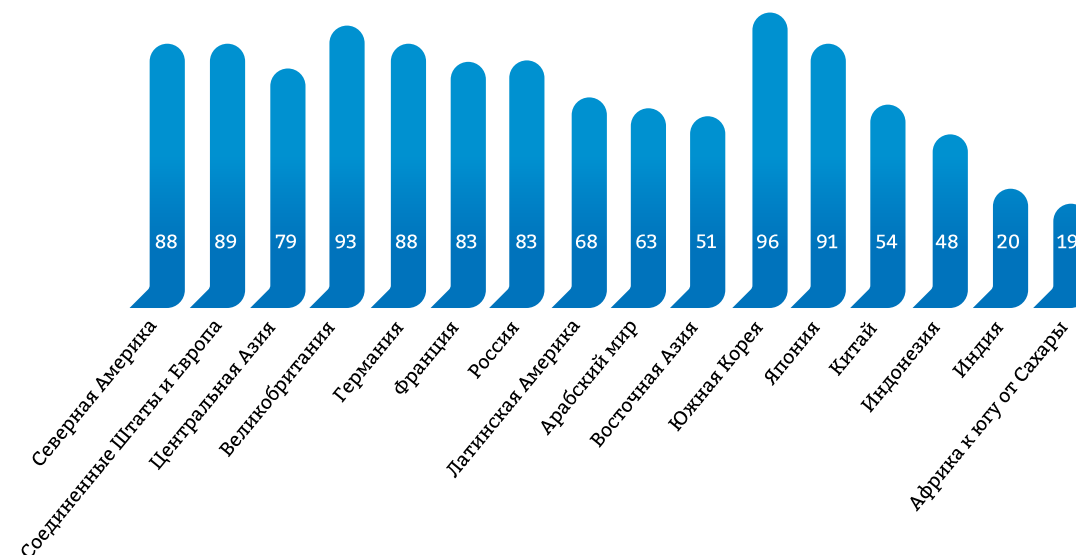
Результаты исследования

Анализ воздействия пандемии на высшее образование

Университет Цинхуа в Китае продолжил работу полностью в онлайн-режиме и в короткие сроки осуществил разработку 4 тыс. курсов, которые затем стали широко доступны во всем Китае. Министерство образования Китая профинансировало элитные университеты для разработки и распространения в стране онлайн-программ (Coates, Wen, Shi 2020).

¹ Regional/National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education // International Association of Universities. 08.2020. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020.pdf.

Рисунок 1. Доля населения, имеющего доступ к Интернету (2019 или ближайший год)

Источник: Данные Всемирного банка // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?view=chart>

На фоне имеющихся проблем «цифровой пропасти» колледжи и университеты в странах с низким доходом изо всех сил пытались внедрить качественные программы дистанционного обучения, стремясь хоть как-то компенсировать отсутствие опытных преподавателей, адекватных образовательных ресурсов и сильного институционального потенциала. Международный эксперт в области высшего образования Дж. Салми ссылается на многочисленные подтверждения слабости или отсутствия цифровой связи и/или образования в Африке и Южной Азии (Salmi 2020).

Данные показывают, что не во всех странах есть надежное подключение к Интернету (см. Рисунок 1)

В Индонезии только треть студентов имеет ограниченный доступ к Интернету или не имеет его вообще. Не у всех студентов есть устройства, которые можно подключать к Интернету, а многие из имеющихся не обеспечивают использование полного набора функций, необходимых в процессе обучения. Кроме того, доступ к дистанционному обучению опосредован социальными факторами, а также географическим расположением внутри стран, проблема в этом отношении затрагивает как богатые, так и бедные страны.

В то же время перерыв в образовании позволил многим странам активно начать перестройку своих систем образования на цифровые технологии (Марджинсон и др. 2020). По мнению Дж Салми,

«...электронное обучение – это не просто запись традиционной лекции и ее размещение на веб-сайте учреждения или использование платформы видеоконференции для чтения той же лекции онлайн, что обычно делалось в аудитории. Получение эффективного онлайн-образования требует таких методов преподавания и изучения, которые динамично вовлекают учащихся в процесс обучения, вызывают в них положительные эмоции и желание учиться. Нынешний кризис предоставил прекрасную возможность для внедрения инноваций, позволяющих взять на вооружение более активные, интерактивные и экспериментальные методы обучения, которые до пандемии использовали лишь отдельные высшие учебные заведения. Среди этих ориентированных на студентов подходов – обучение по методу решения проблем, самообучение, взаимное обучение, командное обучение, переключение аудитории в смешанный онлайн-офлайн режим, а также использование моделирования и игр, которые могут применяться как самостоятельно, так и в качестве дополнения» (Salmi J.).

Хотя онлайн-обучение рассматривается как средство от проблем высшего образования (например, рост стоимости обучения), студенты и преподаватели выражают много негативных опасений относительно эффективности обучения и взаимодействия во время пандемии (Herman, 2020; Xiong, Mok, Jiang, 2020).

Доступность высшего образования для разных социальных групп

Дифференцирующее воздействие пандемии на социальные группы в рамках доступа к высшему образованию широко обсуждается в экспертном сообществе, но достоверных данных по этим проблемам практически нет. В некоторых странах пандемия привела к сокращению общего числа учащихся, особенно сильно пострадало бедное население. Например, в середине октября 2020 года Национальный информационный студенческий центр США объявил, что в 2020 / 2021 учебном году в кампус заехало на 4% меньше студентов, чем в предыдущем году, а первокурсников – на 16% меньше. Многие из них сталкиваются с трудностями в получении доступа к технологиям, необходимым для дистанционного обучения. Кроме того, сокращению численности студентов могла способствовать и сложность перевода программ профессиональной подготовки в онлайн-режим.

К наиболее пострадавшим категориям учащихся относятся следующие:

- малоимущие студенты, в том числе те, у кого нет соответствующих возможностей для доступа в Интернет. В 2020 / 2021 учебном году многим из них не удалось получить полноценные знания, а кто-то и вовсе бросил учебу. Для студентов из бедных семей проблемой может стать и отсутствие тихого места для учебы;

- многие студенты до пандемии не только учились, но и работали, а теперь потеряли и учебу, и работу. К этой категории относятся студенты из малоимущих слоев населения, они составляют подавляющее большинство в таких странах, как Германия или Бразилия;

- студенты из малообеспеченных этнических меньшинств, у которых также могут быть проблемы с получением доступа к технологиям;

- иностранные студенты, которые не могут уехать и испытывают в связи с этим финансовые трудности; или же те, кто поступил и только приехал на первый год обучения, но столкнулся с локдауном;

- студенты-инвалиды, которые при дистанционном обучении могут не иметь эквивалентного доступа к вспомогательным средствам, доступным на территории кампуса.

Для измерения ущерба, нанесенного пандемией COVID-19 высшему образованию, профессор К. Шрок из Государственного университета Эмпории предложил ввести понятие «ожидаемое количество потерянных интеллектуальных лет жизни» (Марджинсон и др. 2020).

Дифференцированный доступ к образованию в том или ином виде существует в каждой отдельно взятой стране. В Университете Сан-Паулу, ведущем высшем учебном заведении Бразилии, около 30% студентов являются выходцами из семей с низким доходом, и многие из них жалуются на отсутствие доступа к Интернету, отсутствие места для учебы или проблемы с психическим здоровьем.

В развитых странах, таких как Франция или Великобритания, подавляющее большинство студентов легко адаптировалось к новым методам преподавания, однако возникли проблемы с использованием электронной почты, закрытием некоторых каналов связи.

В Великобритании 27% студентов заявили, что не могли получить доступ к онлайн-обучению во время изоляции. Поступали сообщения о частых технических проблемах и отсутствии реакции со стороны университетов на эти проблемы². В Австралии 13% домохозяйств не имеют подключения к высокоскоростному Интернету, а в США эта цифра составляет 6%.

² Packham A. One in four students unable to access online learning during lockdown – survey. The Guardian. 08.09.2020.

Последствия пандемии, повлиявшие на международную мобильность студентов

Влияние пандемии COVID-19 особенно заметно на мобильности студентов (Altbach, de Wit, Mok 2020). Из-за ограничений на поездки и закрытия кампуса многие студенты изменили или вовсе отменили свои планы по обучению за границей. Опрос, проведенный IAU в первых числах апреля 2020 года, показал, что в начале пандемии международная мобильность студентов была полностью остановлена в 89% учебных заведений (Marinoni, van't Land, Jensen 2020). В 47% всех опрошенных учебных заведений иностранные студенты обучались на местах, а в 37% – местные студенты обучались в зарубежных образовательных учреждениях. В общей сложности 60% сразу перешли на международное дистанционное обучение, а остальные рассматривали этот вариант.

Следовательно, высшие учебные заведения из основных стран назначения, таких как США, Великобритания и Австралия, ожидали значительного сокращения иностранных студентов в следующем семестре. Например, по данным опроса, проведенного Институтом международного образования, примерно 90% колледжей и университетов США ожидали снижения набора иностранных студентов, а 30% вузов указали на существенное сокращение в 2020 / 2021 учебном году (Martel, 2020). Национальная ассоциация по делам иностранных студентов (NAFSA) отметила, что из-за отмены или сокращения программ обучения за рубежом американские учреждения США в целом потеряли почти 1 млрд долларов и «потратили приблизительно 683 млн долл. на финансовую поддержку иностранных студентов, ученых, преподавателей и сотрудников, которые остались в кампусе, когда курсы были переведены в онлайн-режим»³.

Исследование, опубликованное Британским советом в апреле 2020 года, показало, что 39% китайских студентов, являющихся крупнейшим источником иностранных студентов в Великобритании, не уверены в своих дальнейших учебных планах (Durnin 2020). Точно так же австралийские вузы столкнулись с потерей примерно 150 000 китайцев в наступающем учебном году (Mercado 2020).

Материковый Китай как основной источник иностранных студентов в несколько стран назначения в 2019 году направил более 710 000 студентов; из них 73% (518 300) имели высшее образование (New Oriental 2020). Однако из-за пандемии COVID-19 китайские студенты

отменили или изменили свои планы обучения за границей из соображений безопасности и ограничений на поездки. Правительство Китая также объявило о некоторых уведомлениях, предупреждающих новых студентов не посещать определенные страны назначения (например, Австралию) из соображений безопасности (Министерство образования Китая, 2020). Несмотря на это обстоятельство, некоторые вузы в регионе Восточной Азии попытались использовать эту проблему как возможность для привлечения студентов из материкового Китая, разработав разные программы обучения.

В исследовании китайских авторов критически изучается, как студенты материкового Китая и Гонконга планируют обучение в зарубежных вузах после пандемии. Исследование проводилось в контексте изучения реакции студентов Гонконга и материкового Китая на глобальный кризис здравоохранения, вызванный COVID-19, при планировании обучения за границей. Было опрошено 2739 студентов из университетов материкового Китая и Гонконга относительно их ожиданий от обучения за границей после пандемии. Опрос показал, что 84% респондентов не проявили интереса к учебе за границей после пандемии, в то же время только 427 респондентов (16%) подумали бы о продолжении обучения за границей. Те, кто хотел бы продолжить обучение за рубежом, преимущество отдавали азиатским регионам и странам, в частности Гонконгу, Японии и Тайваню, которые наряду с США и Великобританией были включены в пятерку лучших. Пандемия не только значительно снизила мобильность китайских студентов, но также изменила траектории их мобильности (Ka, Weiyan, Joysse, Wun 2020).

Выводы китайских ученых согласуются с результатами исследования, проведенного Пекинской ассоциацией зарубежных исследований (BOSSA) о деятельности в период пандемии китайских агентств по образованию за рубежом. По данным ассоциации, 73,44% агентств получили меньшее количество консультаций по обучению за рубежом, а 65,52% считают, что общее количество китайских студентов, обучающихся за границей, будет и дальше сокращаться⁴.

Исследования китайских ученых подтвердили данные европейских исследований о барьерах международной образовательной мобильности, которые включают запреты на поездки, визовые ограничения, блокировку кампусов в странах назначения, беспокойство студентов и их семей о здоровье и безопасности.

Иностранные студенты особенно сильно пострадали в начале карантина, поскольку им пришлось разбираться в том, как закрытие

³ Regional / National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education // International Association of Universities. 08.2020. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf.

⁴ Влияние коронавируса на китайских студентов и агентов БОССА, Пекин (2020): URL: <https://www.bossa-cossa.org/coronavirus-impact-on-chinese-agents-students-studyabroad>.

университетов отразится на их статусе в кампусе и в принимающей стране. Студенты должны были решить, возвращаться ли им домой (если они могли себе это позволить финансово) или же лучше остаться в принимающей стране, понимая, что возможности трудоустройства и продолжения обучения весьма ограничены. Если отдельные страны, в частности Канада и Великобритания, проявляли понимание и шли навстречу при решении визовых вопросов, то другие нередко занимали другую позицию. Находясь за рубежом, иностранные студенты были лишены поддержки страны своего гражданства в полном объеме; они также не могли рассчитывать на поддержку и права, которыми пользуются граждане страны образования. Различия в подходах разных учебных заведений и разных стран обуславливает сложность обеспечения контроля за благополучием и безопасностью иностранных студентов на мировом рынке высшего образования⁵.

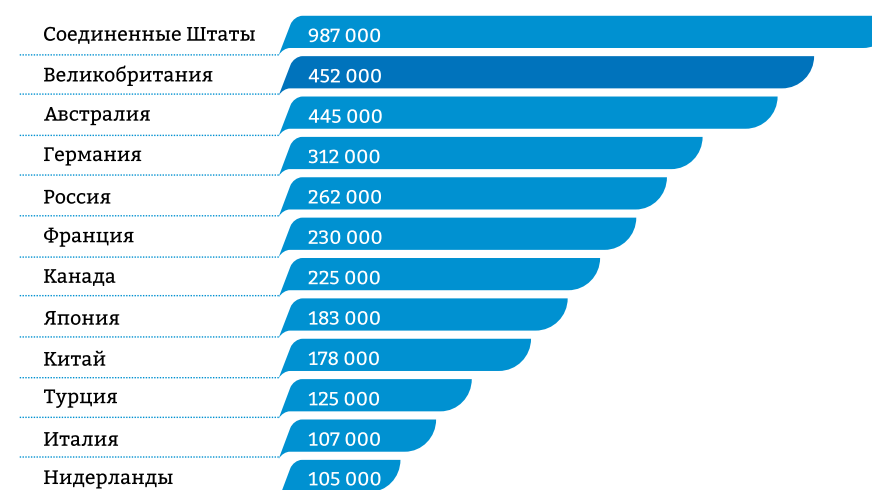
Еще одной обострившейся проблемой стало отсутствие возможности погружения в языковую среду в условиях, когда студентам пришлось вернуться на родину и продолжить обучение в онлайн-формате. Иностранные студенты, получающие онлайн-образование на родине, лишены не только языкового и культурного погружения, но и возможности налаживания контактов и получения опыта работы в стране обучения. В 2020 году это привело к тому, что многие семьи и студенты отказались от возможностей международного образования. Причинами отказа от дальнейшего обучения респонденты называли падение платежеспособности, опасения по поводу здоровья и безопасности в университетских городках, вспышки расизма в некоторых регионах (особенно в США).

Серьезное давление на мобильность студентов оказали ограничения, связанные с авиаперелетами. Так, во время первой волны пандемии количество рейсов сократилось – или их вообще отменили (например, в Австралии, Германии, Японии и Турции). Кроме того, после введения карантинных требований возникли трудности с размещением и социальным обеспечением студентов, а также с получением виз (например, в США, хотя отчасти это было вызвано геополитическими соображениями, а не регулированием пандемии). Все эти факторы привели к резкому сокращению общего числа иностранных студентов.

Так, в конце сентября 2020 года Глобальный альянс по развитию международного образования сообщил о предполагаемом сокращении числа иностранных студентов в США – крупнейшем провайдере

⁵ Education at a Glance 2020 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/>.

Рисунок 2. Международная мобильность студентов в 2020 году (и количество студентов в 2018 году)

Источник: Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org/#>

международного образования по общему количеству студентов – на 13,7% по сравнению с показателем 2019 / 2020 учебного года⁶.

В сентябре 2020 года организация Uni-Assist, занимающаяся предварительной оценкой заявлений иностранных студентов, сообщила, что в Германии количество заявок на 2020 / 2021 учебный год сократилось на 20% по сравнению с предыдущим годом. В реальности зачисленных студентов наверняка оказалось еще меньше из-за ограничений на въезд в страну.

В начале октября 2020 года Китай и Япония по-прежнему продолжали строго ограничивать въезд иностранцев. В Японии университеты снова открылись на 2020 / 2021 учебный год, но кочному обучению вернулась лишь пятая их часть, при этом в большинстве из них используется смешанное обучение с расширенным дистанционным компонентом. Ограничения на получение образования, социальные контакты и въезд в страну привели к заметному снижению общего числа иностранных студентов.

После начала пандемии Австралия, бывшая в 2018 году третьим по величине поставщиком международных образовательных услуг, также существенно ограничила въезд в страну иностранных студентов. Обучение продолжалось главным образом для иностранных студентов, уже находившихся в стране на момент начала пандемии, а также дистанционно.

⁶ Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.

Все ведущие страны мира значительно потеряли в численности иностранных студентов в 2020 / 2021 учебном году. Явный рост числа иностранных студентов наблюдался только в Великобритании (см. Рисунок 2).

Перед началом учебного года британское правительство объявило, что, несмотря на вирулентность пандемии, высшие учебные заведения продолжат работу в смешанном формате. Правительство Великобритании отклонило предоставление университетам финансовой помощи для компенсации потерь из-за ожидаемого сокращения количества иностранных студентов в 2020 / 2021 учебном году (Drayton, Waltmann 2020), но увеличило финансирование отдельных исследований. Таким образом, для сохранения своих доходов университетам надлежало убедить студентов поступать на учебу, невзирая на имеющиеся риски и неопределенность.

Британские учебные заведения предприняли энергичные усилия для привлечения как собственных граждан, так и иностранных студентов. В результате приток студентов в обеих категориях значительно вырос, что резко контрастирует с преобладающей международной тенденцией. В отличие от других стран, закрывших въезд в страну в условиях пандемии, по крайней мере один британский университет (Куинс в Белфасте) даже зафрахтовал самолет, чтобы доставить чартерным рейсом студентов из Китая. В результате, несмотря на сокращение в британских университетах количества студентов из ЕС (из-за Brexit стоимость обучения для граждан ЕС возросла), в первом семестре 2020 / 2021 учебного года иностранных студентов, поступивших в учебные заведения Великобритании, стало больше на 7% (Staton 2020).

Обсуждение

Долгосрочные модели международной образовательной мобильности

С позиций долгосрочной перспективы вопрос, связанный с пандемией, заключается в том, произойдут ли после ее окончания изменения в моделях мобильности студентов. За период пандемии Китай и Япония стали относительно безопасными странами, и высшее образование в них восстановилось быстрее, чем в Европе и Северной Америке. В европейских странах и США продолжает сохраняться высокая смертность от коронавирусной инфекции, что оказывает серьезное влияние на траектории движения иностранных студентов.

Например, студенты из материкового Китая и Гонконга массово предпочитают западным направлениям региональные возможности Восточной Азии.

По оценкам ОЭСР, для возвращения после пандемии к уровням 2019 года международной студенческой мобильности потребуется несколько лет. Причинами являются пережитый студентами опыт своей уязвимости и снижение выгод по отношению к затратам во время пандемии⁷. К этим факторам можно добавить расовую напряженность, которая получила широкое распространение в период карантина, уменьшение численности среднего класса и снижение платежеспособности домохозяйств из-за постпандемического экономического спада.

Акцентируя внимание на репутационных факторах, исследователи часто недооценивают значение других движущих сил международного образования, таких как стремление к получению карьерного преимущества благодаря иерархическому статусу стран и учебных заведений, учиться в которых престижно, а также возможность личностного роста, которую предоставляет лингвистический, социальный и образовательный опыт при обучении за рубежом. Эти движущие силы никуда не исчезли во время пандемии. Скорее всего, студенческая мобильность восстановится быстрее, чем это можно предположить. Импульс международной образовательной индустрии будут по-прежнему придавать семьи, которые видят в ней выгоды, университеты, которым нужны доходы, и посредники в сфере образования, которые способствуют развитию как спроса, так и предложения.

Выводы

Проведенный обзор разных исследований о трансформации мировых систем образования и изменениях траекторий образовательной мобильности в условиях пандемии COVID-19 позволил сделать ряд выводов и рекомендаций о том, как улучшить меры поддержки университетов в период кризиса, вызванного пандемией. Они касаются таких областей, как информационная поддержка, санитарно-эпидемиологические меры, административные меры для поддержания функциональности системы, гибкость требований к информации и аккредитации программ, организация дистанционного и онлайн-обучения в высшем образовании, финансовая поддержка,

⁷ Education at a Glance, 2020 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/>.

а также поддержка международной образовательной мобильности и университетских исследований.

Несмотря на продолжающиеся горячие споры о том, приведет ли пандемия к окончанию интернационализации высшего образования, очевидно, что пандемия оказывала и продолжает оказывать глубокое влияние на изменения системы мирового высшего образования и особенно на мобильность международных студентов. Стоит учитывать, что в ряде стран ограничительные меры не были приняты в силу объективных причин, включающие форму управления и финансирования вузов и ограниченность имеющихся в федеральном бюджете средств.

По сравнению с традиционными факторами притяжения международной студенческой мобильности пандемия COVID-19 изменила их порядок. Здоровье и безопасность сегодня становятся основными причинами принятия решения о переезде в другую страну для получения образования.

В целом страны показали большую диверсифицированность в формах и направлениях поддержки студентов в период пандемии. Во многих случаях единственное, что могло осуществить государство со своей стороны – это определить минимальные стандарты, соблюдение которых необходимо для продолжения учреждениями образовательной деятельности, и подготовить серию рекомендаций. В контексте кризиса COVID-19 одна из основных областей для серьезных исследований – это анализ того, как глобальная политика и геополитические факторы влияют на будущее международного высшего образования.

Источники

- Агранович, М.Л. Организация образования в условиях пандемии [Organization of education in a pandemic] URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza>.
- Комлева, В.В. (2021), "Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее" [Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future] // *Вопросы управления*, № 1, с. 144–155.
- Минаева, Е.А. (2020), "Изменения в работе вузов по привлечению иностранных студентов в период пандемии" [Changes in the work of universities attracting foreign students in the pandemic period] // *Мониторинг экономики образования*, выпуск 24.
- Реакция систем высшего образования и национальных правительств на вызовы пандемии [The response of higher education systems and national governments to the pandemic]. Доклад № 64/2020 / [С. Марджинсон; Е.О. Карпинская; К.А. Кузьмина; А.Н. Ларионова; И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020.
- Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии [The storm of the first weeks: how higher education stepped into the reality of the pandemic] [Авт. коллектив: А.В. Клягин и др.]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. (Современная аналитика образования. № 6 (36)).

- Altbach, P. and de Wit, H. (2020), Post Pandemic Outlook for HE is Bleakest for the Poorest. *University World News*, 4 April. URL: https://www.universityworldnews.com/page.php?page=UW_Main, accessed 15 July, 2020.
- Coates, H., Wen, W., Shi, J. Crisis is making online education economy go mainstream // *University World News*. 02.03.2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200302091409436>.
- Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- Drayton, E., Waltmann, B. Will Universities Need a Bailout to Survive the COVID-19 Crisis? // London: Institute for Fiscal Studies. 07.2020. URL: <https://www.ifs.org.uk/uploads/BN300-Will-universities-need-bailout-survive-COVID-19-crisis-1.pdf>.
- Education at a Glance, 2020 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/>.
- Herman, P.C. (2020). Online learning is not the future. *Inside Higher Ed*, June 10.
- Ka Ho Mok, Weiyan Xiong, Joyce Oi Wun Cheung. Impact of COVID-19 pandemic on international higher education and student mobility: Student perspectives from mainland China and Hong Kong *International Journal of Educational Research* 27 November 2020.
- Marinoni, G., van't Land, H., Jensen, T. The Impact of COVID-19 on Higher Education Around the World: IAU global survey report. International Association of Universities. 05.2020. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf.
- Martel, M. (2020), COVID-19 effects on U.S. higher education campus: From emergency response to planning for future student mobility. Washington, DC: Institute of International Education. URL: <https://www.iie.org/en/Research-andInsights/Publications/COVID-19-Effects-on-US-Higher-Education-Campuses-Report>.
- Mercado, S. (2020), International student mobility and the impact of the pandemic. *BizEd: AACSB International*, 11 June 2020. URL: <https://bized.aacsb.edu/articles/2020/june/covid-19-and-the-future-of-international-student-mobility-not-future-higher-education-opinion>.
- Packham, A. One in four students unable to access online learning during lockdown – survey. *The Guardian*. 08.09.2020.
- Regional / National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education. International Association of Universities. 08.2020. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020.pdf.
- Salmi, J. Learning from the Past, Coping with the Present, Ready for the Future: Impact of COVID-19 on higher education from an equity perspective. Lumina Foundation. 22.10.2020. URL: <https://www.luminafoundation.org/?s=Salmi>.
- Staton, B. UK universities see record admissions, despite the pandemic. *Financial Times*. 14.09.2020. URL: <https://www.ft.com/content/8f3ab80a-ec2b-427d-80ae-38ad27ad423d>.
- Tesar, M. (2020), "Towards a post-Covid-19 'New Normality?': Physical and social distancing, the move to online and higher education". *Policy Future in Education*, 18(5), 556-559.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-28-43

The transformative impact of the COVID-19 pandemic on global higher education systems

Victoria Yu. Ledeneva

Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: The article deals with the long-term implications of the COVID-19 pandemic for higher educational institutions in different countries. The lack of information and

verified data relative to the impact of the pandemic on changes in the education systems in different countries, the topic is still poorly learned, and therefore, it is difficult to predict what transformation processes will occur in the near future. The COVID-19 pandemic has posed many challenges for higher education in terms of teaching, learning, research collaboration and institutional governance. At the same time, the pandemic has provided an excellent opportunity for various stakeholders to rethink and even reschedule higher education process with an effective risk management plan for future resilience. The crisis made it possible to reconsider the role of informational and communicational technologies (ICT) and analyze the effectiveness of online learning in higher education. The article attempts to systematize the information available in open sources and assess the impact of the pandemic on such aspects of higher education as problems connected with technical facilities provision, accessibility for different social groups, digitalization and international academic mobility. Methods of systemic and comparative analysis based on international research and online surveys were used. Recommendations are proposed for studying the impact of global politics and geopolitical factors on the future of international higher education.

Keywords: educational mobility, COVID-19 pandemic, online learning, global education systems

About author: V.Yu. LEDENEVA. Doctor of Sociological Sciences. Associate Professor. Chief Researcher - Head of the Department of the Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. ORCID 0000-0002-9478-2917. Address: 6, Fotyevoi str. Russian Federation, Moscow, 119333, vy.ledeneva@yandex.ru.

References

- Agranovich, M.L. Organization of education in a pandemic, available at: URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza> (in Russian).
- Altbach, P. and de Wit, H. (2020), Post Pandemic Outlook for HE is Bleakest for the Poorest. *University World News*, 4 April, URL: https://www.universityworldnews.com/page.php?page=UW_Main, accessed 15 July, 2020.
- Coates, H., Wen, W., Shi, J. Crisis is making online education economy go mainstream // *University World News*. 02.03.2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200302091409436>.
- Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org/#>.
- Drayton, E., Waltmann, B. Will Universities Need a Bailout to Survive the COVID-19 Crisis? // London: Institute for Fiscal Studies. 07.2020. URL: <https://www.ifs.org.uk/uploads/BN300-Will-universities-need-bailout-survive-COVID-19-crisis-1.pdf>.
- Education at a Glance, 2020 // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/>.
- Herman, P.C. (2020), Online learning is not the future. *Inside Higher Ed*, June 10.
- Ka Ho Mok, Weiyang Xiong, Joyce Oi Wun Cheung. Impact of COVID-19 pandemic on international higher education and student mobility: Student perspectives from mainland China and Hong Kong *International Journal of Educational Research* 27 November 2020.
- Klyagin, A.V. et al. (2020), The Storm of the First Weeks: How Higher Education Stepped into the reality of a pandemic [Shtorm pervykh nedel': kak vysshee obrazovanie shagnulo v real'nost' pandemii], HSE, Moscow, 2020. 112 p., *Modern education analytics*, № 6 (36) (in Russian).
- Komleva, V.V. (2021), Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future [Dostupnost' i kachestvo vysshego obrazovaniya v usloviyah COVID-19: pravitel'stvennye usiliya v raschete na budushchee], *Management issues*, No. 1., pp. 144-155 (in Russian).
- Marinoni, G., van't Land H., Jensen, T. The Impact of COVID-19 on Higher Education Around the World: IAU global survey report. International Association of Universities. 05.2020. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf.
- Martel, M. (2020), COVID-19 effects on U.S. higher education campus: From emergency response to planning for future student mobility. Washington, DC: Institute of International Education. URL: <https://www.iie.org/en/Research-andInsights/Publications/COVID-19-Effects-on-US-Higher-Education-Campuses-Report>.

- Marginson, S., Karpinskaya, E.O., Kuzmina, K.A., Larionova, A.N., Bocharov, I.A. (2020), The response of higher education systems and national governments to the pandemic challenges [Reakciya sistem vysshego obrazovaniya i nacional'nyh pravitel'stv na vyzovy pandemii], Report No. 64/2020, Russian Council for International Affairs, Moscow, 72 p. (in Russian).
- Minaeva, E.A. (2020), Changes in the work of universities attracting foreign students in the pandemic period [Izmeneniya v rabote vuzov po privlecheniyu inostrannykh studentov v period pandemii], *Monitoring of the Education Economy Issue*, No. 24 (in Russian).
- Mercado, S. (2020), International student mobility and the impact of the pandemic. BizEd: AACSB International, 11 June 2020. URL: <https://bized.aacsb.edu/articles/2020/june/covid-19-and-the-future-of-internationalstudent-mobility-not-future-higher-education-opinion>.
- Regional/National Perspectives on the Impact of COVID-19 on Higher Education. International Association of Universities. 08.2020. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf.
- Salmi, J. Learning from the Past, Coping with the Present, Ready for the Future: Impact of COVID-19 on higher education from an equity perspective. Lumina Foundation. 22.10.2020. URL: <https://www.luminafoundation.org/?s=Salmi>.
- Staton, B. UK universities see record admissions, despite the pandemic. *Financial Times*. 14.09.2020. URL: <https://www.ft.com/content/8f3ab80a-ec2b-427d-80ae-38ad27ad423dA>.
- Tesar, M. (2020), Towards a post-Covid-19 "New Normality?": Physical and social distancing, the move to online and higher education. *Policy Future in Education*, 18(5), 556-559.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

“

ОБЪЕМ ТОРГОВЛИ МОНГОЛИИ С КИТАЕМ СОСТАВЛЯЕТ ПОЧТИ **6,735 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ** США, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ 63,92% ОТ ОБЩЕГО ОБЪЕМА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МОНГОЛИИ, **УВЕЛИЧИВШИСЬ** НА 35,8%, А ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ ДОСТИГАЕТ 3,85 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ США, **УВЕЛИЧИВШИСЬ ПОЧТИ НА МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ** США ПО СРАВНЕНИЮ С 2017 ГОДОМ (ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, 2020).”

**KHATANBOLD OIDOV,
BUDSUREN DAVAANYAM**

Chinese Investment and the Belt & Road Initiatives
in Mongolia (Case of international investment)

“

ЦЕННОСТЬ *ИСТИННОГО ПАТРИОТИЗМА*, СТРЕМЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЬ ФИНЛЯНДИИ **НЕЗАВИСИМОСТЬ** УЗУРПИРОВАЛОСЬ ЛИШЬ ОДНОЙ СТОРОНОЙ, БЛАГОДАря ЧЕМу **ОФИЦИАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ** О ВОЙНЕ ФОРМИРОВАЛСЯ НЕ ЧЕРЕЗ ИССЛЕДОВАНИЕ БОРЬБЫ РАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ЗА ВЛАСТЬ, А ЧЕРЕЗ ПОЛЯРИЗАЦИЮ ДАННЫХ СИЛ НА **СПРАВЕДЛИВУЮ** И НЕСПРАВЕДЛИВУЮ СИЛЫ.”

КУЗЬМЕНКО Е.А.

Белые и красные силы Гражданской войны: проблемы современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-46-61

УДК 930

Китайские инвестиции и инициатива «Один пояс – один путь» в Монголии (Кейс международных инвестиций)

Оидов Х.

Монгольская академия наук (Улан-Батор, Монголия)

Давааньям Б.

Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Аннотация: В этой статье мы попытаемся представить текущие обстоятельства для китайских инвестиций, определить условия взаимного доверия и последовательного сотрудничества, взаимопонимания между двумя странами в новый период инициатив Китая «Один пояс – один путь». Мы стремились глубоко, с учетом темы исследования, рассмотреть обстоятельства взаимного доверия и доверительного понимания граждан, служащих и политиков, призванные подчеркнуть человеческий потенциал и человеческий капитал. Рассмотрено влияние нынешней структуры двух стран (Китай – Монголия) и уровень ее согласованности, а также эффективность взаимной экономики и ценность ее условий. Мы хотим отметить, что за любой экономической политикой всегда должны стоять соглашения, обязательства и реальное сотрудничество. Мы считаем, что международные отношения и сотрудничество между двумя странами измеряются не только инвестициями, но и национальными ценностями, нормами, практикой, традициями, взглядами и мотивами принимающей страны. Поэтому мы подчеркиваем, что сотрудничество и инвестиции не могут существовать без учета упомянутых обстоятельств. Другими словами, мы отметили ослабление отношений между отдельными лицами, организациями, сообществами и правительством, которые являются основными факторами, сохраняющими на сегодняшний день свое влияние, и предлагаем обратить внимание на отсутствие механизмов коммуникации с двух сторон. Мы попытаемся подвести итоги инвестиций Китая в Монголию, включая текущие инвестиционные тенденции и будущие перспективы,

которые будут реализованы в рамках проекта-инициативы «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: китайские инвестиции, инициатива «Один пояс – один путь», Монголия, внутренние инвесторы, человеческий потенциал, китайская модель развития

Об авторах: ОИДОВ Хатанболд. Кандидат политических наук. Старший научный сотрудник Института философии Монгольской академии наук. Монголия. Улан-Батор. ORCID 0000-0001-7867-6850 Адрес: 2390. Центральное почтовое отделение. Улан-Батор - 15160, район Чингелтей. Монголия. khatanboldo@gmail.com.

ДАВААНЬЯМ Бадсурен. Докторант Программы международных отношений. Старший преподаватель Школы международных отношений и государственного управления Национального университета Монголии. Адрес: 2390. Центральное почтовое отделение. Улан-Батор - 15160. Район Чингелтей. Монголия. khatanboldo@gmail.com.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-46-61

Chinese Investment and the «Belt & Road» Initiatives in Mongolia (Case of international investment)

Khatanbold Oidov

Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

Budsuren Davaanyam

National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Abstract: In this article we attempt to introduce the current circumstances for the Chinese investment, a basis for mutual trust and coherent cooperation as well as mutual understanding between the two countries in the new period of the Belt and Road Initiatives. In addition, we aimed to investigate thoroughly the above-mentioned circumstances of mutual trust and trustful understanding among citizens, servants and policy makers as called upon to emphasize the human potential and human capital. The article considers the impact of the present structure of the two countries (China-Mongolia) and its level of coherence, efficiency of mutual economy and the value of its conditions. We would like to emphasize that behind any economic policy there must always be agreements, commitments and real cooperation. We believe that foreign relations and cooperation between the two countries are not only measured by investments, but also by the national values, norms, practices, traditions, views and motives of the host country. Therefore, we emphasize that mutual cooperation and investment cannot exist without due account of those mentioned circumstances. In other words, we keynoted the distancing in the relations between individuals, organizations, communities and the government, which are the main influencing forces today. Our proposal is to draw the attention to the lack of communication mechanisms from the two sides. Our attempt is to sum up China's investment into Mongolia, including the current investment trends and future perspectives which are to be realized within the framework of the project, «The Belt & Road Initiative».

Keywords: Chinese investment, «Belt & Road» initiatives, Mongolia, domestic investors, human potential Chinese developmental model.

About authors: Dr. OIDOV has obtained a Ph.D degree in Political Science and works as a Senior Researcher at the Department of Political Science and Legal Studies at the Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences. ORCID 0000-0001-7867-6850. Address: 2390, Central Post Office, Ulaanbaatar -15160, Chingeltei district, Mongolia. khatanboldo@gmail.com.

Ms. DAVAANYAM is a doctoral candidate in the International Relations Program and a Senior Instructor at the School of International Relations and Public Administration, National University of Mongolia. Address: 2390, Central Post Office, Ulaanbaatar, 15160, Chingeltei district, Mongolia. khatanboldo@gmail.com.

Introduction

Mongolia is a landlocked country located between the Russian Federation and the People's Republic of China and thus the country's foreign policy has always been defined to certain extent by this unique geographical circumstance. Mongolia has embarked on new principles of multi-pillar foreign policy and begun to develop broader collaborations with its southern neighbor and other countries all over the world. (Ginsburg, 1998) Mongolia and China have had long history of closer ties in the fields of economy, history and culture. In recent years, cooperation between the two countries has evolved mutually beneficial in the political, economic and social spheres, especially in the areas of trade and investment. Currently, there are more than 100 active trade and investment agreements between the two countries, and bilateral relations are at an all-time high. Since the establishment of the diplomatic relations between China and Mongolia on October 16, 1949, bilateral relations have undergone some twists and turns, but the main direction maintained friendly, good-neighborly relations. The Treaty of Amity between the two countries, which was ratified in 1994 in Ulaanbaatar, was an important step in intensifying the relations between the two sides, and consequently the relationship between the two nations was defined in 2003 as a friendly, neighborly cooperation based upon mutual trust. The Joint working group on trade, economic, scientific and technical cooperation of the governments of Mongolia and the People's Republic of China has been cooperating since 1991 holding regular meetings to ensure trade and economic cooperation.

Brief history on bilateral relations between Mongolia and China

As of today, Mongolia exports a number of raw materials, including copper-molybdenum enrichment, bitumen coal, and crude oil as well as animal husbandry products such as raw meat, wool, cashmere, and

skins and hides (Yaskina, 2009). Although the Chinese enterprises are successfully running their businesses in the Mongolian markets, there are still some conflicts and disputes between Chinese and Mongolian business entities. For example, not only the expansion of the Chinese economy into Mongolia is a threat to the national security of Mongolia, but also its growing influence on all aspects of modern society indicates the increasing global political role of financial and economic forms of socio-spatial control (Rodionov, 2009). In this sense, the expansion of China's economy can be viewed as a major challenge for Mongolia's security.

Furthermore, due to the Chinese rigorous population growth, the process of migration and settlement of the Chinese residents to Mongolia has been a major concern for the Mongolian government and ordinary citizens; however, this study cannot afford to miss the point that the realistic situation of Chinese migration contradicts with the statement enshrined in the Concept of Mongolian Foreign Policy, which articulates that 'maintaining friendly relations with Russia and China shall be priority directions of the Mongolia's foreign policy agenda. It shall not adopt the line of either country but shall uphold in principle a balanced relationship with both of them, and shall promote all-round good-neighborly cooperation.' (Ministry of Foreign Affairs of Mongolia, 2021) Thus, it is worth mentioning that diversification and integration are crucial for the country's foreign trade sectors. There are some specific reasons as to why the relations between the two countries were under strain during the twentieth century. First, Mongolia and China declared its independence from Manchu Qing in 1911 and 1912, yet, the China that inherited Manchu Qing did not accept Mongolia's independence until 1949. Due to the deterioration of the Sino-Soviet relations, the relationship between the People's Republic of Mongolia and China was virtually stagnated. Relations between the two countries became increasingly strained due to the entry of Soviet troops into Mongolia. Allowing the Soviet troops to have located them in Mongolia troubled the bilateral relations between the two neighbors. In order to ease the tense relations between the two countries, the two sides have taken diverse steps at the parliamentary level, including the official visit of Liu (Wu) Xueqian, Vice Foreign Minister of the People's Republic of China in 1986-1987 to Mongolia (Institute of Oriental Studies, RAS, 2007). Mongolia peacefully moved from a communist regime to a democracy with free market economic system and it led to increased number of high levels, reciprocal visits since the 1990s. According to the bilateral relations have witnessed a rapid and stable development in the last two decades. A new era of an intensive cooperation began with renewal of the Treaty on Friendly Relations and Cooperation in 1994. Political relations of the two countries are being strengthened with frequent exchanges of high-level visits and meetings of leaders, and

collaboration between the parliaments and political parties on the regular basis. (Ministry of Foreign Affairs of Mongolia, 2021)

We categorize official state visits from Mongolia to the PRC, and PRC to Mongolia in the following three levels. The first level is an official state visit of the Presidents and Vice-presidents of Mongolia to China in 1991, 1998, 2004, 2005, 2015, 2020. From the China, the Chairmen of the People's Republic of China and General Secretary of Chinese Communist Party are officially state visited in 1997, 1999, 2003 (2 times), 2008, 2014. (Mongolian Embassy in the People's Republic of China) The second level is an official state visit of Premiers of Mongolia to PRC in 1992, 1996, 1999, 2011, 2015, 2018 (Montsame Agency of Mongolia, 2020) and from China, Vice-chairman and Chairman of Standing Committee of the National People's Congress are officially visited in 1994, 2015. The third level is an official state visit of Ministers of Foreign Affairs in 1997, 2020, Minister of Trade in 2015, and Minister of Defence of China are officially state visited in Mongolia in 2015. (Embassy of the People's Republic of China in Mongolia) During these visits, we sought to conduct the following analysis. For example, during the state visit of Chinese President Xi Jinping to Mongolia in 2014, it was an important step for two countries have decided to develop their relations to the level of comprehensive strategic partnership.

The Chinese investment in Mongolia

The Parliament of Mongolia (The State Great Khural) adopted the Law on Foreign investment in 1993, which is dedicated to promote foreign investment, protect rights and property of investors, regulate the investment-related relationship. The law is aimed at encouraging foreign investment in all respects and creating a favorable environment for investors, but to date it has not been able to provide sufficient economic growth. In pursuance of the principle of equality of investors, regardless of whether they are foreign or domestic, the Investment Law was revised by the Parliament of Mongolia (Parliament of Mongolia, 2020) on October 3, 2013, and it came into effect from November 1, 2013. The revised version improves the legal environment for investment in Mongolia, provides general legal guarantees to investors, protects the rights and property of investors, guarantees non-confiscation, non-discrimination, and support, stabilizes the tax environment, improves investment efficiency, and provides public services and measures to facilitate registration. As of June 2012, China was the largest investor in Mongolia with US\$3.650.9 million in direct investment since 1990, which accounts 31.7 percent of total foreign direct investment. (Davaasukh D, Tsenddorj D., 2013) As of June 2012, the

number of companies with Chinese investments registered in Mongolia was 45 percent, or the highest percentage of the total number of companies with foreign investments. For instance, China's investment in Mongolia's geological and mining sector, including exploration and mining, since 1990 reached US\$ 2.5 billion by the end of 2011, or 34.56 percent of total foreign direct investment in this sector. By 2013, China solely monopolized over 52 percent of Mongolia's total foreign trade and 26 percent of foreign investment. (Administrative Office, Parliament of Mongolia, 2014)

Today, Mongolian government holds multilateral tax exemption agreements with 29 countries, trade and economic agreements with 24 countries, and bilateral agreements with 42 countries on the mutual promotion of investment and protection. (National Development Agency of Mongolia, 2020) The above scenario reveals that the impact of the Chinese economy on Mongolia has been significantly increased between 2000-2013 indicating that Mongolia is exclusively dependent on China for its exports and imports for example, the researchers note that Chinese GDP and inflation have a direct and indirect impact on the Mongolian economy. Of these, China has continuously invested in Mongolia's geological and mining sector since 2005 and made the largest investment at the end of 2011. According to the monthly statistics released by the Mineral Resources and Petroleum Authority and Implementing Agency of the Mongolian Government, it is informed that mineral license holders own 1714 out of 2,651 licenses granted for 6.2 million hectares of land in Mongolia. (Mineral Resource and Petroleum Authority of Mongolia, 2020) Table 1 shows the distribution in detail.

Table 1
The statistics of the total number of enterprises that hold special mineral licenses
(by investment November 30, 2020)

By types of enterprises	Holders Numbers	Special licenses Numbers	Rates Hectares	Proportion
Total	1714	2651	6,245,542.0	100.0%
Domestic enterprises	1372	2112	4,698,084.7	75.2%
100% Foreign invested enterprises	246	398	1,238,423.0	19.8%
Joint enterprises with foreign investors	96	141	309,034.3	4.9%

Source: Department of Cadaster, Mineral Resources & Petroleum Authority,
The Implementing Agency of Mongolian Government <https://mrpam.gov.mn/home/>

Meantime, out of 398 special mining licenses 246 have been issued to fully foreign invested enterprises in Mongolia and they are classified by investor states as follows: 133 fully Chinese invested enterprises hold 166 special mineral resource licenses in approximately 330.3 hectares of land ranking China first among the top five countries that hold the special

mining licenses of Mongolia in the list. (Mineral Resource and Petroleum Authority of Mongolia, 2020)

Statistics of purely foreign invested enterprises with the special mineral resource licenses
(foreign investor & foreign investment in Mongolia, as of November 30, 2020)

Chinese investors in Mongolia					China's foreign investment to Mongolia				
Square		Owner	Special licenses		Square		Owner	Special licenses	
Total	1,238,423.0	100.0%	246	398	Total	209,034.3	100.0%	96	141
	Hectares	Percentage	Numbers	Numbers		Hectares	Percentage	Quantity	Quantity
	330,370.6	26.68%	133	166		01,278.5	29.5%	46	64

Source: Department of Cadaster, Mineral Resources & Petroleum Authority,
The Implementing Agency of Mongolian Government <https://mrpam.gov.mn/home/>

The rate of Mongolia, Chinese trade nearly comes 6.735 billion US\$ that takes up 63.92% of the total Mongolia's foreign trade by increase of 35.8%, and the trade profits reaches 3.85 billion US\$ increased by almost a billion US\$ as compared to 2017. (Institute of National Security Study, 2020) For example, Mongolia is still seeking to join the APTA to benefit favorable trade conditions such as an average of 40% discounts in the Chinese and South Korean markets (Mineral Resource and Petroleum Authority of Mongolia, 2020) In September 2018 two sides signed "the Joint Research Task for Investigating the Possibility of Free Trade Agreement between Mongolia and China" (Ministry of Foreign Affairs of Mongolia, 2020) in Ulaanbaatar. Mongolia has traded with the 163 world countries and reached US\$10.536 billion which was increased increase by 27.3% compared to previous year. The rate of trade with Mongolia reached US\$4.96 billion with an increase of 27.4%. China solely monopolized over 62.1% the Mongolia's foreign trade that increased by US\$12.5 in July, 2018 with US\$3.06 billion. (NDA, Regulatory Agency of Government of Mongolia, 2020) Specifically, Mongolia's exports to China amounted to US\$ 5.307 billion, or 85.59 percent of Mongolia's total exports, while imports from China amounted to US\$ 1.428 billion, or 32.94 percent of Mongolia's total imports. As compared to the statistics of the previous years, the following scenario emerges:

Table 3

Statistics of Mongolian and Chinese exports and imports (by year)

Mongolian & Chinese Exports (by year)					Mongolian & Chinese Imports (by year)			
2014	2016	2018	2019	2013	2015	2017	2018	2019
5,073,398.8	3,901,619.6	6,542,824.8	6,789,765.2	1,822,603.7	1,389,694.0	1,429,692.4	1,994,813.7	2,060,787.6

Source: http://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_1400_006V3&COUNTRY_select_all=0&COUNTRYSingleSelect=12103&YearYselect_all=0&YearYSingleSelect=_2014_2015_2016_2017_2018_2019&viewtype=columnchart

The Chinese investment to Mongolia has steadily increased from year to year, year by year, and the bilateral agreements on the implementation of 226 projects with the amount of US\$19.52 billion contract between two parties have been signed during the forum China-Mongolia Economic Forum in Ulaantsav, Inner, Mongolia, PRC. Within the framework of the forum objectives on sharing common opportunities and seeking collaboration for "One Belt One Road" initiative China promotes further collaborative projects on policy environment and developmental trend toward regional cooperation and future progress. Within the framework of investment in this sector, Chinese and Mongolian contractors emphasized the need for close cooperation in the development of green environment, modern animal husbandry, energy and port economic cooperation. In this context, it was decided to launch 53 cooperation agreements with total investment of 41 billion RMB and 63 draft agreements with a total investment of 59.9 billion RMB. (NDA, Regulatory Agency of Government of Mongolia, 2020). It highlighted deepening political trust between the two countries and the consistent expansion of economic cooperation and humanitarian exchanges as the comprehensive strategic partnership between Mongolia and China has expanded and enriched its content. This is an important document that fully meets the interests of the both nations to safeguard a regional and global peace and stability. Thereof, the goal is to increase the total foreign trade turnover of the two countries to 10 billion USD by 2020.

As we live in a changing world, the rapid development of globalization has led to a significant expansion of cultural ties between nations and individuals in this regard, to an expansion of the range of opportunities for economic development. This would be the solid foundation for the peaceful coexistence of international societies.

The birth of BRI in Mongolia and economic dependence from China

Between 1990 and 2001, the mining industry accounted for 31% of all foreign direct investment in Mongolia, but it is continuously increasing since then. However, for the neighbouring countries with China in Asia, it is a good opportunity for us to be part of the BRI-extensive plan initiated by the PRC in the same development pace, it is not going to happen as easier as Chinese President, Xi Jinping once mentioned in 2013. Even though, we put all our efforts to the development phase. The main reason lies the significance of getting involved in the BRI may bring many developing countries considerable number of economic pressures; in the meantime, this deeper integration may gain China more influence over those other

countries, and a stronger hand in guiding development of the international economic system. The Asian Development Bank (ADB) estimates that the developing countries of Asia collectively will require \$26 trillion (Asian Development Bank, 2020) in infrastructure investment to sustain growth. It is also a big concern for Mongolia, there is no stronger proof that we may not repeat the most recent economic integration practices of Australia, Myanmar, and India with China.

We consider this step as a historically important decision for the development of bilateral relations for many decades. In our recommendation to this circumstance, that both countries need to deepen this comprehensive strategic partnership in respecting to each other's fundamental interests and building political trust. In other words, we aimed to emphasize that, if the people of the two countries can strengthen mutual understanding, good friendship and mutual trust, then there will be created for a good circumstance for the cooperation and real economic results. Actually, this dependence is getting worse to the further survival condition of socio-economic policy and balance with the foreign investment and its conditionality. On the other hand, that radiating the hopes of relying upon Chinese investment and BRI preference and reliance on Chinese soft loans and grants. But China rethinks its Belt and Road Initiative's investment of builds roads, railways, ports and other infrastructure that was signed by the China's leader Xi Jinping that finances and in mostly cuts BRI funding significantly in the recent days. Because, the Chinese policymakers and the public have realized that China needs to invest more in its health services, which had been tested by the coronavirus pandemic (Jonathan Wheatley, James Kynge, 2020). The decline of the overall export and import trade turnover in the past year has led to a decline in the percentage of the two countries' total trade and supply over the past year due to the COVID-19 outbreak. The Belt and Road initiative is not a perfect fit with Mongolia's current economic priorities. Mongolian leaders want to diversify the country's economy by building a manufacturing base and reducing its near total dependence on the exports of natural resources (Kenderdine, 2017). Hereof, we want to emphasize one specificity. It's a new globalized connection between neighbor countries in sharing with our own initiatives and future targets to investigate the brief historical heritage. In this framework, socio-economic investment from the PRC such connected with the "Belt and Road Initiatives" has inherited by the ancient Silk Road's spirit of being open, inclusive and accommodating. According to this global leading program corresponds to the coherent development policy of the countries that located in the border of the ancient Silk Road Trade route.

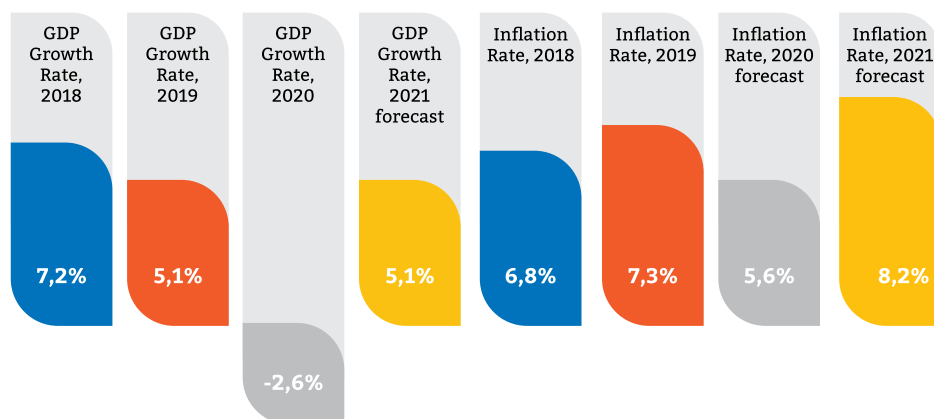
We believe that, this initiative is an integrated platform for international cooperation with the aim of creating new opportunities for

the development by expanding cooperation between Mongolia and China, as well as the principles of socio-economic trust and equality that actually bind it. In these circumstances, we approached to present the perspective argument of responding the challenges and clarified opportunities to the successful development in the socio-economic conditionality as fundamental specters of the sustainable government responsiveness and accountabilities which is reflected as negative and positive effects (Khatanbold, 2017). We also focus on the capacity-building, calculating the development benefits and the ability of social organization to achieve the goals that are institutionally set up. According to the capacity building goes well beyond the provision of basic needs, in regarding the matter of development at all levels of society and includes institutional development, community development and economic development.

A key example is the ability to fully manage the reasons of the dozens of agreements and treaties as signed between the countries of China and Mongolia is uncertain. This indicates the joint committee on Mongolia-Chinese economic, trade, and technological collaboration aims to intensify partners, to expand the frame of bilateral trade, to investigate mineral resources, and to cooperate on urbanization reforms and humanitarian field based on the mineral resources and energy related relationship. In order to achieve it, we have to improve trade structure and extend the trade of mining and agricultural goods. It is also mandatory for us to believe that 'One Belt One Road Initiative' plays an important role in resolving these issues upon the mutual support and improvement of cooperative mechanism. Based on the 'perpetual neighbors' friendly and mutually beneficial relations the parties shall deepen the further collaboration in overall economic and social development sectors by positively utilizing the success of the Chinese developmental model in advancing further development policy of Mongolia in consistence with the impact of Chinese economic development pace that should be our new challenge for the state and people.

In the last decade Mongolia has seen a substantial labour shift propelled by the mining boom from the agricultural sector to the mining, manufacturing and construction sectors. Since 2017, Mongolia's economy has partially recovered to the capital have shifted from pastoral occupations to service and construction job, especially mining sectors around the capital. Thereof, global commodity prices surged again, particularly in coal and copper in 2018. Although not at the double-digit growth of early 2010, the economy grew at a strong 6.9 percent in 2018 and the mining sector has continued to expand at numerous sites across the country. Growing of Chinese demand for coal has powered growth and government proceeds, pulling the landlocked economy back from the border of a classic

Figure 1. GDP Growth and Inflation Rate in Mongolia (by percent, year)

Source: Asian Development Bank. Asian Development Outlook (ADO) 2020 Update (September 2020).

emerging market crisis. In 2018, Mongolia's top exports were consisted of two possessions such as coal briquettes worth \$2.8 billion and copper ore worth \$2 billion (Muller, 2019). According to the Asian Development Bank, Mongolia's GDP is expected to grow at 6.1 percent in 2020, the highest in Asia, 0.1 percent higher than China (ADB., 2020). Mongolia's inflation rates are forecasted at 7.5 percent in 2020, nearly three times more than Hong Kong at 2.3 and China at 2.2 percent.

China's coal imports reached 2.75 billion in 2018, according to UN Comtrade data (Database, 2020). Coal exports generate about 35 percent of Mongolia's total export revenues currently. After growing close to 6 percent on average in 2017-19, the economy is likely to contract in 2020 amid adverse impacts of the COVID-19 global pandemic and pre-existing macro-economic vulnerabilities (World Bank, 2020). Despite progress in the banking sector, continuing bank fragility poses a risk to economic health. China accounts for more than half of Mongolia's exports. It's about 90 percent of Mongolia's trade currently passes through China. According to the country's statistics office, Mongolia's export earnings from coal over the first three months of the year reached \$644 million, up 25 percent compared to a year earlier (NSO Mongolia, 2020). In 2018, China accounted for more than 60 percent of the world's industrial coal consumption, but its share falls to a little more than 40 percent in 2050 because of consumption growth in other countries and China's policies to reduce coal use in the industrial sector. In respect to coal, according to the National Statistics Office of Mongolia, Mongolia produced a record high of 50 million tons of coal in 2018, surging 6.2 percent compared to the previous year.

Over the past 30 years, Sino-Mongolian relations have undergone significant changes, and the two countries, which had had relatively weak relations, have resumed cooperation and gradually enriched with good-neighbourly friendship and cooperation ultimately culminating in a strategic partnership. We are concerned that a strong impact on China's economic boom and its potential to be caused by some problems in Mongolia. The following pictures express that extraordinary and super-amount of costed project from China's government via Mongolia and Russia

From the above-shown pictures have been expressed by the current circumstances of China's initiatives in the framework of the super amount of project. In other words, we do not deny that the possibility which excessive dependence on China could have a negative impact on the country's socio-economic situation and national security. The following comparison of trade and economic relations between China and Mongolia are currently undergoing rapid and active growth. The statistical compilation of trade and economic relations between China and Mongolia (1994-2014) is concerned with the total foreign trade turnover of the two countries that has been growing rapidly over the same period, while the total export-import turnover is steadily growing, and bringing the total trade turnover between the two governments to US\$10 billion by 2020. The total trade turnover between Mongolia and China is relatively higher compared to other countries such as Russia. For instance, Mongolia's export to China increased to 88% and import increased to 42% in 2014. In addition, China's exports to Mongolia averaged US \$ 136,683. 31 in total trade between 2014-2020, reaching a record high of US \$ 287,567 in September 2014 and then falling to a record low of US \$ 44,118 in February 2016. The chart underneath shows the total export turnover from China to Mongolia updated as of December 2020 (Trading Economics, 2020). Total trade turnover (ST) of exports from China to Mongolia in September 2020 reached US\$192,211 and then fell to US\$169,008 in October. In our view, strengthening the dominant position of one country in the field of investment and foreign trade in Mongolia is neither a good thing nor a real opportunity. But we think it would be more effective to pursue a policy of equality in investment and foreign trade in other countries. China and Mongolia share a border stretching 4,710 km. Trade volume through the crossing between Erenhot and Zamyn-Uud accounts for more than 70 percent of cross-border trade between the two countries (XinhuaNet, 2020).

Thereof, we recommend that we have to bring trade and investment with Russia closer to an investment agreement with our southern neighbor. The following figures has been emphasized that compared to the export volume from Russia to China not only the former's import from the

latter exceeded but also the average share of Russian exports in the Sino-Mongolian trade turnover reached 63.8 percent, and the share of imports reached 63.8 percent. However, Russia's exports to China are on average 1.7 times higher than China's imports. As for Mongolia, its imports from China averaged US\$ 428,351.55 between 2014-2020 reaching a record high of US\$ 760,493 in September 2014. In March 2020, however, it reached US\$ 185,037. As the details in the table underneath illustrate, the total trade turnover imported from China in September 2020 was US\$ 643,223 and this figure decreased to US\$ 597,694 in October (Trading Economics, 2020).

Of the 32 projects included in the Mongolia, Russia and China Economic Corridor Program, 18 are current and ongoing projects. However, 14 projects have not been implemented or are lagging behind. The overall project implementation rate is 56.25 percent (National Institute for Security Studies, 2020). In addition to the 7 projects for the reconstruction of the Central Railway Corridor, there are 10 projects that are successfully implemented within the framework of trilateral cooperation, and 4 more projects are in the process of implementation. However, there are 11 projects that are lagging behind. Projects in the fields of road transport, tourism and science with the trilateral mechanism have been successful, while industrial and quarantine projects with the trilateral meeting mechanism have not yet been implemented and are based solely on bilateral relations. Thus, the three parties should work more closely on coordinated projects, especially in soft infrastructure areas such as telecommunications, customs, inspections, and quarantine standards.

Currently, the main goals of the above-mentioned projects and programs are to increase the trade turnover of Mongolia, Russia and China, ensure the competitiveness of goods, facilitate cross-border transport and develop infrastructure. It follows down: transport infrastructure – 13; railway – 6; rail road – 4; industry – 2; modernize border crossings – 1; energy – 1; trade, customs, professional inspection and quarantine – 4; environment – 3; scientific and technology – 3; agricultural project – 1; protection of medicine and health project – 1 have been planned. The implementation of the economic corridor projects has not yet yielded tangible results. The implementation of the projects included in the Economic Corridor Program has been going on for four years, but no direct impact on the Mongolian economy has yet been observed. This is due to the fact that we are in the early stages of creating a mechanism, negotiating, and then launching our projects. Hard infrastructure projects are moving forward, while soft infrastructure projects are lagging behind. Legacy projects often include soft infrastructure projects such as communications, professional inspections, and quarantine

standards. Consequently, the parties need to focus on promoting their soft infrastructure projects alongside hard infrastructure projects and cooperate more closely in this area.

Conclusion

We understand, that development as freedom, we must recognize it that may go beyond the limited concept of human capital. (Amartya, 2014) What we are trying to say is we have to focus on where the fundamental Chinese philosophy in the economic cooperation project-BRI lies. Similarly, to other Asian countries, China maintains the collectivism as a fundamentality of the state policy. In terms of the BRI project the first fundamental ideology of moving forward together is also based on collectivism and win-win diplomacy that all are benefitted. The second fundamental concept is mutual trust between partners. The above-mentioned documents and contracts signed between Mongolian and Chinese governments are all somewhat characteristically declarative so that main fundamental ideology still relies on mutual trust. This is correlated with a philosophical concept of the materialized condition on the conjunction of the Ying and Yang.

This indicates the joint committee on Mongolia-Chinese economic, trade, and technological collaboration aims to intensify partners, to expand the frame of bilateral trade, to investigate mineral resources, and to cooperate on urbanization reforms and humanitarian field based on the mineral resources and energy related relationship. In order to achieve it, we have to improve trade structure and extend the trade of mining and agricultural goods. It is also mandatory for us to believe that 'One Belt One Road' initiative plays an important role in resolving these issues upon the mutual support and improvement of cooperative mechanism. Based on the 'perpetual neighbors' friendly and mutually beneficial relations the parties shall deepen the further collaboration in overall economic and social development sectors by positively utilizing the success of the Chinese developmental model in advancing further development policy of Mongolia in consistence with the impact of Chinese economic development pace that should be our new challenge for the state and people.

By doing this, the emphasis on a special attention to an economic reason for the limitations on foreign investment shall be put in regard to the policy of certain sectors. Foreign investment shall be limited in a way if the state holds a policy for the promotion of the domestic investors in support of sectors. In addition, it is necessary to implement policies aimed

at developing the domestic business sector, to limit foreign investment companies from monopolizing the domestic market, and to limit foreign investment to a certain extent, to provide opportunities for domestic companies to grow and develop.

References

- ADB. (2020). Retrieved February 14, 2021, from URL: <https://www.adb.org/countries/mongolia/economy#tabs-1-0>.
- Administrative Office, Parliament of Mongolia. (2014). Opportunity for establishing free trade agreement under special goods between Mongolia and China. Department of Research and Monitoring Evaluation. Ulaanbaatar: Administrative Office of Mongolian Parliament.
- Amartya, S. (2014). Development as Freedom. (M. Ch, Ed., & E. A. E, Trans.) Ulaanbaatar, Mongolia: «Monsudar» publishing company.
- Aoyama, R. (2016, January). One Belt, One Road: China's New Global Strategy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 5 (2). *Journal of Contemporary East Asia Studies*. doi:DOI: 10.1080/24761028.2016.11869094
- Asian Development Bank. (2020). Meeting Asia's Infrastructure Needs. ADB. Retrieved from <https://www.adb.org/publications/asia-infrastructure-needs>.
- China Internet Information Center. (2003). Hu Jintao's talks with Mongolian President Natsagiin Bagabandi. Retrieved from <http://russian.china.org.cn/russian/73629.htm>.
- China Power. (2020). Unpacking the Complexity of China's Rise. Retrieved from URL: <https://chinapower.csis.org/china-belt-and-road-initiative/>.
- Database, U. C. (2020). Retrieved February 2021, from <https://comtrade.un.org/data/>.
- Davaasukh D, Tsenddorj D. (2013). The impact of Chinese economy to Mongolia. Ulaanbaatar.
- Embassy of the People's Republic of China in Mongolia. (n.d.). Retrieved 12 14, 2020, from URL: <http://mn.china-embassy.org/mn/xw/t1330358.htm>.
- Ginsburg, T. (1998). 'Mongolia in 1997: Deepening Democracy', *Asian Survey*, 38(1), pp. 64–68.
- Institute of National Security Study. (2020). Retrieved January 17, 2020, from URL: <https://niss.gov.mn/archives/253>.
- Institute of Oriental Studies, RAS. (2007). History of Mongolia in the XX Century. Moscow, Mongolia: Institute of Oriental Studies, RAS.
- Jonathan Wheatley, James Kynge. (2020, December,). Financial Times. Retrieved January 18, 2021, from URL: <https://on.ft.com/3gnHKgK>.
- Kenderdine, T. (2017, July 7). Retrieved from URL: <https://eurasianet.org/mongolia-gets-on-board-with-chinas-belt-and-road-initiative>.
- Khatanbold, O. (2017). Trust as Fundamental Issues on Successful Development of the Economic Corridor. «China-Mongolia-Russia Economic Forum. Corridor: Roadmap» International Forum of Expert Centers of China, Mongolia and Russia - 2017 (pp. 276-283). Ulan-Ude: Buryatia Science Center, Republic of Buryatia. Russian Federation.
- Legal Integrated Database. (2020). Ulaanbaatar. Retrieved from URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/10040>.
- Mineral Resource and Petroleum Authority of Mongolia. (2020, 2020). Statistics on Minerals. (11), pp. 7-8. Retrieved from URL: <https://mrpam.gov.mn/public/pages/165/2020.11.stat.report.mon.pdf>.
- Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2020, December 23). Retrieved December 23, 2020, from URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=52170>.
- Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2020, December 29). Retrieved from URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=28016>.
- Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2020). Retrieved from URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=47983>.
- Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2021). Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. Retrieved December 29, 2020, from URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=28016>.
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (1994). Treaty of Friendship and Cooperation between China and Mongolia. Retrieved from URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tjtj_674911/tyfg_674913/t5725.shtml.
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (2020). Joint Statement on the

- Establishment and Development of a Comprehensive Strategic Partnership between the PRC and Mongolia. Retrieved from URL: <http://www.mfa.gov.cn/chn/gxh/zlb/smgg/t1184719.htm>.
- Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2021, February 14). Mongolia-China Relations. Retrieved from URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=29545&lang=en>.
- Mongolian Embassy in the People's Republic of China. (n.d.). Retrieved 12 14, 2020, from URL: http://www.beijing.mfa.gov.mn/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=108&Itemid=26&lang=mn.
- Mongolian National Broadcasting. (2020). Ulaanbaatar: MNB. Retrieved from URL: <http://www.mnb.mn/i/69570>.
- Montsame Agency of Mongolia. (2020). Retrieved 12 15, 2020, from URL: <https://montsame.mn/mn/read/86105>.
- Muller, N. (2019, 10 22). The Diplomat . Retrieved 2020, from URL: <https://thediplomat.com/2019/10/mongolias-new-mining-boom/>.
- National Development Agency of Mongolia. (2020). Retrieved from URL: <http://nda.gov.mn/1086.html> болон www.nda.gov.mn/faq.
- National Institute for Security Studies. (2020). Retrieved from URL: <https://niss.gov.mn/en/>.
- NDA, Regulatory Agency of Government of Mongolia. (2020). Retrieved from URL: <https://nda.gov.mn/1567.html>.
- NSO Mongolia, . (2020). Retrieved 2021, from URL: https://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_1400_002V1.
- Parliament of Mongolia. (2020). The law on Mongolian foreign investment. Retrieved from URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/9491>.
- Rodionov, V. (2009). Russia and Mongolia: New Model a new model of relationships in the 21st century (166 ed.). Ulan-Ude: Buryatian Scientific Centre, Siberian Branch, RAS.
- Trading Economics. (2020). Retrieved December 29, 2020, from Trading Economics: URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports-to-mongolia>.
- Trading Economics. (2020). Trading Economics. Retrieved from URL: <https://tradingeconomics.com/china/imports-from-mongolia>.
- World Bank. (2020). World Bank Org. Retrieved February 2021, from URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1>.
- XinhuaNet. (2020). China Focus: China-Mongolia trade in steady progress. (ZX, Ed.) Beijing, China. Retrieved February 14, 2021, from China Focus: China-Mongolia trade in steady progress.
- Yaskina, S. (2009). Russia – Mongolia– China: problems of cooperation and overcoming contradictions. Moscow: Institute of Economy, RAS.
- International Forum of Expert Centers of China, Mongolia and Russia. Collection of Forum materials. (2017). (pp. 276-283). Ulan-Ude: BNC, Republic of Buryatia. Russian federation (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-62-77

УДК 930

Белые и красные силы Гражданской войны: проблемы современной общественной интерпретации исторической памяти в Финляндии

Кузьменко Е.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Аннотация: В статье через интерпретацию исторических источников дается характеристика современному общественному дискурсу Финляндии по вопросу вклада красных и белых сил в развитие событий Гражданской войны, а также делается вывод о трансформациях, которые претерпела историческая память в Финляндии за последние десятилетия. Исследование строится на основе методологии исторической травмы (trauma studies) и механизмов ее преодоления, истории повседневности, социологических методов. В статье рассматривается понимание спорных исторических событий в сравнении их интерпретаций в научном дискурсе и в массовом общественном сознании. Обретение независимости Финляндией в 1918 году, как и сохранение независимости на протяжении последующих десятилетий, актуализировалось в общественном нарративе в 2018 году. В связи с повышенным интересом к Гражданской войне по причине юбилейной даты в исследовательском обороте появилось сравнительно большое количество источников по исторической памяти современной Финляндии, на основе которых допустимо проанализировать оценку белых и красных сил в современном финском социуме. В Финляндии в межвоенный период создавался культ Гражданской («Освободительной») войны, в котором красные силы были представлены противниками независимости государства, а белые, напротив, героями, способствовавшими обретению суверенитета. Однако приведенные в статье статистические данные, коммеморативные мероприятия и продукция, культурные явления показывают, что общественный дискурс о Гражданской войне имеет тенденцию к сглаживанию в категоричности оценок, несмотря на тот факт, что дискурс о дальнейшей Зимней войне (и тем более Второй мировой войне) имеет скорее тенденцию к обострению. Финское общество осознает необходимость расследования преступлений против красных, сохранения памяти о военных преступлениях с обеих

сторон, одинакового отношения к военным захоронениям как красных, так и белых. Потребность в переосмыслении наследия гражданского противостояния – потенциал для гуманитарного диалога между Россией и Финляндией.

Ключевые слова: Гражданская война, историческая память, красные, белые, Финляндия, террор, коммеморативные практики

Об авторе: КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Член Российского общества интеллектуальной истории. ORCID: 0000-0003-4144-2414. Адрес: 119571. Российская Федерация. г. Москва. проспект Вернадского, 82, стр. 1, ea.kuzmenko@igsu.ru.

Введение

Двухлетие 1917–1918 годов стало рубежным для многих территориальных составляющих Российской империи. Масштабные изменения внутри Российского государства спровоцировали волнения, в особенности в тех регионах, где русскоговорящее население было в меньшинстве. Упразднение императорской власти автоматически ликвидировало и обязательства разных частей государства по отношению к центральной власти, закрепленные личной унией с самим императором. Великое княжество Финляндское с его широкой автономией не явилось исключением, и революционные трансформации в России стали для него плацдармом к обретению независимости. Особенность Финляндии состоит также в том, что на протяжении всего XX века ей удалось сохранить официально независимый статус, что отличает Финляндию и от стран Балтии, и от Польши. Тем не менее цена этой независимости была высока: Гражданская война в Финляндии унесла более 36 тыс. жизней за шесть месяцев, всего погибло более 1% населения страны. Особенно обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых, треть жертв Гражданской войны – это погибшие не в боях, а в ходе так называемого красного и белого террора. Во-вторых, до Гражданской войны Финляндия исключительно долго жила в условиях мира – с 1809 года, из-за чего не имела ни армии, ни сколько-нибудь подготовленных к современной войне частей¹ (Хаапала, Тикка 2014, с. 110).

Каждый юбилейный год происходит актуализация данных событий, функция которой состоит в поддержании определенного (допустимо сказать – конформного) нарратива о периоде

¹ Исключение составляют представители финской знати, в среде которой существовала давняя традиция отдавать своих сыновей на службу в русскую армию.

Гражданской войны, формирующего культурно-историческую память и общественное мнение финляндского общества. Особенно насыщенным предсказуемо стал 2018 год: 100-летие независимости многих государств, входивших в Российскую империю, отмечено не только на уровне официальных властей, но и в различных сферах общественной жизни. В Финляндии в 2018 году вышли новые научные исследования Гражданской войны, также данная тема нашла отражение в настольных играх, художественных и документальных фильмах, публикации ранее не изданных документов и дневников очевидцев событий, даже в комиксах, не говоря уже о многочисленных статьях в СМИ, редакторских и экспертных колонках. Тем важнее понять, какие интерпретации, ценности, мнения формируют общественный дискурс Гражданской войне век спустя. Изучение этого материала представляет исследовательский интерес с точки зрения формирования больших национальных нарративов, а также функционирования и трансформаций социальной памяти в демократическом обществе.

Необходимо отметить, что официальный нарратив Гражданской войны и научные исторические труды о Гражданской войне – категории, далеко не всегда совпадающие между собой из-за различий в своих функциях. Задача официального нарратива – сформировать консолидирующую социальную память, определяющую как рамки «объективного» знания, так и коллективные действия социума по его сохранению. Главным субъектом формирования и поддержания социальной памяти служит государство, в руках которого находятся и интересам которого служат рычаги как конструирования памяти, так и контроля за ней. Это – общеобразовательная школа, государственные музеи, исторические архивы и библиотеки, государственная символика, спонсированные государством каналы пропаганды (телевидение, кинопродукция, интернет-порталы и пр.) и, наконец, государственные праздники (Мазур 2013). Официальная позиция по принципиальным историческим вопросам оказывает существенное влияние как на коммуникации центра и общества, так и на систему внешних государственных связей, предопределяя тенденции международных отношений (Гасумянов, Комлева 2020). Задача же научного дискурса скорее в поиске источников, выявлении новых аспектов, проблематики исторического события и встраивания ее в существующую научную картину. Содержание официальных конструктов опирается, но не дублирует достижения научных трудов и потому дает более общую и упрощенную картину событий. Так, апогей культивирования социальной памяти в

Финляндии приходится на постимперскую эпоху формирования суверенного государства Финляндская Республика, когда для своей легитимации вновь образованной нации потребовался образ единой, длительной национальной (то есть обособленной от Швеции и России) истории.

Целью данной статьи является выявление проблем современной общественной интерпретации исторической памяти Финляндии по вопросу участия красных и белых сил в Гражданской войне. Достижение цели предполагает решение ряда исследовательских задач: 1) какую функцию – консолидирующую или дезинтегрирующую – играет нарратив Гражданской войны в современной культурной памяти Финляндии; 2) какие ценности формируются посредством официальной трактовки событий Гражданской войны; 3) каким образом учитывается германо-шведско-российский аспект событий; 4) как используется в широком дискурсе практика умалчивания характеристик события в условиях современных информационных войн.

Материалы и методы

В качестве материалов в тексте использованы исторические источники (воспоминания и нормативно-правовые документы), коммеморативная продукция (фильмы, настольные игры, комиксы), статьи СМИ, современные социологические данные. Иными словами, такие материалы представляют собой многостороннюю ретрансляцию общественного отношения к Гражданской войне (Беззубова 2016). Решить исследовательские задачи при работе с указанными материалами хотелось бы с применением методологии исторической травмы и ее преодоления (LaCapra 2001; Штомпка 2001, с. 3-12), а также методологии фиксации исторической памяти социума (Ассман А. 2016; Ассман Я. 2004; Айерман 2013; Мазур 2013; Хальбвакс 2005).

Результаты исследования

В ходе исследования были рассмотрены характерные черты метанарратива о Гражданской войне и исторический базис их возникновения. Одной из черт официального, в том числе и научного, финляндского нарратива XX века о Гражданской войне является деление противоборствующих сторон на два лагеря не

столько по принципу поддержки советских либо антисоветских сил, сколько по принципу соответствия идее независимой Финляндии. На таких позициях стояли консервативные историки, государственные деятели и церковь. На первый взгляд, такое деление не кажется кардинально отличным, однако при ближайшем рассмотрении проблема оказывается сложнее. Так, известный финский красногвардеец Аарне Арвонен впоследствии писал, что он, как и многие его сторонники, не был противником независимости Финляндии, но, оказавшись в стане проигравших в войне за независимость (как иногда и сейчас называется данный конфликт в Финляндии), они автоматически превратились в предателей и борцов против независимости родины (Рупасов 2018). Даже само использование термина «Война за независимость» уже определяло вектор восприятия своим идейным содержанием. Ценность истинного патриотизма, стремление обеспечить Финляндии независимость узурпировалось лишь одной стороной, благодаря чему официальный нарратив о войне формировался не через исследование борьбы разных политических сил за власть, а через их поляризацию на справедливую и несправедливую силы.

Упрощение политических механизмов Гражданской войны до блок-схемы «белые – сторонники независимости» и «красные – противники независимости» обуславливалось потребностью нового государства в обеспечении стабильности, которую могла дать лишь непротиворечивая консенсусная модель общественной консолидации. Лучшим источником подобной консолидации является общий враг (внешний или внутренний, реальный или воображаемый). В данном случае враг был и внешний – Россия, и внутренний – финские коммунисты и социалисты, которых обвиняли в предательстве своей страны, организации большевистского заговора и противодействии независимости Финляндии. При этом непосредственное участие русских добровольцев в финской гражданской войне нельзя назвать иначе как маргинальным – оно составляло от 5 до 10 процентов (Хаапала, Тикка 2014, с. 120). Упрощенная трактовка политических событий во имя достижения обществом консенсуса неизбежно привела к практике умалчивания некоторых характеристик Гражданской войны в рамках официального нарратива.

Во-первых, замалчиванию подвержен старт процесса суверенизации, ведь запуск самого механизма обретения независимости не связан ни с белыми, ни с красными силами. Первыми по пути «разбрасывания камней» пошло Временное правительство, провозгласившее постепенный переход к

федеративному государственному устройству (Смолин 2002, с. 153). После октябрьского этапа революции в России большевики не только не противодействовали данной тенденции, но и способствовали ее углублению. Так, 18 декабря 1917 года было принято Постановление Совета народных комиссаров о признании независимости Финляндской Республики, в котором говорилось следующее:

«В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской республики Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет: а) признать государственную независимость Финляндской республики; б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»².

Вторым нюансом является тот факт, что идея внешнего вмешательства в процесс обретения независимости Финляндией не была оригинальной и вытекает из самой Декларации независимости от 4 декабря 1917 года. Цитируем фрагмент из нее:

«Все трудности, голод и безработица, проистекающие из имеющейся внешней изоляции, заставляют Правительство незамедлительно установить прямые контакты с властями иностранных государств»³.

По сути, необходимость и неизбежность иностранного влияния очевидна даже в таком основополагающем документе. Вопрос лишь в том, кто из триады (Россия – Германия – Швеция) станет «гарантом» независимости Финляндии.

31 декабря 1917 года официальные представители Финляндии во главе с Пер Эвинд Свинхувудом получили документ Совнаркома о признании суверенитета Финляндии. Однако к этому времени в Финляндии уже образовались два противоборствующих блока: шюцкор (отряды самообороны), ставший основой белой гвардии, и рабочие отряды, спешно обучаемые большевиками и понимающие войну с классовой точки зрения. При этом историк Э. Кетولا отмечает, что для красных финнов Гражданская война в Финляндии всегда была их собственной борьбой (Булдаков 2018, с. 426), а не банальным отзвуком революции в России. Справедливости ради надо отметить, что внешнеполитическая позиция красных

² Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 71.

³ Declaration of Independence of Finland. 1917. Electronic resource. Access mode: URL: <https://histdoc.net/history/ru/itsjul.htm>.

претерпела изменения. После периода ослабления России в результате подписания Брестского мира 1918 года и нежелания вступать в конфликт с Германией, 1930-е снова отмечены интересом к финским территориям, однако это иной исторический период с другой спецификой внутреннего развития как Финляндии, так и СССР.

Поддержка белых, в свою очередь, прямо или косвенно отсылала не просто к независимости, но к независимости при поддержке Германской империи и Швеции, что, по сути, сближало «красную модель» новой Финляндии с «белой моделью». Отличаясь в административно-идеологических компонентах, они обе предполагали опору на внешнюю силу как гарант стабильности существования нового государства (примечательно, что аналогичного пути придерживалась и Польша, правда, с иным исходом). Перед Белым движением, сплотившим вокруг себя разносторонние консервативные силы, стояло две основные задачи: во-первых, возрождение единой и неделимой России (что сближало белых с политикой царской администрации и, соответственно, отдаляло от предоставления независимости странам Балтии и Финляндии); во-вторых, разгром большевизма. Вторая цель диктовала необходимость поддерживать Белое движение на всей территории Финляндии, а также использовать любые иные иностранные силы, борющиеся с большевиками. Выбор белых логично пал на Германию. Уже 21 августа 1917 года Эрих Людендорф, первый генерал-квартирмейстер (что в случае отсутствия кайзера ставило последнего в ранг верховного главнокомандующего), распорядился о как можно более скорой поставке оружия в Финляндию для поддержки Белого движения, что и было исполнено. Неслучайно, что после 1918 года, спасаясь от революции в Германии, Людендорф бежал в Швецию, откуда затем в 1922 году вновь вернулся в Германию.

Симптоматична и позиция К.Г. Маннергейма по отношению к внешнему вмешательству. Карл Густав Маннергейм, ставший в народной памяти символом борьбы с советской агрессией во время Советско-финляндской войны (ноябрь 1939 – март 1940), и, как любая символическая фигура, утративший некоторые исторические качества, поддерживал германскую интервенцию: высадившиеся на Аландских островах немецкие военные части он называет «друзьями и союзниками финнов» (естественно, не красных) и организует военные операции в полном контакте с немецким командованием. Это сближение дает основание историкам говорить о процессе «вассализации Финляндии Германией» (Свечников 1923).

Что касается Швеции, то в начале Гражданской войны она была вынуждена отказать в официальной помощи Финляндии из-за угрозы распространения революционных настроений в самой Швеции при поддержке шведской социал-демократической партии. Однако участие шведских добровольцев документально подтверждено, в том числе в воспоминаниях Михаила Степановича Свечникова. Формальным поводом для вмешательства стало притеснение шведскоязычного населения на территории Финляндии, но к концу мая 1918 года шведские военные отряды покинули страну.

Болезненным вопросом, нуждающимся в освещении и вызывающим отклик у современных финнов, является масштаб и характер террора в Гражданской войне. Как указывалось в начале, треть жертв – именно террора, а не военных столкновений, что стало причиной формирования коллективной травмы в финском социуме. Революционеры-большевики традиционно считали террор приемлемым методом, и казни невинных широко использовались в целях устрашения. Ленин неоднократно призывал использовать террор для поддержания контроля. Корни новой политической культуры, беспощадности большевиков при осуществлении власти обычно ищут в опыте Гражданской войны. В годы так называемого Большого террора 1937–1938 годов старая традиция была еще сильна, и многие деятели времен Гражданской войны по-прежнему занимали важные посты.

Красный террор осуществлялся двумя способами. Вблизи от линии фронта действовали военно-полевые суды. В тылу проводниками террора являлись следственные органы красных. Наиболее частая форма приговора – расстрел на месте. Когда же красные удерживали власть в том или ином районе долгое время, местный штаб передавал полномочия на расследование контрреволюционных действий следственным органам, носившим название «летучих патрулей». У красных террор осуществлялся также группами людей, не имевшими никаких формальных полномочий. Отдельные лица также использовали террор по личным мотивам – от мести до грабежа. В финской историографии этот аспект Гражданской войны активно подчеркивался, поскольку представлял собой удобное объяснение, не требовавшее анализа скрытой динамики насилия (Хаапала, Тикка 2014, с. 125).

Белая сторона прибегала к тем же методам и, как свидетельствуют некоторые воспоминания, открыто гордилась этим. В Финляндии террор, осуществлявшийся белыми, имел намного более широкий размах, чем красный террор. Отличие

также состояло в том, что белый террор обычно, хотя и не всегда, облакался в некую официальную форму: пленных казнили на основании приговоров «полевых судов». Классическим примером ожесточенного белого террора стала ликвидация «красного Тампере», крупного промышленного центра, где после падения красной власти были проведены массовые чистки – из более чем 11 тыс. пленных было казнено 1500 человек. Оправдывая жестокие репрессии против красных, Белая армия ссылалась на суровое законодательство царского режима. В 1909 году Николай II издал ряд специальных указов, позволявших государству объявлять местное или региональное военное положение в целях борьбы с политическими забастовками и агитациями (Хаапала, Тикка 2014, с. 121).

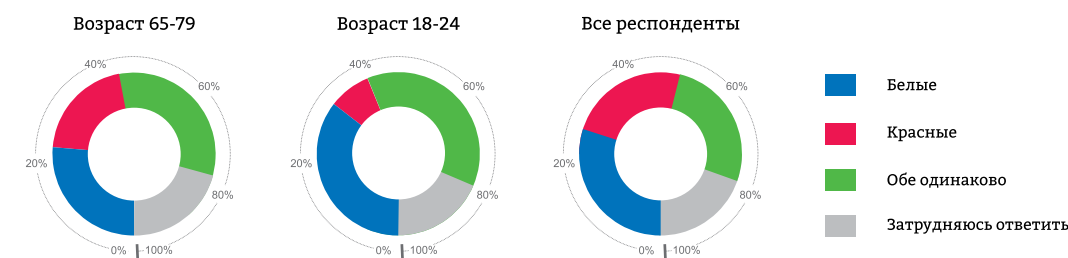
Важным фактором укрепления суверенитета Финляндии стало окончание Первой мировой войны. Поражение Центральных держав еще более укрепило позиции государств, обретших независимость при поддержке Германии. Образование новых национальных государств в Восточной Европе приняло необратимый характер. Парижская мирная конференция (январь 1919 – январь 1920) подтвердила принцип самоопределения наций на осколках Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй⁴.

В Финляндии в межвоенный период создавался культ Гражданской («Освободительной») войны, что связано с попытками отделить государство от России, Германии и Швеции. Наиболее активно в этом участвовали представители праворадикальных сил. В длительной перспективе, однако, этому культу не удалось доминировать в национальном дискурсе, хотя в межвоенное время и даже позже он преобладал, например, в преподавании истории и в художественной литературе. В рамках этого дискурса белый террор не превозносился – напротив, его хотели полностью отрицать и забыть, а вместо него акцентировался красный террор. Однако все-таки на сегодняшний день происходит последовательное переосмысление вклада разных сил (Вихавайнен 2018).

Современный общественный нарратив в СМИ (в особенности 2018 года) сосредотачивается на следующих аспектах, частично отраженных в исторической части доклада: диффамация каких бы то ни было сторон, красный и белый террор, идея свободы, военная повседневность, гендерный и этнический факторы конфликта, современные правовые основы сохранения наследия Гражданской

⁴ Вторая мировая война не принесла потерю независимости для Финляндии, в связи с чем и не пересекается с нарративом борьбы за независимость периода Гражданской войны (ср. Польшу). Об этом есть отдельный блок научных работ.

Рисунок 1. Какая сторона была более права в войне 1918 года? (Vuoden 1918 sota jakea yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018)⁵

войны. Для анализа и дальнейшей интерпретации были избраны следующие информационные порталы: «Хельсингин саномат» («Хельсинкские новости»)⁶, Yle⁷, «Турун саномат» («Новости Турку»⁸). Жанровое разнообразие материалов данных порталов – безусловное исследовательское преимущество.

Для начала обратимся к статистическому исследованию. В декабре 2017 года в рамках экономических исследований Yle был проведен целевой онлайн-опрос: «Какая сторона была более правой / справедливой в войне 1918 года?» (Vuoden 1918 sota jakea yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018). Были получены следующие результаты: почти треть (31%) респондентов считает, что обе стороны были одинаково правы в Гражданской войне. Пятая часть (20%) респондентов не смогла занять никакой позиции по этому поводу. Однако белая сторона явно получила больше понимания, чем красная. Треть респондентов (33%) сказали, что белые были на более правильном пути в войне, 16% опрошенных заявили, что красные были правы. Молодые люди (18–24 лет) более склонны поддерживать белую сторону. Пожилые же (65–79 лет), в свою очередь, считают стороны войны более похожими друг на друга. Зеленая часть графика кажется особенно любопытной, так как в суммарной статистике эта цифра почти равняется «синей» поддержке белых (см. Рисунок 1).

При этом в вопросе более пострадавшей стороны мы видим больший консенсус: на вопрос, какая партия больше всего пострадала от несправедливости в войне, 55% ответили – «красные», 27% – «одинаково» и 5% – «белые». Это означает, что белый террор современным финским обществом признается. Воспоминания о

⁵ Vuoden 1918 sota jakea yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä 2018 URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10014896>.

⁶ Helsingin Sanomat – крупнейшая газета, сайт – важный информационный портал финноязычного Интернета с широкой рубрикой.

⁷ Yle – государственная телерадиокомпания Финляндии.

⁸ Turun sanomat – важный новостной портал региона Турку.

случившемся отражены в ответах граждан. Согласно опросу, 63% граждан считают, что белые несут ответственность за значительное количество смертей в результате казней и голода.

Также опрос показал репрезентативную выборку ответов на вопрос «Какое название наилучшим образом подходит войне в Финляндии 1918 года?», в которой ответ «Гражданская война» убедительно лидирует (47%). Политически более ангажированные названия получили меньший объем поддержки: так, вариант «Освободительная война», об идее которой сказано выше, – только 10%, «красное восстание» – вовсе 4%.

Вопрос «Что из нижеследующего является наиболее наглядным примером причины войны?» имеет следующие ответы: 23% поставили на первое место в серии причин войны тяжелое положение бедных и невозможные условия жизни, столько же процентов – на второе место, только 7% респондентов обозначили эту причину в качестве совершенно неважной. Основной альтернативой такой точки зрения является ответ «Война была вызвана стремлением красных захватить власть и социализировать Финляндию» (27% опрошенных), однако уже 17% заявляют, что данная причина стоит на последнем месте. За счет этого среднее значение оказывается сглаженным. Но очевидно, что порядок расхождения не может быть проигнорирован при исследовании. Ответы более классового или общеисторического характера («Война была вызвана нежеланием имущего класса идти на уступки требованиям бедноты»; «Война была вызвана распадом России и тем, что Финляндия не имела собственной армии и полиции») приблизительно равномерно распределились в рейтинге важных причин. При этом опрошенные полагают, что общественное мнение Финляндии нельзя считать полярным, расколотым по вопросам Гражданской войны (14% считают, что в обществе достигнут консенсус, 68% – лишь часть общества оказывается разделенной, только 7% – что имеет место сильная разобщенность мнений), гендерные и возрастные группы показывают схожие результаты.

Приведенные статистические данные демонстрируют, что общественный дискурс о Гражданской войне имеет тенденцию к выравниванию, несмотря на тот очевидный факт, что дискурс о дальнейшей Зимней войне (и тем более Второй мировой войне) имеет скорее тенденцию к обострению. Сфера причинности войны оказывается менее гибкой, красные выглядят в ней более агрессивной, враждебной стороной. Однако в вопросе террора и повинности в масштабе жертв негативную оценку получают преимущественно белые силы.

Отметим общие особенности культурной памяти о событиях Гражданской войны в современной Финляндии. Озвученная тенденция к выравниванию оценочных суждений прослеживается в коммеморативной интеллектуальной продукции 2018 года. В научно-популярных изданиях порицается тот предвзятый подход к любой общественной деятельности, которая могла бы прямо или косвенно апеллировать к коммунистическим идеалам, свойственный 1920-м годам. Например, книга Микко-Олави Сеппяля об истории рабочего театра (Seppälä 2010) в поствоенной Финляндии повествует о попытках притеснения свободы искусства, арестах создателей и активистов рабочего театра (Kielletty 2020). В то же время знаковым событием стало переиздание и, соответственно, актуализация в 2020 году большого иллюстрированного издания «Русская революция и Финляндия 1917–1920 гг.» Туомо Полвинена, историка 1960–1970-х годов, где красные силы и большевики традиционно подвергаются радикализации. Явная полемичность темы приводит к активному обсуждению. Есть и работы, посвященные переосмыслению и десакрализации личности Маннергейма, показывающие, что его вклад в развитие событий минимален в сравнении с немецким вмешательством. Многочисленные авторские колонки поднимают проблемы необходимости расследования преступлений против красных, сохранения памяти о военных преступлениях обеих сторон, одинакового отношения к военным захоронениям как красных, так и белых.

Интересные нюансы освещаются в кинематографических работах. В 2018 году вышел короткометражный фильм Сеппо Рустаниуса «Глаза войны 1918»⁹, который поднимает проблемы участия детей в Гражданской войне как со стороны белых, так и со стороны красных. Для режиссера важно продемонстрировать, что политическая окраска не имеет значения, ущерб, нанесенный детству в целом, нельзя окрасить в красный или белый цвет, этот ущерб – всеобщего масштаба. Только официально более 70 детей были казнены, более 2000 погибли, более 100 детей числились солдатами с обеих сторон. Подобная тема защиты детства от насилия войны становится важнее для финского общества, нежели попытки найти степень виновности красных и белых сторон в разжигании конфликта.

9 Новый короткометражный документальный фильм смотрит на Гражданскую войну в Финляндии глазами детей: «Я надеюсь, что наш фильм будет сравниваться с Сирией и другими современными войнами», – говорит режиссер Сеппо Рустаниус ((Uusi lyhytdokumentti katsoo Suomen sisällissotaa lasten silmin – ”Toivon, että elokuvamme vertautuu Syyriaan ja muihin nykyajan sotiin”, sanoo ohjaaja Seppo Rustanius). URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000005679836.html>).

Аргументом к наличию широкого гражданского интереса к теме Гражданской войны является выход в 2018 году комикса «Сестры 1918 года» (Sisaret 1918)¹⁰, отмеченного премией Comic Book Finland (10 авторов-карикатуристок). Это десять историй женщин в контексте Гражданской войны, основанных на архивных документах. Главный редактор комикса Реета Лайтинен в лаконичной графической форме сделала ставку на освещение участия женщин и на белой, и на красной стороне, кроме того, две истории относятся к юным девочкам. Гендерная акцентуация этого произведения не умаляет его антропологической и общественной значимости. Спрос на данный комикс отражен также и в том, что иллюстрации выставлялись отдельно в Галерее Комикс-центра Хельсинки в апреле 2018 года.

Выводы

Таким образом, ценности, формируемые современным общественным нарративом, оказываются следующими: во-первых, это призыв уйти от замалчивания фактов и их поверхностной – полярной – интерпретации, свойственной XX веку. Вторая важная ценность – свободная Финляндия и, следовательно, пересмотр консервативного подхода к иностранному вмешательству. Германия и Россия в современном дискурсе оказываются не по разные стороны баррикад независимости, но по одну и ту же – сторону сил, заинтересованных в контроле над финской территорией. Третья ценность – трагичность тех масштабов гибели и страданий населения Финляндии, в том числе женщин и детей, вне зависимости от деления на красных и белых. Вероятно, тот факт, что Финляндия не лишилась независимости в 1940-е годы, в отличие от стран Балтии, отчасти обусловил потребность в более гибком подходе. В отличие от политической сферы, где самоидентификация партий часто опирается на историческое прошлое, общественный дискурс склоняется к уменьшению нарочито политизированной трактовки вокруг Гражданской войны, делая ставку на нейтральность.

Потребность в переосмыслении наследия гражданского противостояния – потенциал для гуманитарного диалога между Россией и Финляндией, удачный момент для налаживания добрососедских отношений. Наблюдается широкое поле тем, актуальных и для российского, и для финляндского общественного

дискурса: скудость школьного освещения материала на данную тему; острота и противоречивость в оценке преступлений времен войны; интерес к истории повседневности; необходимость вывода дискурса о войне за рамки лишь политических или исторических дискуссий. Совместные проекты изучения исторической памяти о войне в рамках взвешенного подхода, открытая диалогичность, опора на источники, привлечение культурных компонентов могут стать эффективным инструментом налаживания общественных отношений в целом и восприятия России – в частности, в современной Финляндии.

Источники

- Айерман, Р. (2013), «Социальная теория и травма» [Social theory and trauma]. *Социологическое обозрение*, Т. 12, № 1, с. 121-138.
- Ассман, А. (2016), Новое недовольство мемориальной культурой [New dissatisfaction with memorial culture] / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Я. (2004), Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. М.: Языки славянской культуры.
- Беззубова, О.В. (2016), «Музей и политика памяти» [Museum and the Memory Policy] // *Международный журнал исследований культуры*, № 3 (24), с. 76-84.
- Булдаков, В.П. (2018), «Восприятие Гражданской войны в Финляндии российским обществом в 1918 году» [Perception of the Civil War in Finland by Russian society in 1918] // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований*, с. 421-436.
- Вихавайнен, Т. (2018), «Гражданские войны в Финляндии и России: что было общим, что особенным и каково наследие гражданской войны в Финляндии и России» [Civil wars in Finland and Russia: what was common, what was special and what is the legacy of the civil war in Finland and Russia] // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований*, № 3, с. 400-409.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), «Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы» [Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement]. *Международная жизнь*, № 10.
- Мазур, Л.Н. (2013), «Образ прошлого: формирование исторической памяти» [The image of the past: the formation of historical memory] // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*, № 3, с. 243-256.
- Рупасов, А.И. (2018), «Гражданская война в Финляндии» [Civil War in Finland] // *Петербургский исторический журнал*, № 3, с. 171-186.
- Свечников, М.С. (1923), Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918: (воспоминания и материалы) [Revolution and Civil War in Finland. 1917–1918: (memories and materials)]. Москва, Петроград.
- Смолин, А.В. (2002), «Страны Балтии (Эстония, Латвия) и Финляндия в политике российских консерваторов в годы гражданской войны» [The Baltic States (Estonia, Latvia) and Finland in the policy of Russian conservatives during the Civil War]. Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. Материалы международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. / Под ред. А.С. Карцова. СПб., с. 153-160.
- Хаапала, П., Тикка, М. (2014), «Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год)» [Revolution, Civil War and Terror in Finland (1918)]. Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны: 1917–1923. М., с. 109-126.
- Штомпка, П. (2001), «Культурная травма в посткоммунистическом обществе: (Статья вторая)» [Cultural Trauma in Post-Communist Society: (Article Two)] / Пер. В.В. Репьева и Н.В. Романовского // *Социологические исследования*, № 2, с. 3-12.
- LaCapra, D. (2001), Writing History, Writing Trauma. (Записывая историю. Записывая травму)

10 «Сестры 1918» Sisaret 1918 / Ed. R. Laitinen.

Baltimore: Johns Hopkins University Press.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-62-77

The white and red forces of the Civil War: problems of modern public interpretation of historical memory in Finland

Elena A. Kuzmenko

Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Abstract: The article characterizes the modern public discourse in Finland on the impact of the red and white forces on the developments unfolding in the course of the Civil War through the interpretation of historical sources. It also draws a conclusion about the transformations that historical memory has experienced in Finland over the past decades. The research tasks are solved by using the methodology of historical trauma and mechanisms of its overcoming, the historical narration of everyday life, sociological methods. The article considers the concepts of official scientific and public discourse on controversial historical issues, indicates the different functional content of these categories. The fact of granting independence to Finland in 1918, and most importantly, the fact that the independence was maintained further on, was actualized in the public narrative in 2018. On this basis, it is possible to analyze the assessment of the white and red forces within modern Finnish society, due to the higher interest to the Civil War in connection with the Jubilee data and comparatively larger number of sources on historic memory that have appeared in scientific discourse. In the interwar period, Finland saw the cult of the Civil ("Liberation") War, where the red forces were presented as opponents of the independence of the state, and the whites, on the contrary, contributed to the acquisition of the sovereignty. However the statistical data, commemorative products, cultural phenomena presented in the article show that the public discourse about the Civil War tends to smooth the categorical evaluations, despite the fact that the discourse about the further Winter War and, moreover, the World War II tends to exacerbate the approach. The Finnish society is aware of the need to investigate crimes against the reds, preserves the memory of war crimes on both sides, and keeps the war graves of both Reds and Whites in the similar way. The rethinking of the legacy of civil confrontation is the potential for humanitarian dialogue between Russia and Finland.

Keywords: Civil War, historical memory, red forces, white forces, Finland, terror, commemorative practices.

About author: KUZMENKO ELENA. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4144-2414. RANEP. Member of the Russian Society for Intellectual History. Address: 82 Prospekt Vernadskogo, Building 1, Moscow, 119571. Russian Federation. ea.kuzmenko@igsu.ru.

References

Ayerman, R. (2013), Social theory and trauma [Social'naya teoriya i travma], *Sociological Review*,

- Vol. 12. No. 1, pp. 121-138.
- Assman, A. (2016), New dissatisfaction with memorial culture [Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj] / Trans. from it. Boris Khlebnikov. M.: New Literary Review (in Russian)
- Assman, Ya. (2004), Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the High cultures of antiquity, Moscow: Languages of Slavic culture
- Bezzubova, O.V. (2016), Museum and the Memory Policy [Muzej i politika pamyati], *International Journal of Cultural Studies*, №3 (24), pp. 76-84 (in Russian)
- Buldaov, V.P. (2018), Perception of the Civil War in Finland by Russian society in 1918 [Vospriyatie Grazhdanskoj vojny v Finlyandii rossijskim obshchestvom v 1918 godu], *Almanac of Northern European and Baltic Studies*, pp. 421-436 (in Russian)
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement", *International Affairs* ["Kommunikatsionnye rezhimy kak faktor mezhdunarodnykh vzaimodeistvii: postanovka problemy", *Mezhdunarodnaya zhizn*], No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Haapala, P., Tikka, M. (2014), Revolution, Civil War and Terror in Finland (1918). War during peace. Paramilitary conflicts after the First World War: 1917-1923. M., pp. 109-126.
- Mazur, L.N. (2013), The image of the past: the formation of historical memory [Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati], *Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities*, No. 3, pp. 243-256 (in Russian)
- Rupasov, I. (2018), Civil War in Finland [Grazhdanskaya vojna v Finlyandii], St. Petersburg Historical Journal, No. 3, pp. 171-186 (in Russian)
- LaCapra, D. (2001), Writing History, Writing Trauma, Johns Hopkins University Press, Baltimore.
- Shtompka, P. (2002), Cultural Trauma in Post-Communist Society: (Article Two) / Trans. by V.V. Repyev and N.V. Romanovsky, *Sociological research*, No. 2., pp. 3-12
- Smolin, A.V. (2002), The Baltic States (Estonia, Latvia) and Finland in the politics of Russian conservatives during the Civil War. Conservatism and Liberalism: History and Modern Concepts. Materials of the International Scientific Conference, February 15, 2002 / Edited by A.S. Kartsova. SPb., pp. 153-160 (in Russian)
- Svechnikov, M.S. (1923), Revolution and Civil war in Finland. 1917-1918: (memories and materials) [Revoluciya i grazhdanskaya vojna v Finlyandii], Moscow - Petrograd. (in Russian)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

“

Казахстан. Доверие к информации, размещенной в социальных сетях, форумах и блогах (2021 г.):

- 16,54% казахстанцев полностью доверяют
- 12,22% вообще не доверяют
- 65,28% доверяют иногда

Казахстан. Доверие сообщениям, которые люди получают через знакомых по мобильным мессенджерам (Whatsapp, Telegram) (2021 г.)

12,52% полностью доверяют, 61,64% доверяют иногда, 19,51% вообще не доверяют. ”

Источник: мониторинговое агентство Ranking.kz
URL: <http://ranking.kz/ru/a/infopovody/kakie-socialnye-seti-populyarny-v-kazahstane>

“

КАК И В **БОЛЬШИНСТВЕ** ИЗУЧЕННЫХ НАМИ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА, **СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ** КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕЖИМОВ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНО **ОСНОВАНА** НА СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ **ИДЕНТИЧНОСТИ** И НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА. ИСПОЛЬЗУЯ **ТЕХНОЛОГИЮ** СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА **ЭТИХ СТРАН** САМИ РАДИКАЛИЗИРУЮТ ОБЩЕСТВО, АКТУАЛИЗИРУЯ ТЕМУ УГРОЗ В **ИНФОРМАЦИОННОЙ** ПОВЕСТКЕ. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАКТИЧЕСКИ **ВЫВОДИТ** ЭТУ ПРОБЛЕМУ ИЗ ОБЛАСТИ НОРМАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРИДАЕТ ЕЙ СТАТУС ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО **ПРИОРИТЕТА**. ЭТО **ПОЗВОЛЯЕТ** СТАВИТЬ ПРОБЛЕМУ ВЫШЕ УСТАНОВЛЕННЫХ НОРМ И ПРАВИЛ ИЛИ ЖЕ **МЕНЯТЬ НОРМЫ** И **ПРАВИЛА** ПОД РЕШЕНИЕ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ. ”

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии: основные выводы по результатам сравнительного исследования (Комлева В.В.)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-80-95

УДК: 316.286

Коммуникационные режимы государств Центральной Азии в контексте интересов национальной безопасности Российской Федерации

Грибин Н.П.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Аннотация: В статье раскрывается содержание деструктивного воздействия стран Запада на коммуникационные режимы и информационное пространство дружественных нам государств Центральной Азии, несущего угрозу как их национальной безопасности, так и противоречащего национальным интересам Российской Федерации. Отмечается значимость совместных с государствами центральноазиатского региона усилий, в том числе в формате региональных организаций ШОС и ОДКБ, по обеспечению информационной безопасности и позитивного влияния на коммуникационные режимы данного региона. Обращается внимание на роль национальных массмедиа в арсенале инструментов влияния на умы и психологию населения стран Центральной Азии, и в этой связи дается характеристика западным информационным структурам, которые осуществляют подобное влияние, механизмам их функционирования и способу нейтрализации их деятельности. Отмечается динамичность исследуемой материи и ее подвластность изменениям в расстановке сил на международной арене. Отдельно анализируется роль государства в обеспечении информационной безопасности и защиты граждан от искаженного информационно-коммуникативного влияния. В работе высказываются соображения относительно организации системного противодействия деструктивным действиям отдельных государств в информационном поле стран в Центральной Азии, в частности, высказывается соображение о необходимости создания комплексной (совместно с Российской Федерацией) системы блокировки и нейтрализации вредоносных информационно-пропагандистских материалов, а также предложение в части создания мирового коммуникационного порядка на базе формирования международной правовой основы рационального цивилизованного регулирования

страновых коммуникационных режимов на глобальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: страновые коммуникационные режимы, информационно-психологическое воздействие, информационное пространство, национальная безопасность, виртуальная аудитория

Об авторе: ГРИБИН Николай Петрович. Доктор юридических наук. Профессор. Ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. ORCID: 0000-0001-9141-445. Адрес: 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76, n.gordin40@gmail.com.

Введение

Страновые коммуникационные режимы как ключевой элемент глобальной информационно-коммуникационной сети заслуживают самого пристального внимания теоретиков и практиков государственного управления в силу стремительных мировых процессов информатизации, проникающей во все сферы жизнедеятельности каждого государства, общества и личности. И это проникновение, в зависимости от содержания и идеологической направленности информационного материала, все более заметно сказывается не только на позитивной динамике международных отношений, укреплении взаимопонимания и доверия между народами, но одновременно провоцирует возникновение и развитие региональных конфликтов, дестабилизацию обстановки в отдельных государствах.

Имеется немало фактов, когда массированные, сознательно деформированные информационно-коммуникационные потоки в соответствии с коллективной стратегией Запада обрушиваются на население той или иной страны, выбранной в качестве объекта информационно-психологической интервенции, с целью радикализации общества, формирования протестной деятельности и смены на марионеточное правление существующей легитимной государственной власти, неугодной странам «золотого миллиарда».

Новейшая история подтверждает, что навязывание подобных сценариев, широко тиражируемых в последние десятилетия в различных точках мира, ставит под вопрос экзистенциальность атакуемых государств как суверенных, независимых субъектов мирового сообщества. Об этом недвусмысленно свидетельствует целый ряд событий, в том числе совсем недавних, например, в Украине, Белоруссии, Кыргызстане и Венесуэле, где западные «партнеры» задействовали всю мощь информационно-психологической машины в качестве манипуляционного инструмента гибридной войны,

ведущейся уже многие годы против России и ее традиционных союзников.

К сожалению, на данный момент отсутствуют высоко результативные механизмы противодействия внешней деструктивной информационно-психологической экспансии в силу беспрепятственного, экстерриториального, трудно контролируемого распространения в страновых информационных пространствах любых материалов, зависящих от воли заказчиков и циркулирующих в свободном доступе, благодаря массовому охвату технически грамотного населения практически любого государства новейшей компьютерной техникой и мобильными устройствами.

Пока, к сожалению, не определены и рамочные международно-правовые нормы, устанавливающие мировой коммуникационный порядок, несмотря на усилия глобальных институтов и учреждений ООН и многих членов этой организации, отдающих себе отчет в том, что сегодня обеспечение информационного суверенитета стало важным условием для обеспечения суверенитета государственного.

Несмотря на сохраняющуюся актуальность информационно-коммуникационной проблемы, многие ее аспекты остаются за пределами научного внимания ученых и поэтому недостаточно теоретически разработаны. Проблемы сопряжения национальной безопасности и коммуникационных режимов пока не были предметом специального научного исследования, хотя отдельные аспекты затрагивались учеными в области информационной безопасности (Мельникова 2021; Смирнов 2018; Shibaev, Uibo 2016; Alguliyev, Imamverdiyev 2020; Betz 2012; Kello 2013).

Наша цель – исследование страновых коммуникационных режимов под углом зрения интересов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и дружественных нашей стране государств постсоветского пространства в Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, которые географически располагаются в стратегически важном для нас южном регионе.

Материалы и методы

Автором привлечена с использованием общенаучных методов познания (анализа, синтеза, аналогии, дедукции, индукции и др.) совокупность оригинальных источников: доклад Human Rights

Watch о нарушении прав человека в России (2020), доклад Wilson Center о состоянии прав человека в России (2021), меморандум «О взаимопонимании» между ОБСЕ и правительством Киргизской Республики (2002), Совместное коммюнике Европейского парламента и Совета Европы (2019) «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для прочного партнерства», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021), материалы интернет-ресурсов: Internews Network International, IWPR в Центральной Азии, Central Asian Bureau for Analytical Reporting, EurasiaNet. И использованные материалы и методы позволили не только обобщить научные подходы к предложенной проблематике, но и сделать новые выводы из эмпирических материалов, практически значимые предложения по существу проблемы секьюритизации коммуникативных режимов в Центральной Азии, структуре, сущности и содержанию такой системы, роли иностранных сетевых компаний, действующих вопреки правилам национальных коммуникационных режимов.

Результаты

Если в недалеком прошлом Центральная Азия представляла собой периферию мирового политического пространства, то сегодня ситуация кардинально изменилась вследствие возросшего геополитического положения региона и в результате появления центров экономического и политического развития, а также наличия здесь солидных запасов энергоресурсов и транспортного потенциала (Рустамова, Бахриев 2020).

Особенно обострилась проблема национальной безопасности в Российской Федерации и дружественных нам среднеазиатских государствах в связи с последними событиями в Афганистане, вызванными провальным выводом войск США из этой фактически оккупированной ими страны и захватом государственной власти запрещенным в России движением «Талибан», поведение которого внутри страны и за рубежом в недавнем прошлом было далеко не демократичным, а в настоящее время остается трудно предсказуемым, особенно с учетом оставленного американцами на территории государства большого количества оружия и военной техники на общую сумму 85 млрд долларов¹.

¹ Такие данные сообщил в эфире телеканала «Звезда» директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) России Дмитрий Шугаев. URL: <https://ria.ru/20210930/afghanistan-1752588094.html>.

В результате серьезно возросла угроза безопасности как России, так и Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана, соседствующих с Афганистаном, и тем более граничащего с этой страной Таджикистана, с точки зрения расширения возможностей распространения в этом регионе терроризма и исламского экстремизма, проникновения иностранных вооруженных формирований, роста масштабов незаконного оборота наркотиков, вероятного наплыва беженцев и повышения уровня конфликтности в регионе.

Еще более осложнилась обстановка на азиатском континенте после недавнего основания военного альянса Австралии, Великобритании и США, получившего наименование AUKUS (Australia, United Kingdom, United States), который подрывает основы стабильности глобального масштаба и ставит под удар всю архитектуру безопасности в Азии. Не афишируемый стратегический замысел альянса совершенно очевиден – это наращивание военно-политического потенциала для усиления противостояния России и Китая. Несколько ранее, до создания AUKUS, было учреждено четырехстороннее проамериканское индо-тихоокеанское объединение QUAD, в которое входят США, Индия, Австралия и Япония, являющееся «прообразом азиатского аналога НАТО»². Как известно, этот альянс преследует те же цели.

Такие события последнего времени дают основание полагать, что состояние нестабильности в масштабе всего Азиатско-Тихоокеанского региона будет иметь долгосрочный характер вследствие пересечения противоречивых стратегических военно-политических и экономических интересов многих ведущих мировых игроков, прежде всего США, Европейского союза, Ирана и Турции, которые пытаются доминировать в этой части света и не допустить укрепления позиций Российской Федерации и дружественных нам государств.

В настоящее время информационное пространство Российской Федерации, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана подвержено беспрецедентному негативному воздействию, ориентированному на максимальный отрыв этих стран от Российской Федерации с целью затруднить российское влияние и его интегрирующее воздействие (Сурма 2021), сформировать у общественности выгодное Западу видение происходящих социально-политических и экономических процессов как в этих государствах, так и в мире в целом. Преследуется и еще один тайный и очень желанный замысел наших недоброжелателей, организующих информационное

давление на атакуемые страны, – повлиять на принятие нужных Западу политических, экономических, военных и социальных управленческих решений их руководством.

Информационная вредоносная деформация реальной картины происходящего по своей сути означает вмешательство во внутренние дела независимых государств и подрыв их суверенитета (Лавров 2020). В этих целях увеличивается количество компьютерных атак на информационные ресурсы стран-мишеней, распространяется в массовом порядке недостоверная и заведомо лживая информация, рисуется негативный образ России, подрываются ее добрососедские отношения с другими странами, дискредитируется взаимовыгодность экономического, культурного, научного, парламентского и иных видов сотрудничества между дружественными странами, в том числе многостороннего и многопрофильного взаимодействия в форматах ШОС и ОДКБ, навязывается идея бесперспективности сближения дружественных стран Центральной Азии с Российской Федерацией. Излюбленным приемом пропаганды является муссирование темы мнимой авторитарности, псевдонарушений прав человека³, свободы слова и базовых демократических основ⁴ в противовес якобы процветанию демократии в собственных метрополиях.

Тиражирование искаженной и фейковой информации облегчается за счет созданных за пределами юрисдикции атакуемых государств сетевых компаний, действующих вопреки правилам национальных коммуникационных режимов.

Учитывая резкий рост виртуальной аудитории в мире, наиболее интенсивно в пропагандистских целях используется сеть Интернет, где под предлогом многообразия мнений и плюрализма оценок социально-политических событий размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к протестным выступлениям против местной власти, массовым беспорядкам и сопротивлению правоохранительным органам (Косоруков 2013; Жаворонкова 2015; Адамова, Манкиева, Сергеев и Шибанова 2019). В социальных сетях популяризируются криминальный образ жизни, потребление наркотических средств и психотропных веществ, культивируются насилие, стяжательство, сексуальная распущенность и правовой нигилизм, навязывается искаженный взгляд на исторические факты и события, происходящие в России и дружественных государствах,

2 Об этом заявил секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев // *Российская Газета*. 21.09.2021 г. URL: https://news.rambler.ru/internet/47243986/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

3 Доклад Human Rights Watch о нарушении прав человека в России, 2020. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/russia>.

4 Доклад Wilson Center о состоянии прав человека в России. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/human-rights-russia>.

порочатся национальные герои и, наоборот, героизируются и облагораживаются преступники. Основным объектом такой информационно-психологической интервенции является молодежь, более подверженная манипуляционному воздействию из-за недостаточного жизненного опыта, неустойчивого мировоззрения и податливости на быстрые, внешне эффектные радикальные решения и непродуманные поступки. Одновременно обработка молодежной аудитории преследует далеко идущий тайный замысел – «выращивание нового поколения экспертов и аналитиков, в том числе инфлюенсеров (от англ. глагола *influence* – «влиять»), которые отстаивали бы позиции западных стран, объясняли населению их преимущества, давали выгодные для Запада прогнозы» (Сзаја 2018).

Анонимность распространяемых в Интернете материалов, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, способствует нарушению порядка и традиций, существующих в информационно-коммуникационных режимах стран воздействия. Для беспрепятственного и безопасного продвижения своих информационно-пропагандистских идей в США разработано специальное программное обеспечение функционирования компьютеров, позволяющее превращать оппозиционеров и обслуживающих их кибер-активистов в «невидимок» для правоохранительных органов стран информационного прессинга (Сурма 2021).

В этом процессе не следует игнорировать также и роль национальных массмедиа, телевидения, киноиндустрии и массовой культуры в арсенале инструментов влияния на умы и психологию людей. Не секрет, что эти информационно-коммуникационные средства нередко по коммерческим соображениям действуют вразрез с фундаментальными национальными интересами собственных стран. В частности, имеют место случаи, когда превозносятся образцы поведения индивидов, противоречащие традиционному добропорядочному облику местного населения и присущему ему патриотизму, что фактически играет на руку нашим недоброжелателям, которые постоянно повторяют миф об отсталости, варварстве и бескультуре наших этносов.

На этой жизненно важной проблеме заострил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин, подчеркнувший, что «государство обязано и имеет право и свои усилия, и свои ресурсы направлять на решение осознанных социальных, общественных задач. В том числе на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию»⁵.

⁵ Путин, В.В. (2012) «Россия: национальный вопрос» // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

Назовем основные структуры, осуществляющие негативное информационное влияние в Центральной Азии, но официально декларирующие как отвечающие национальным интересам среднеазиатских государств цели. Академия ОБСЕ в Бишкеке была создана в 2002 году на основе соглашения между ОБСЕ и правительством Киргизской Республики. Сторонами был подписан меморандум «О взаимопонимании», который придал официальный статус созданию Академии как регионального центра последипломного образования и форума для регионального диалога по вопросам безопасности и научных исследований.

Internews Network International – Международная организация, созданная для поддержки развития СМИ по всему миру, в состав которой входит 21 филиал с офисами в 34 странах мира (в основном в странах так называемой развивающейся демократии). Штаб-квартира организации находится в городе Арката, штат Калифорния (США). Как утверждают основатели организации, свою миссию Internews Network International видит в целенаправленной деятельности по защите свободы прессы, повышению профессионального уровня журналистики в разных странах мира и реализации различных гуманитарных проектов в области электронных СМИ⁶. В Центрально-Азиатском регионе Internews Network International работает в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, реализуя различные программы, направленные на «совершенствование» работы местных СМИ. Эта организация также активно занимается проведением различных мероприятий для студентов и практикующих журналистов.

В Казахстане в рамках Internews Network International действует Международный центр журналистики MediaNet, запустивший проект ONLINE MediaSchool для всех регионов Казахстана с целью формирования нового поколения независимых журналистов: разносторонних, социально активных, профессиональных и независимых. Обучение проводится в формате вебинаров на казахском и русском языках. Другим важным направлением деятельности Internews Network International считается поддержка в регионе «гражданской журналистики», когда каждый человек со смартфоном «может стать репортером и рассказывать о важных происшествиях в своих социальных сетях раньше, чем самые продвинутые медиа»⁷.

Институт по освещению войны и мира (IWPR) в Центральной Азии основан в 1991 году как благотворительная просветительская

⁶ URL: <https://internews.org/>.

⁷ Our strategy, Internews Network International, available at URL: <https://internews.org/about/our-strategy/>.

организация, содействующая проблемам развития, обеспечивающая мировую общественность большим доступом к информации о событиях в регионах СНГ и других странах мира. Основные представительства Института расположены в США и Нидерландах, а штаб-квартира находится в Лондоне. IWPR работает в более чем 30 странах мира и осуществляет свои программы в Афганистане, на Кавказе, в Центральной Азии и в других регионах⁸.

Одним из полноценно реализуемых проектов Института по освещению войны и мира является CABAR – Central Asian Bureau for Analytical Reporting, коллектив которого состоит в основном из представителей Кыргызстана и Таджикистана, прошедших стажировку на Западе. В рамках CABAR действует медиашкола CABAR, обучающая онлайн и офлайн журналистов и всех желающих инструментам аналитики, репортажной журналистики, новым медиа и цифровой журналистики. На портале CABAR имеется раздел «Аналитика», где публикуются статьи, содержащие критическую оценку интеграционных проектов России и стран Центральной Азии⁹.

EurasiaNet. Редакция EurasiaNet находится в Нью-Йорке. EurasiaNet выступает за открытое и информационно насыщенное обсуждение актуальных проблем. Одной из целей EurasiaNet является донесение информации до лиц, принимающих решения, а также пробуждение интереса к отдельным постсоветским государствам в широких кругах общества. EurasiaNet публикует информационно-аналитические материалы о событиях в политической, экономической и общественной жизни и состоянии окружающей среды в Центральной Азии и на Кавказе, а также в России, Украине и Молдавии¹⁰. Благодаря развитой корреспондентской сети, которой EurasiaNet располагает как на Западе, так и в странах Евразии, издание предоставляет своим читателям оперативную информацию, а также возможность знакомиться с различными точками зрения на современную ситуацию в мире. Материалы на интернет-портале публикуются на английском и русском языках (Сурма 2021).

Основной движущей силой в информационно-коммуникационных атаках против России и дружественных нам стран Центральной Азии являются Соединенные Штаты Америки. Приведем для иллюстрации один из эпизодов проводимого курса этого псевдопартнера. В сентябре 2018 года американское Агентство по международному сотрудничеству (USAID) приняло так называемую Центральноазиатскую медийную программу (Central Asia Media

Program). Главной целью Программы является «развитие более сбалансированного информационного пространства в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане в целях развития открытости молодежи и взрослого населения к восприятию различных идей, мнений и перспектив, что в свою очередь будет способствовать их вовлеченности в гражданское общество». На реализацию Программы, рассчитанной на пятилетний срок, выделено из бюджета США 15 млн долларов. В качестве основных задач в Программе названы «улучшение качества контента и повышение активности аудитории путем использования традиционных и новых медиаплатформ, укрепление финансового положения средств массовой информации и повышение уровня профессионализма журналистов, блогеров и общественных репортеров, повышение грамотности широкого медийного пространства»¹¹.

Недалеко отстают от американцев европейцы, преследующие далекоидущую цель включить страны Центральной Азии в орбиту своих политических и экономических интересов, заманивая их в партнерские отношения. Так, 15 мая 2019 года Европейский парламент и Совет Европы приняли Совместное коммюнике с многозначительным названием «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для прочного партнерства». В документе утверждается, что Европейский союз и пять стран региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) «установили долгосрочные отношения, основанные на взаимных и стабильных интересах». В коммюнике отмечается, что эти государства «в качестве партнеров имеют возрастающее значение для стран Евросоюза», особенно в плане сотрудничества в гуманитарной и информационной областях¹².

Озабоченность руководства России новыми неблагоприятными реалиями современного мира и усиливающейся общей планетарной нестабильностью обусловила принятие в Российской Федерации базового документа в сфере национальной безопасности – новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

В Стратегии в качестве одного из стратегических национальных приоритетов выделена «информационная безопасность». Ее обеспечение предполагается осуществлять путем реализации

8 URL: <https://iwpr.net/impact/europe-eurasia/central-asia/kyrgyzstan>.

9 URL: <https://cabar.asia/ru/>.

10 URL: www.eurasianet.org.

11 Central Asia Media Program by USAID, available at URL: <https://www.usaid.gov/central-asia-regional/fact-sheets/central-asia-media-program>.

12 Пресс-релиз Представительства Европейского союза в Республике Казахстан «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для усиления партнерства», 15 мая 2019 года.

государственной политики, направленной «на развитие безопасного информационного пространства, защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия». В этих целях намечено решение 16 стержневых задач. Непосредственное отношение к рассматриваемой теме имеют, как представляется, 5 из этих задач:

- «формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования»;
- «развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз»;
- «предотвращение деструктивного информационно-технологического воздействия на российские информационные ресурсы»;
- «повышение защищенности и устойчивости функционирования единой сети «Интернет», иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также недопущение иностранного контроля за их функционированием»¹³;
- «совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантового вычисления».

По всей вероятности, масштабность и практическая направленность этих задач могут заинтересовать наших партнеров из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, поскольку коммуникационные режимы в этих странах, судя по всему, имеют те же болевые точки и проблемы, что и коммуникационный режим в Российской Федерации, и точно также испытывают потребность в противостоянии негативному воздействию, осуществляемому через глобальное информационное пространство.

Выводы

Успешное решение указанных задач будет способствовать более результативному противодействию угрозам национальной безопасности России, в том числе на фронте внешней информационно-

психологической интервенции. И все же, поскольку сегодня не просматриваются перспективы свертывания перманентных антироссийских и русофобских кампаний со стороны наших недоброжелателей, а скорее наоборот, имеется немало свидетельств их наращивания и изощренности исполнения, назрела потребность в создании самодостаточной, эффективной комплексной системы блокировки и нейтрализации наплыва и широкого распространения в российском информационном пространстве вредоносных информационно-пропагандистских материалов. Конечно, разработка такой системы и механизма ее реализации в условиях демократического государства – чрезвычайно сложная и деликатная задача, требующая соответствующей политической, юридической, технической и технологической проработки, а также научного обеспечения и финансового сопровождения. Кстати, в настоящее время во многих государствах наметилась тенденция секьюритизации государственных коммуникационных режимов (Комлева 2021).

Практическая значимость

Выскажу некоторые соображения общего порядка по существу проблемы, структуре, сущности и содержанию такой системы, не затрагивая техническую и технологическую стороны ее решения. Могут представлять интерес следующие направления исследований:

- установление информационно-коммуникационных структур и объединений (субъекты коммуникаций), действующих за рубежом и на территории России в ущерб национальным интересам нашей страны и дружественных нам государств;
- определение видов, существенных признаков и особенностей, форм и методов, технических и технологических характеристик, масштаба деятельности и географии воздействия коммуникационных инструментов, используемых для деструктивной информационно-психологической обработки населения Российской Федерации и дружественных нам государств;
- выявление механизмов формирования и поддержания недружественных России и ее союзникам звеньев государственных коммуникационных режимов, установление их организаторов, спонсоров, покровителей и активных исполнителей враждебных информационно-психологических акций;
- разработка и внедрение технологии постоянного текущего мониторинга информационных потоков в коммуникационном

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

пространстве Российской Федерации с целью выявления опасных для национальных интересов страны материалов и их онлайн-нейтрализации;

- снижение уязвимости виртуальных аудиторий от негативного воздействия враждебной пропаганды идентификация политических, экономических, военных, социальных, культурных и иных объектов (областей) внутри страны, которые представляют повышенный интерес для наших недоброжелателей в плане информационно-психологической обработки; оценка вероятной степени негативного влияния на коллективы объектов; установление возможности принятия управленческих решений руководством этих объектов под внешним воздействием;

- продолжение работы по созданию мирового коммуникационного порядка на базе формирования международной правовой основы рационального цивилизованного регулирования страновых коммуникационных режимов на глобальном и региональном уровнях в интересах развития международных отношений и поддержания системы равной безопасности для всех государств мирового сообщества в соответствии с концепцией свободного обмена информацией и доступа к ней, а также с целью создания условий для сотрудничества между правоохранительными органами стран в борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, неконтролируемой миграцией, трансграничной преступностью, киберпреступлениями и коррупцией;

- организация системной работы по специализированной профессиональной подготовке и повышению квалификации кадрового состава, действующего в информационно-коммуникационной сфере, как в направлении приобретения знаний, компетенций и навыков для популяризации положительного облика нашей страны, продвижения ее национальных интересов на мировой арене, так и для осуществления эффективных технических, технологических и информационных нейтрализующих мероприятий в отношении враждебной пропаганды, циркулирующей в информационном пространстве Российской Федерации.

Представленные предложения не претендуют на всеобъемлющий характер, но, возможно, дадут определенные импульсы для более глубоких научных разработок рассматриваемой многогранной проблемы.

Источники

- Адамова, М.А., Манкиева, А.В., Сергеев, С.И., Шабанова, Е.А. (2019), "Актуальные аспекты использования террористическими и экстремистскими организациями интернет-технологий" [Current aspects of the use of Internet technologies by terrorist and extremist organizations]// *Этносоциум и межнациональная культура*, № 2 (128), сс. 63-67.
- Бабаджанов, А.А. (2014), Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств. Проблема сочетаемости национальных подходов [Military-political cooperation of post-Soviet states. The problem of compatibility of national approaches]. М.: Аспект Пресс.
- Белоглазов А.В. (2011), Формирование политики России в Центральной Азии [Shaping Russia's Policy in Central Asia]. Казань: Издательство Казанского университета.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2021), "Дружественность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка" [Friendliness of insurance communication modes: interpretation and evaluation]. *Международная жизнь*, № 8, сс. 68-77.
- Жаворонкова, Т.В. (2015), "Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями" [The use of the Internet by terrorist and extremist organizations]// *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 3 (178), сс. 30-36.
- Ибрагимов, Г.Р. (2013), "Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности" [Approaches of the Central Asian States to the issues of Internet governance and information security]// *Индекс безопасности*, № 1(104), сс. 103-128.
- Косоруков, А.А. (2013), "Новые медиа как инструмент политической трансформации в современном мире" [New media as a tool of political transformation in the modern world]// *Международные отношения*, № 3, сс. 318-322.
- Комлева, В.В. (2021), "Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен" [Country communication regime as a socio-political phenomenon]// *Россия и мир: научный диалог*, № 1, сс. 13-26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26.
- Лавров, С.В. (2020), "Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью" [Global Cybersecurity issues and Russia's international initiatives to combat cybercrime]// *Внешнеэкономические связи*, № 38.
- Мельникова, О.А. (2021), Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность [Manipulation of public opinion and global cybersecurity]. М.: Гнозис.
- Панарин, И.Н. (2017), "Об информационной составляющей ОДКБ" [About the information component of the CSTO], Стратегия мягкой силы в контексте информационных войн: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М.: Моск. гос. лингв. ун-т., сс. 230-236.
- Рустамова, Л.Р., Бахриев Б.Х. (2020), "Особенности публичной дипломатии Европейского Союза в Центральной Азии" [Features of public diplomacy of the European Union in Central Asia]// *Полития*, № 3 (98), сс. 165-180.
- Смирнов, А.И. (2018), "Новейшие киберстратегии США – преамбула войны?" [The latest US cyber strategies – the preamble of the war?]// *Международные процессы*, № 4, сс. 181-192.
- Сурма, И.В. (2021), "Информационная экспансия Запада в странах Центральной Азии" [Information expansion of the West in Central Asian countries]// *Вопросы политологии*, № 1 (65), сс. 84-96.
- Alguliyev, R.M., Imamverdiyev, Y.N., Mahmudov, R.Sh., Aliguliyev, R.M. (2020), Information security as a national security component, *Information Security Journal: A Global Perspective*, DOI: 10.1080/19393555.2020.1795323.
- Allison, R. (2004), Strategic reassertion in Russia's Central Asia policy. *International Affairs*. L. Vol. 80, 2 (277-293).
- Beloglazov, A.V. (2015), Russia's Policy on Providing Security in Central Asia at the Beginning of the XXI Century *Mediterranean Journal of Social Sciences*?, Vol. 6, No. 3, p. 2.
- Betz, D. (2012), "Cyberpower in Strategic Affairs: Neither Unthinkable nor Blessed", *Journal of Strategic Studies*, 35(5), pp. 689-711. DOI: 10.1080/01402390.2012.706970.
- Czaja, Stephan. Criticism of Influencer Marketing: Disadvantages of Hypes – WDR (German TV) Social Media One. Marketing Agency & Speaker (4 April 2018). <https://socialmediaagency.one/criticism-influencer-marketing-disadvantages-hypes/>.
- Kello, L. (2013), "The Meaning of the Cyber Revolution: Perils to Theory and Statecraft", *International Security*, 38(2), pp. 7-40. DOI: 10.1162/ISEC_a_00138.
- Hopkirk, P. (2006), The Great Game on Secret Service in High Asia. L. John Murray: 592.
- Shibaev, D., Uibo, N. (2016), "State Policy Against Information War", *Russian Law Journal*, № 4 (3), pp. 136-156. DOI: 10.17589/2309-8678-2016-4-3-136-156.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-80-95

Communication regimes of the Central Asian states in the context of the national security interests of the Russian Federation

Nikolai P. Gribin

Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Abstract: The article reveals the content of the destructive influence of Western countries on the communication regimes and information space of the friendly Central Asian states, which poses a threat to their national security and contradicts the national interests of the Russian Federation. The importance of joint efforts with the states of the Central Asian region, including those in the format of the SCO and CSTO regional organizations, to ensure information security and a positive impact on the communication regimes of this region is noted. Attention is drawn to the role of national mass media in the arsenal of tools for influencing the minds and psychology of the population of Central Asian countries and in this regard gives a description of Western information structures that exercise such influence, the mechanisms of their functioning and the way to neutralize their activities. The dynamism of the matter under study and its subjection to changes in the balance of power in the international arena are noted. The role of the state in ensuring information security and protecting citizens from distorted information and communication influence is analyzed separately. The paper suggests considerations regarding the organization of a systematic counteraction to the destructive actions of individual states in the information field of countries in Central Asia, in particular, it suggests the need to create a comprehensive system, together with the Russian Federation, to block and neutralize malicious information and propaganda materials, and also a proposal regarding the creation of a global communication order based on the formation of an international legal framework for rational civilized regulation of country communication regimes at the global and regional levels.

Keywords: country communication regimes, insurance methods of communication, informational and psychological impact, information space, national security, virtual audience.

About author: GRIBIN Nikolai P. Dr. Sci. (Legal). Professor of the Moscow State Institute of International Relations. University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia. ORCID: 0000-0001-9141-445X. Address: 76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russian Federation, 119454, n.gordin40@gmail.com.

References

Adamova, M.A., Mankieva, A.V., Sergeev, S.I., Shabanova, E.A. (2019), Current aspects of the use of Internet technologies by terrorist and extremist organizations [Aktual'nye aspekty ispol'zovaniya terroristichestskimi i ekstremistskimi organizatsiyami internet-tekhnologii], *Ethnosocium and interethnic culture*, 2 (128), pp. 63-67 (in Russian).

- Alguliyev, R.M., Imamverdiyev, Y.N., Mahmudov, R.Sh. (2020), Information security as a national security component, *Information Security Journal: A Global Perspective*, DOI: 10.1080/19393555.2020.1795323.
- Allison R. (2004), Strategic reassertion in Russia's Central Asia policy. *International Affairs*. L. Vol. 80, 2 (277-293).
- Babadzhanov, A. Ya. (2014), Military-political cooperation of post-Soviet states. The problem of compatibility of national approaches [Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo postsovetikh gosudarstv. Problema sochetaemosti nacional'nyh podhodov], Aspect Press, Moscow (in Russian).
- Beloglazov, A.V. (2011), Formation of Russia's Policy in Central Asia [Formirovaniye politiki Rossii v Central'noy Azii], Kazan University Kazan (in Russian).
- Beloglazov A.V. (2015). Russia's Policy on Providing Security in Central Asia at the Beginning of the XXI Century *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, No. 3, p. 2.
- Betz, D. (2012), Cyberpower in Strategic Affairs: Neither Unthinkable nor Blessed, *Journal of Strategic Studies*, 35(5), pp. 689-711. DOI: 10.1080/01402390.2012.706970.
- Czaja Stephan. Criticism of Influencer Marketing: Disadvantages of Hypes - WDR (German TV) Social Media One. Marketing Agency & Speaker (4 April 2018). Available at: <https://socialmediaagency.one/criticism-influencer-marketing-disadvantages-hypes/>.
- Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2021), «Friendliness of country communication modes: interpretation and evaluation», *International life* [Druzhestvennost' stranovykh kommunikatsionnykh rezhimov: interpretatsiya i ochenka, *Mezhdunarodnaya zhizn'*], № 8, pp. 68-77 (in Russian).
- Hopkirk P. (2006), The Great Game on Secret Service in High Asia. L. John Murray: 592.
- Ibragimova, G.R. (2013), «Approaches of the Central Asian States to the issues of Internet governance and information security» [Podhody gosudarstv Central'noy Azii k voprosam upravleniya internetom i obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti], *Security Index*, №1(104), pp. 103-128 (in Russian).
- Kello, L. (2013), «The Meaning of the Cyber Revolution: Perils to Theory and Statecraft», *International Security*, 38(2), pp. 7-40. DOI: 10.1162/ISEC_a_00138.
- Komleva, V.V. (2021), «Country communication regime as a socio-political phenomenon», *Russia and the World: Scientific dialogue* [Stranovoy kommunikatsionnyy rezhim kak social'no-politicheskij fenomen, Rossiya i mir: nauchnyy dialog], № 1, pp. 13-26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26 (in Russian).
- Kosorukov, A.A. (2013), «New media as a tool of political transformation in the modern world», *International relation* [Novye media kak instrument politicheskoy transformatsii v sovremennom mire, *Mezhdunarodnye otnosheniya*], № 3, pp. 318-322 (in Russian).
- Lavrov, S.V. (2020), «Global Cybersecurity issues and Russia's International initiatives to combat cybercrime», *Foreign Economic Relations* [Global'nye problemy kiberbezopasnosti i mezhdunarodnye iniciativy Rossii po bor'be s kiberprestupnost'yu, *Vneshneekonomicheskie svyazi*] (in Russian).
- Melnikova, O.A. (2021), Manipulation of public opinion and global cybersecurity [Manipulyatsiya obshchestvennym mneniem i global'naya kiberbezopasnost']. Moscow: Gnosis, 204 p. (in Russian).
- Panarin, I.N. (2017), About the information component of the CSTO [Ob informatsionnoy sostavlyayushchej ODKB], *Soft power strategy in the context of information wars: collection of materials of the International Scientific and Practical Conf. M.: MSLU*, pp. 230-236.
- Rustamova, L.R., Bakhriev B.H. (2020), Features of public diplomacy of the European Union in Central Asia [Osobennosti publichnoy diplomatii Evropejskogo Soyuza v Central'noy Azii], *Politiya*, No. 3(98), pp. 165-180 (in Russian).
- Shibaev D., Uibo N. (2016), State Policy Against Information War, *Russian Law Journal*, № 4 (3), pp. 136-156. DOI: 10.17589/2309-8678-2016-4-3-136-156.
- Smirnov, A.I. (2018), The latest US cyber strategies - the preamble of war? *International Processes* [Novejshie kiberstrategii SSHA - preambula vojny? *Mezhdunarodnye processy*], № 4, pp. 181-192 (in Russian).
- Surma, I.V. (2021), Information expansion of the West in Central Asian countries, *Questions of Political Science* [Informatsionnaya ekspansiya Zapada v stranah Central'noy Azii, *Voprosy politologii*], № 1(65), pp. 84-96 (in Russian).
- Zhavoronkova, T.V. (2015), «The use of the Internet by terrorist and extremist organizations» [Ispol'zovanie seti Internet terroristichestskimi i ekstremistskimi organizatsiyami. *Bulletin of Orenburg State University*, № 3(178), pp. 30-36.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-96-137

УДК: 316.286

Коммуникационные режимы в странах Центральной Азии: научная дискуссия

Бегалинова К.К.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Грибин Н.П.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия)

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Котюкова Т.В.

Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Назаров Р.Р.

Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Ташкент, Узбекистан)

Оспанова А.Н.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Панов В.С.

Представительство МИА «Россия сегодня» в Республике Казахстан (Нур-Султан, Казахстан)

Смолик Н.Г.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Тургунбаева А.С.

Дипломатическая академия МИД Киргизской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

Череменина Е.Г.

Информационного агентства и радио Sputnik Кыргызстан (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: Статья содержит основные идеи, высказанные российскими и зарубежными участниками международной научной дискуссии на тему: «Коммуникационные режимы стран Центральной Азии». Дискуссию провел Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Исследования коммуникационных режимов, проведенные НИИРК на основе авторской методики, выявили: (1) асимметричность акторных моделей коммуникационных режимов стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан); (2) выраженный этатизм и политику государственного регулирования и контроля процессов и структур общественной коммуникации; (3) особенности социальной инженерии коммуникационных режимов, основанной на секьюритизации вопросов этнокультурной и национальной идентичности; (4) попытки обновления коммуникационных режимов, пока не имеющих серьезных успехов. В ходе дискуссий ученые из стран Центральной Азии предложили исследования и отметили: роль культурного и религиозного фактора в формировании коммуникационных режимов; влияние финансовой основы массмедиа на их структуру и медийный дискурс; частые заимствования контента из зарубежных информационных каналов. Российские эксперты отметили: искусственно акцентированную проблематику «исторической травмы» в информационном пространстве стран Центральной Азии; изменения форматов коммуникации в условиях COVID-19; важность изучения коммуникационных режимов в контексте обеспечения коллективной информационной безопасности, необходимость выработки общих для России и стран Центральной Азии терминов и понятий при формировании законодательства в отношении коммуникации и информации.

Ключевые слова: коммуникационный режим, Центральная Азия, информационная безопасность, информационная политика, медийное пространство, массмедиа, политическая коммуникация, историческая травма, религиозный фактор

Об авторах:

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна. Доктор философских наук. Профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. ORCID: 0000-0001-5575-5142. Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, проспект Аль-Фараби, 71, kalima910@mail.ru.

ГРИБИН Николай Петрович. Доктор юридических наук. Профессор. Ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. Адрес: 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76, n.gordin40@gmail.com.

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; Заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1, komleva@nicrus.ru.

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна. Кандидат исторических наук. Заведующая сектором Истории Центральной Азии 19–20 вв. Института всеобщей истории РАН; Старший научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; Руководитель Центра изучения Центральной Азии Московского исламского института. ORCID: 0000-0001-5741-7905. Адрес: 119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, kotyukovat@mail.ru.

НАЗАРОВ Равшан Ринатович. Кандидат философских наук. Доцент кафедры иностранных языков и гуманитарных дисциплин Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; Почетный профессор Шэньсийского педагогического университета (Сиань, Шэньси, Китай); Эксперт Международного института Центральной Азии. ORCID: 0000-0003-3773-9442. Адрес: 100164, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Шахрибод, 3, Shon2002@yandex.ru.

ОСПАНОВА Айгерим Нуралиевна. Доктор (PhD). Ассоциированный профессор. Заведующая кафедрой регионоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. ORCID: 0000-0003-0985-1883. Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, улица Каныша Сатпаева, 2, ospanova@mail.ru.

ПАНОВ Виктор Сергеевич. Руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Республике Казахстан. Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, office@ria.ru.

СМОЛИК Надежда Григорьевна. Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. ORCID: 0000-0001-9166-2138. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10а, smolik-ng@rudn.ru.

ТУРГУНБАЕВА Айгерим Стамбековна. Преподаватель кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Киргизской Республики. ORCID: 0000-0001-5734-7505. Адрес: Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Армейская, 10, turgunbaeva.aigi@gmail.com.

ЧЕРЕМЕНИНА Елена Геннадиевна. Руководитель Информационного агентства и радио Sputnik Кыргызстан. Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, media@sputniknews.com.

Результаты исследования

О методах и результатах научного исследования коммуникационных режимов в странах Центральной Азии (Комлева В.В.)

Деятельность Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК) направлена на развитие диалога, доверия и поиск механизмов формирования добрососедских отношений и дружественности коммуникационных режимов стран. В 2020–2021 годах было проведено исследование коммуникационных режимов в странах постсоветского пространства, в том числе и в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане. Результаты исследования мы выносим на публичное обсуждение научным и экспертным сообществом с целью их верификации и создания транснациональной научной площадки исследователей. Нам важно услышать мнение о результатах нашего исследования, узнать об исследованиях наших зарубежных и российских коллег по смежным темам, разработать общие методологические подходы к исследованиям и усилить наш анализ вашими материалами и публикациями.

Что такое коммуникационные режимы?

Основные методологические позиции, научные интерпретации коммуникационного режима, анализ его сущности и системной роли изложены нами в ряде публикаций (Комлева 2021). Основные выводы по результатам исследования в странах Центральной Азии и некоторые предложения по дальнейшим исследованиям представлены в научном докладе, размещенном в открытом доступе на сайте НИИРК¹.

Коммуникационный режим (лат. *regimen* – «управление», «командование», «руководство») определяется нами как «управляемая (с разной степенью управляемости) совокупность взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе» (Комлева, 2021, с. 14). Социальная сущность коммуникационного режима выражается в упорядочивании коммуникации и информации,

¹ Коммуникационные режимы стран Центральной Азии: научный доклад Национального исследовательского института развития коммуникаций. М., 2021. URL: <https://nicrus.ru/analitics>.

создании социального порядка и недопущения хаоса, а политическая сущность заключается в обеспечении воспроизводства действующей власти. В совокупности упорядочивание и воспроизводство позволяют системе самосохраняться. Как общественно-политические явления коммуникационные режимы тесно связаны с политическими режимами и принятыми законами. Как социокультурные – с религиями, культурными кодами, менталитетом, ценностями общества. Как социальные явления режимы рассматриваются нами с точки зрения теории сложных систем, и мы изучаем их роль в устойчивом развитии страны, в упорядочивании отношений, в обеспечении стабильности.

Нас интересовал ответ на вопрос: кто и как формирует коммуникационные режимы, как он конструируется в разных странах? В ходе исследований мы пришли к выводу, что коммуникационные режимы конструируются с помощью: (1) институционализации представлений субъектов власти об идеальной модели организации информационно-коммуникационных процессов в обществе; (2) консолидации значимых социальных и политических акторов относительно исторически сложившихся норм и традиций коммуникации; (3) учета интересов больших и значимых социальных групп; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам.

Правила, лежащие в основе коммуникационных режимов, могут сознательно формироваться институтами власти и закрепляться в нормативных правовых документах, а могут быть результатом естественного отбора лучших практик коммуникации, возникших в ходе эволюции конкретного сообщества. В этом случае правила коммуникационного режима закрепляются в виде ценностей, традиций, обычаев, стереотипов. Кроме того, практики коммуникации формируются под влиянием внешней среды, особенно в открытых коммуникационных системах. Страновые информационные пространства включены в более широкие информационные пространства (межстрановые, региональные, мировое). Встречаются случаи, когда центры принятия решений относительно правил коммуникации находятся не внутри страны, а за ее пределами (это приводит к формированию зависимых коммуникационных режимов). В ряде стран большую роль в формировании неформальных норм и правил коммуникации играют религиозные институты. В частности, это касается и стран Центральной Азии.

Обобщая вышесказанное, мы используем понятие «страновой коммуникационный режим» (а не «государственный»), подчеркивая роль социокультурных факторов, гражданских институтов и каналов коммуникации.

Роль коммуникационных режимов заключается в том, что они (1) позволяют упорядочить социальные взаимодействия и установить обратные связи; (2) обеспечивают социальное и политическое воспроизводство и стабильность; (3) с помощью гибкого изменения правил и норм коммуникационных режимов общественные системы приспосабливаются к изменяющейся реальности; (4) используются для обеспечения безопасности (в первую очередь информационной) и сохранения суверенитета.

При разработке методики исследования мы исходили из того, что имманентными свойствами коммуникационных режимов являются информация и коммуникация. Поэтому исследование было направлено на анализ и систематизацию информации о правилах, нормах, содержании, структуре коммуникаций и информации. Методика исследования коммуникационных режимов визуализирована в Таблице 1.

Таблица 1

Методика исследования страновых коммуникационных режимов
Research methods of the countries communication regimes

Эмпирическая база	Методы исследования	Решаемые задачи
Нормативные правовые документы (законы и решения, принятые государственной властью)	Анализ документов Анализ институтов, обеспечивающих выполнение этих норм и правил	Выявить правила коммуникации и санкции за их нарушение
Практики исполнения законов и решений	Анализ кейсов методом сопоставления действий и формализованных в документах норм и правил	Выявить отклонения от формализованных норм и правил
Социокультурные неформальные практики	Ивент-анализ Интервью экспертов	Выявить традиции, обычаи, стереотипы, регулирующие коммуникации
Выступления руководителей государств	Дискурс-анализ	Выявить ценности, идеологию, нарративы коммуникационных режимов. Понять аргументы решений и действий центров управления

Исследование в странах Центральной Азии было направлено на проверку ряда рабочих гипотез, касающихся институционализации и управляемости страновых коммуникационных режимов.

Гипотеза 1. Предположительно коммуникационные режимы являются одним из условий достижения социального порядка, а системная роль коммуникационных режимов заключается в упорядочивании коммуникаций и информации.

Исследование на примере стран Центральной Азии показало, что, действительно, возникновение коммуникационных режимов

обусловлено необходимостью создания общеобязательных и желательно общепринятых принципов, без которых сложно упорядочивать и координировать отношения в общественной системе. Субъекты коммуникационных режимов (в странах Центральной Азии это субъекты государственной власти) институционализируют правила, структурируют и нормируют каналы коммуникации, содержание коммуникации, участников коммуникации с целью обеспечения социального порядка.

Гипотеза 2. Управление коммуникационным режимом рассматривается нами как процесс, а управляемость – как атрибутивная качественная характеристика коммуникационного режима. Управляемость является мерой контроля со стороны управляющего центра в отношении объектов управления и добровольного согласия объектов управления со степенью своей подчиненности и автономности. Предположительно управляемость достигается тогда, когда общество добровольно интериоризирует, согласует и признает институционализированные практики, структуры, формы, инструменты, степень контроля коммуникаций и санкции за отклонения от установленных норм.

На примере стран ЦА эта гипотеза подтвердилась. Анализ страновых коммуникационных режимов показывает, что их отличительной особенностью является высокий уровень их управляемости. Такая управляемость в ЦА достигается за счет особого механизма социального контроля акторов коммуникации. В основе этого механизма лежат некоторые специфические явления (клановость, этатизм, этнические и культурные идентификации, патернализм и др.), имеющие следствием ожидаемое поведение большинства граждан, взаимоконтроль в социальных группах и априорный консенсус большей части общества в отношении норм, правил и принципов коммуникации, устанавливаемых властью. В меньшей степени на управляемость коммуникационных режимов стран ЦА влияют механизмы самоорганизации, саморефлексии власти, обратной связи и адаптации.

Гипотеза 3. Критериями управляемости коммуникационных режимов являются: возможность бесконфликтного перевода системы коммуникаций из одного состояния в другое; способность субъектов управления достигать контролируемых параметров коммуникационного режима; добровольное согласие подавляющего большинства населения с мерой их подчиненности власти и мерой контроля коммуникации и информации; способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления.

Несмотря на изначально определенный нами высокий уровень управляемости коммуникационных режимов в странах ЦА, анализ режимов по указным критериям обнаружил ряд латентных противоречий. Во-первых, ни в одной стране у власти не получается бесконфликтно перевести систему коммуникаций из одного состояния в другое (такая попытка сейчас наблюдается в Узбекистане, где заявлены новая роль и новые правила для СМИ и НКО). Даже небольшие изменения, с которыми не согласны граждане, вызывают социальные возмущения (в реальной или виртуальной среде, открытые или скрытые, в больших или в малых группах, но они имеют место быть). Как, например, это происходило в Казахстане при вводе новых правил в отношении иностранных НКО. Во-вторых, не все коммуникационные режимы могут принять механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления как самостоятельные механизмы развития коммуникационных режимов. Но, понимая потенциал этих механизмов, в ряде стран субъекты управления вовлекают самоорганизованных участников в ассоциации под патронатом государственной власти. И в итоге в рассматриваемых странах субъекты управления способны достигать контролируемых параметров коммуникационного режима и добиваться его воспроизводства на основе согласия большинства населения с той мерой их подчиненности и с той мерой контроля за коммуникациями и информацией, которые устанавливает власть.

Гипотеза 4. Вероятно, что для управляемости коммуникационных режимов усилия их субъектов должны быть направлены не только на упорядочивание, контроль и достижение реализации решений, но и на достижение солидарности и согласованности всех участников коммуникации. Это предположение подтвердилось. В ряде стран Центральной Азии тема солидарности и общественного согласия является доминирующей в общественно-политическом дискурсе.

Гипотеза 5. Мы предполагали, что в условиях высокого общественного запроса на сетевые горизонтальные отношения власти и общества для современных коммуникационных режимов характерны субъект-субъектные отношения. В странах ЦА мы обнаружили лишь зачатки общественного запроса на сетевые горизонтальные отношения с властью и выявили классические субъект-объектные отношения акторов коммуникации. Акторные модели всех рассмотренных стран асимметричны, наблюдается регуляторное и институциональное доминирование субъектов власти, совмещенное с патернализмом в отношении иных акторов коммуникационных режимов. Наибольшее доминирование властных акторов наблюдается в Туркменистане, наименьшее (по сравнению с другими странами ЦА) – в Кыргызстане.

Основные результаты исследования

Акторные модели коммуникационных режимов всех изученных стран Центральной Азии асимметричны (с разной степенью асимметричности), в числе влиятельных акторов преобладают участники, аффилированные с государственной властью. Гражданские институты и СМИ берутся под патронат власти, которая, в свою очередь, берет на себя обязательства по созданию условий для их развития. Акторы, не связанные с государством, не играют существенной роли в формировании правил и норм коммуникации и содержания информации. С точки зрения управляемости коммуникационных режимов практика, сложившаяся в странах ЦА, до определенного момента позволяет упорядочивать коммуникации и сохранять социальную стабильность. Вместе с тем мы знаем, что законы социальной жизни таковы, что система может сама провоцировать дестабилизацию, когда уменьшаются ее способности к адаптации. Это происходит в условиях недостаточности ее внутреннего разнообразия при одновременном росте открытости и прозрачности систем. Поэтому попытки ряда стран изменить правила коммуникации, поддержать или самим создать новых акторов коммуникации – это попытки адаптации к изменяющейся реальности.

Сложность ситуации в странах ЦА в том, что при снижении контроля власти появляющиеся ниши, скорее всего, займут не независимые акторы, а акторы, зависящие от внешних центров принятия решения, желающих оказать влияние на ситуацию внутри страны.

В ряде стран (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан) отмечаются попытки обновления коммуникационных режимов. Исходя из видения «идеальной» модели коммуникации (связанной с образом будущего страны и представлениями центров принятия решений о роли государства и институтов гражданского общества в достижении этого будущего) юридически закрепляются новые принципы и правила, новые роли участников коммуникации. Вместе с тем анализ общественно-политического дискурса показывает, что для легитимизации новых регуляторов и новых ролей властные институты обращаются к традициям и апеллируют к традиционным ценностям.

Социальная инженерия и воспроизводство коммуникационных режимов:

- социальная инженерия коммуникационных режимов во многом основана на секьюритизации вопросов идентичности, языка, независимости, референтных сфер жизни;

- наблюдается выраженный этатизм с характерной для него политикой государственного регулирования и контроля процессов и структур общественной коммуникации;

- управляющие центры апеллируют к темам общественного согласия, межэтнического и межконфессионального диалога, укрепления ценностных ориентиров и духовных основ, консолидации общества, укрепления национальной идентичности, развития национальных языков (при этом не во всех рассматриваемых странах подчеркивается значимость русского языка);

- для поддержки коммуникационных режимов запускаются механизмы идентификации: сохранение исторического наследия, вклад народов в мировую цивилизацию и мировую культуру, национальный язык. Руководство стран в своих обращениях апеллирует к национальным традициям, обычаям, особенностям национального характера.

Современные коммуникационные режимы стран Центральной Азии институционализируются не только правовыми актами. Продолжают воспроизводиться неформальные регуляторы общественной и политической коммуникации. Эти регуляторы, как правило, находятся в «слепой» зоне режимов. В этой зоне были выявлены такие явления, как клановость и характерный для нее механизм особого социального контроля, в котором происходит взаимный контроль всех участников за счет неформальных отношений и правил, роли лидеров клана, старейшин.

За пределами нашего исследования на данном этапе остались бизнес-акторы, чье влияние, несомненно, имеется в ряде рассматриваемых стран и будет проанализировано нами в дальнейших исследованиях. Также мы обратимся к анализу роли и технологий участия в организации страновых коммуникаций внешних акторов, находящихся за пределами исследуемых стран. Детальный анализ стран представлен в нашем отчете, с которым участники дискуссии могли познакомиться заранее и подготовить свои выступления.

Правовое регулирование сети Интернет на постсоветском пространстве (Смолик Н.Г.)

Сеть Интернет представляет собой практически полностью саморегулируемую среду, в которой пользователи следуют случайно сложившимся нормам поведения, некоего «сетевому» этикету: нормы морали, этики, обычаев, традиций входят в основу саморегулирования интернет-отношений. Однако на настоящем этапе возникает

необходимость найти меру правового регулирования. За последнее десятилетие в регионе СНГ наблюдается неуклонное развитие инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и внедрение телекоммуникационных услуг. Необходимо определить необходимость специальных законов, регулирующих отношения в Интернете.

Исходя из опыта твиттер-революции в Молдавии в 2009 году, событий «Арабской весны» в 2011 году, протестных акций в Египте, Евромайдана на Украине и протестов в Белоруссии, использующих активно ИКТ и социальные сети для реализации целей оппозиций, имеет смысл говорить об острой необходимости регулирования сети Интернет без допущения нарушений конституционных прав граждан.

Регулирование сети Интернет нужно как минимум, чтобы предотвращать террористические угрозы, преступные действия, наносящие угрозу государству, личности и обществу, блокировать и пресекать пропаганду насилия, войны, жестокости, экстремистской деятельности, потребления и использования наркотических и психотропных веществ, порнографию.

Существует разный опыт регулирования сети на постсоветском пространстве.

Азербайджан все больше зависит от информационно-коммуникационных технологий, но нормативно-правовая база в области телекоммуникаций остается недостаточно развитой. С точки зрения регулирования Интернет рассматривается как СМИ и включен в перечень телекоммуникационных услуг, регулируемых Законом о телекоммуникациях. Баку обеспечен неофициальным и не поддающимся учету механизмом осуществления контроля над сектором ИКТ. Министерство транспорта, связи и высоких технологий в Азербайджане обладает значительной властью, позволяющей ограничивать, модифицировать и осуществлять мониторинг Интернета в стране, не уведомляя абонентов.

В Армении главным отраслевым законом, который регулирует сферу телекоммуникаций, является Закон «Об электронной коммуникации». В Армении не существует специальных правовых норм, которые бы регламентировали порядок ограничения доступа к тем или иным информационным ресурсам, доступным пользователям Интернета. Блокировка доступа осуществляется на основании решения суда.

В Республике Беларусь предусмотрено ограничение доступа к интернет-ресурсам с незаконным или нежелательным контентом. Блокироваться могут не только интернет-ресурсы белорусского

сегмента Интернета, но находящиеся за его пределами. Блокирование тех или иных сайтов осуществляется без санкции суда на основании «черного списка», рассылаемого интернет-провайдерам, и без уведомления о включении в этот список. 16 марта 2021 года А. Лукашенко заявил, что в Беларуси планируется создание единого госоргана по регулированию Интернета и IT-направления.

В Казахстане целенаправленно осуществляется правовое регулирование национального интернет-пространства. С 2001 года сайты впервые были приравнены к категории СМИ. Правительство в 2009 году приняло ряд нормативных правовых актов о регулировании интернет-пространства, изменяющих природу правовых отношений всех субъектов в интернет-пространстве, что подтверждает выводы о том, что в государстве взят курс на ограничение свободы массовой информации в сети. Опыт Казахстана заключается в контроле своего сегмента Интернета через контроль над сотовыми операторами, так как большинство пользователей задействуют мобильные устройства для выхода в сеть.

В Молдове законодательные рамки связаны с европейским законодательством. Закон назначает Национальное агентство Молдовы по регулированию в области электронных коммуникаций и информационных технологий регулирующим органом в сфере телекоммуникаций Молдовы. Агентство наделено автономией в секторе ИКТ. Провайдеры интернет-услуг осуществляют свою деятельность сразу после уведомления Агентства. Закон о прессе не регулирует деятельность онлайн-СМИ, блоги и сайты традиционных СМИ, и в Молдове нет специального закона об информации, в отличие от других постсоветских государств.

Нормативно-правовая система в Узбекистане тесно связана с исполнительной ветвью власти. Частные сервис-провайдеры, интернет-кафе и мобильные операторы, поставщики телекоммуникационных услуг должны получать лицензии для осуществления деятельности, регистрируясь как юридические лица, что повышает контроль над отраслью. Администраторы сайтов обязаны вставать на учет в госорганах и подавать копии опубликованных материалов, а с 2010 года – предоставлять данные по сотрудникам сайтов и копии их статей. Все операторы сетей и провайдеры Интернета имеют право выхода в международные сети исключительно через Национальную сеть передачи данных. Все соцсети и мировые интернет-компании в обязательном порядке должны обрабатывать персональные данные граждан Узбекистана, расположенных на территории страны, только при условии, что все необходимое оборудование будет храниться на территории РУ.

Важным законом Украины, устанавливающим правовую основу деятельности в сфере телекоммуникаций, является Закон Украины «О телекоммуникациях». Услуги по предоставлению доступа в Интернет операторами, провайдерами телекоммуникаций в Украине не лицензируются и предоставляются на основании письменного договора с абонентом. НКРСИ 27 января 2018 года утвердила законопроект Национальной полиции Украины, который позволяет блокировать сайты на срок от трех месяцев до трех лет по решению суда, а также без судебного постановления – «если нужно предотвратить тяжкие преступления». Закон о блокировании запрещенных интернет-сайтов обязует международных интернет-провайдеров установить специальное оборудование. Подобные «черные ящики» предусмотрены для блокировки доменных имен и соответствующих IP-адресов сайтов из санкционного списка. В 2021 году подписан указ о создании Центра противодействия дезинформации, объединяющий все государственные учреждения, которые имеют отношение к борьбе с дезинформацией, в том числе специальные органы, органы разведки, национальной безопасности. Создан Центр стратегических коммуникаций и информационной безопасности для повышения «стойкости общества к гибридному информационному влиянию». Принята «Стратегия информационной безопасности». Документ логически продолжает политику, которую официальный Киев принял на вооружение в последнее время: закрытие СМИ, блокирование информации в Интернете. В случае военного положения военные администрации имеют право запрещать передачу информации через компьютерные сети. Как видно, на Украине система, обеспечивающая контроль над информационным пространством, информационными ресурсами выстроена серьезно.

Киргизская Республика. В Кыргызстане интернет-сайт не является средством массовой информации. В течение 2011 года парламент Кыргызстана принимал документы, которые законодательно прописывают возможность применения государством технологии фильтрации сайтов (хотя не указывается механизм). Киргизия присоединилась к Модельному закону «Об основах регулирования Интернета» стран СНГ. 23 августа 2021 года президент С. Жапаров подписал Закон «О защите от недостоверной (ложной) информации». В нем прописывается деанонимизация пользователей Интернета, а также блокировка сайтов без решения суда, если там будет опубликована ложная информация. В ст. 5 Закона говорится, что интернет-провайдер, хостинг-провайдер, владелец сайта или страницы ограничивают или запрещают доступ к ложной информации. Кроме этого, интернет-провайдеры, владельцы пунктов

публичного доступа обязаны «осуществлять идентификацию своих абонентов».

Республика Таджикистан. Основными государственными органами, регулирующими Интернет в Таджикистане, являются Совет безопасности, Совет по ИКТ и МТС. Департамент связи и информатизации МТС является основным регулятором в телекоммуникационной отрасли и уполномочен выдавать лицензии на любую связанную с этим деятельность. Президент остается ключевым органом, который ратифицирует основные правовые документы в сфере ИТ и руководит политикой в области ИКТ в стране. ГК контролирует реализацию Государственной стратегии развития информационных и коммуникационных технологий Республики Таджикистан, направленной на развитие информационного общества и использование потенциала страны в области ИКТ.

Все таджикские интернет-провайдеры работают по лицензии Министерства транспорта и коммуникаций Таджикистана. Интернет-провайдерам разрешено использовать услуги VoIP на основании лицензии на IP-телефонию, хотя министерство внесло поправки, требующие от провайдеров VoIP получения специальной лицензии, предположительно в качестве средства для дальнейшего регулирования сектора Интернет в Таджикистане.

Туркменистан. Граждане Туркменистана относительно недавно получили возможность свободного доступа к Интернету. Во время правления первого президента Туркменистана С. Ниязова частному лицу получить доступ к Интернету было практически невозможно. Обеспечение свободного доступа к Интернету жителей Туркменистана было одним из главных предвыборных обещаний Г. Бердымухамедова, возглавившего страну в феврале 2007 года.

Интернет в стране регулируется законами «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане», «О связи», «Об информации и ее защите» и другими нормативно-правовыми актами Туркменистана в области связи, ими также регулируются отношения между пользователями сети Интернет и поставщиками интернет-услуг.

Закон «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане» был принят в 2014 году. Он устанавливает специальное ограничение доступа детей к информационной продукции, передаваемой через Интернет. К информации, запрещенной к распространению среди детей, относятся материалы, способные вызвать у детей желание употребить наркотики, алкоголь, табачные изделия, отрицающие семейные ценности и формирующие неуважение к родителям, оправдывающие

противоправное поведение, содержащие нецензурную брань, а также информацию порнографического характера.

Власти Туркменистана блокируют доступ к социальным сетям YouTube, Facebook, Twitter, Zoom, PayPal и др., а также выход на многие новостные и оппозиционные сайты. С февраля 2012 года в стране заблокированы и некоторые анонимайзеры, прокси-серверы, с помощью которых наиболее продвинутые пользователи могли посетить заблокированные сайты. Чтобы пользоваться электронной почтой, нужно заключить письменный договор на такую услугу с провайдером с указанием присвоенного гражданину e-mail-адреса. Кроме того, госорганы могут сотрудничать с общественными объединениями, которые занимаются отслеживанием противоправной информации в сети.

9 декабря 2020 года в Туркменистане приказом председателя Агентства «Туркменарагатнашк» утвержден Порядок и условия подключения к Интернету, который определяет порядок и условия подключения к Интернету, в том числе условия защиты информации, доступной в таких сетях, финансирования соответствующих мероприятий, обмена информацией с использованием Интернета.

Таким образом, масштабы влияния Интернета на мировое сообщество заставляют задуматься о том, что именно невозможно без регулирования и контроля. Необходимость создания правовой базы в отношении конкретных областей использования Интернета безусловна, но с учетом ненарушения конституционных прав граждан.

Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31812\21 «Имитационное моделирование распространения социальных норм и ценностей: глобальные коммуникации VS информационный суверенитет РФ» (руководитель – д.п.н Д.А. Дегтерев).

Информационная интерактивность в коммуникационной системе Казахстана: взаимодействие государственных органов и СМИ (Оспанова А.Н.)

Спустя 22 года с момента принятия Закона РК «О средствах массовой информации» можно уверенно говорить об улучшении положения журналистского сообщества в стране, а также о повышении уровня взаимодействия государства и гражданского общества, которое в том числе и представляют СМИ как один из важнейших социально-политических институтов в любом обществе.

Изменение подходов государства к удовлетворению запросов граждан, готовность вести конструктивный диалог определили и стратегию взаимодействия госорганов со средствами массовой информации. В частности, в свете реализации концепции «слушающего государства» Президента РК К.-Ж. Токаева мы видим, что руководство страны взяло курс на открытость работы государственных органов². Также мы видим работу по повышению статуса журналиста, что прослеживается в подготовке нового Закона РК о СМИ и развитии диалоговых и брифинговых площадок в стране, позволяющих как журналистскому сообществу, так и рядовым гражданам получать полную информацию из первых уст.

Кроме того, в укреплении интерактивности коммуникационного режима, частью которой являются СМИ, одну из ключевых ролей должен сыграть Национальный план развития сферы информации на 2020–2022 годы, реализуемый в настоящее время. Он ставит задачи повысить уровень востребованности потребителями отечественной информационной продукции к 2023 году до уровня не менее 70%, а также увеличить удовлетворенность населения освещением государственной политики в СМИ к 2023 году аналогично до уровня не менее 70%. В плане также предложены конкретные шаги по правовому регулированию информационной сферы, повышению конкурентоспособности СМИ. В кейсе коммуникационной системы выделяются намерения создать собственную систему медиазамеров для более точного ранжирования аудитории СМИ; локализовать местное теле- и радиовещание; определить правовой статус блогеров. По нашему мнению, Нацплан, вкупе со всеми реформами в сфере, послужит основательным укреплением отечественного информационного рынка, а также укрепит позиции СМИ и их уровень взаимодействия с государственными органами³.

Учитывая текущую ситуацию, уникальную для независимого Казахстана, в докладе будет делаться упор на деятельность коммуникационной системы страны в период пандемии, так как в данных условиях ее жизнеспособность и эффективность прошли тяжелые испытания.

Нельзя отрицать тот факт, что в век информационных технологий и широчайшего распространения социальных медиа СМИ теряют монополию на информацию, однако становятся

² В КИСИ при Президенте РК состоялась международная онлайн-конференция «От Слушающего государства к «Справедливому государству». Режим доступа: <http://www.kisi.kz/index.php/ru/meropriyatiya/2020-god/6735-v-kisi-pri-prezidente-rk-sostoyalas-mezhdunarodnaya-onlajn-konferentsiya-ot-slyshashchego-gosudarstva-k-spravedlivomu-gosudarstvu>.

³ Об утверждении Национального плана развития сферы информации на 2020–2022 годы. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000183>.

ключевыми объектами общественной коммуникации, фокусируясь на разъяснении и уточнении той или иной информации – функция оперативного информирования планомерно отвоевывается социальными сетями и мессенджерами, что, однако, ни в коем случае не умаляет роль традиционных СМИ (печатных, сетевых изданий, телевидения, радио) для гражданина.

Так, по состоянию на 2021 год в стране зарегистрировано 4919 СМИ, что больше на 369, чем в прошлом году (в 2020 году их насчитывалось только 4550). Это свидетельствует о сохраняющейся актуальности СМИ и высоком спросе на них со стороны населения⁴. Несмотря на то, что в перспективе последних шести лет, как и в целом по миру, доля социальных медиа в информационном потреблении граждан увеличилась на 25% – до 63,5%, а покрытие граждан Интернетом и вовсе возросло до 81,9% в начале 2021 года, телевидение тоже укрепило свои позиции в период пандемии, увеличив среднее время просмотра на 25%⁵. В данных условиях роль традиционных СМИ как разъяснительного механизма укрепились. Наиболее активно по сравнению с иными периодами аудитории представлялись экспертные мнения, а также организовывались диалоговые мероприятия, направленные на улучшение информационной работы с населением.

В данной связи характерно, что именно традиционным СМИ в плане подачи информации население доверяет больше, чем социальным медиа. Так, по статистике International Media Service, 37% аудитории наиболее доверяют газетам, 32% – радио, 31% – телевидению, 26% – сайтам и только 17% – социальным сетям⁶.

В целом что мы понимаем под «интерактивностью коммуникационной системы РК»? Прежде всего, в основе лежат критерии открытости, доступности и оперативности. В случае с открытостью госорганов и всей системы коммуникаций мы можем опираться на концепцию «слушающего государства», которая и ставит своей целью максимально приблизить государственный аппарат к гражданину и минимизировать барьеры между властью и обществом для наиболее целостного понимания социальной картины.

Относительно доступности информации следует обратить внимание на то, что в Казахстане действует уникальная структура – Служба центральных коммуникаций при Президенте РК. На ее

примере можно объяснить подход государства к информационной работе с населением, основными акторами которой становятся СМИ, освещающие ход брифингов, проходящих на площадке службы.

В традиционном формате Служба организует брифинги на ту или иную тему с участием представителя или главы уполномоченного органа. В ходе трансляции, после завершения докладов спикеров, начинается сессия «Вопрос – ответ», в которой могут принять участие все аккредитованные журналисты. С началом пандемии действие брифингов перешло в онлайн-режим, что, однако, не сказалось ни на работоспособности, ни на эффективности подачи информации от спикеров к СМИ и от СМИ к гражданину. Напротив, переход в онлайн-формат активизировал работу Службы: было проведено 380 мероприятий за 2020 год, по итогам которых было составлено свыше 200 тыс. информационных материалов, что значительно превышает показатели прошлых лет⁷. Площадка СЦК является основной в стране, несмотря на наличие ведомственных платформ, на которых специализированно и по узким темам выступают представители того или иного ведомства, в частности МВД РК. Наиболее активно она используется для разъяснения реформаторской политики Главы государства, ответов на наиболее актуальные общественные запросы (в частности, именно в СЦК разъяснялись механизмы снятия пенсионных накоплений для покупки жилья или перехода многоквартирных домов от КСК к ОСИ). Брифинговая площадка также располагает аккаунтами на всех доступных платформах (Youtube, Facebook, Instagram, Telegram), где ведутся параллельные текстовые и видеотрансляции для наибольшего охвата аудитории.

Если же говорить об оперативности как критерии интерактивной системы, мы можем также обратиться к брифингам. Так, региональные службы коммуникаций присутствуют во всех областях и городах республиканского значения, что позволяет оперативно реагировать на все происходящие события локального и республиканского масштаба, точно прорабатывая аспекты информационной работы на местах. Ярким примером оперативного реагирования госорганов стали взрывы в Байзакском районе Жамбылской области, где представители уполномоченных ведомств в течение нескольких часов после происшествия организовали экстренный брифинг, не допустив распространения инсинуаций по поводу трагедии и качественно донес до граждан суть происходящего, а также предпринимаемых действий по урегулированию ситуации.

⁴ Astana Media Week-2021: развитие отечественных СМИ и поддержка журналистов. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/astana-media-week-2021-razvitie-otechestvennykh-smi-i-podderzhka-zhurnalistov/>.

⁵ Медиапотребление в Казахстане в 2020 году: интернет и социальные сети побеждают. URL: <https://ekonomist.kz/zhussupova/mediapotrebienie-kazakhstan-2020-internet/>.

⁶ Медиапотребление во время карантина. URL: <http://imservice.kz/rus/news/602/>.

⁷ Итоги деятельности Службы центральных коммуникаций в 2020 году. URL: <https://ortcom.kz/ru/korotko-o-glavnom/1618283601>.

Можно считать данный механизм весьма эффективным и актуальным, учитывая высокую изменчивость и динамику информационного поля страны. Показательным в этом ключе можно считать работу коммуникационных служб в начале пандемии COVID-19, когда распространение болезни вынудило правительства стран мира отправить население на карантин. Казалось бы, что данные обстоятельства могут сыграть на руку государственным органам, ведь теперь уходить от вопросов журналистов можно на законных основаниях лишь руководствуясь соблюдением ограничительных мер. В реальности же государственные органы, а также коммуникационные площадки весьма оперативно переместились в онлайн-пространство.

В течение всего периода пандемии казахстанские госорганы показывали высокий уровень готовности взаимодействовать с общественностью. В подтверждение этому можно назвать еженедельные брифинги МЗ РК, зачастую с участием министра Алексея Цоя, брифинги МВК по нераспространению коронавируса под председательством первого заместителя премьер-министра Ералы Тугжанова, где население через СМИ получало новую информацию об эпидситуации. Немаловажную часть всего инфопотока занимали и иные пресс-конференции профильных ведомств на актуальные темы, возникавшие в данный период, как, например, вопрос возобновления единовременных выплат в размере 42500, возвращения к очной форме обучения в школах и вузах и т.д.

О высоком уровне взаимодействия СМИ и госорганов говорит борьба с дезинформацией, которая начала явно проявляться в период пандемии. Только благодаря крепкой связи СМИ и государственных органов удалось предотвратить волну фейковых новостей о коронавирусе, вакцинации и прочих мерах правительства по нивелированию роста заражения. Следует подчеркнуть, что в настоящее время восприятие населением дезинформации меняется, ведь обсуждение феномена «фейк-ньюс» четыре года назад едва ли влияло на рядового гражданина столь сильно, как сейчас, ведь тогда он носил политический характер. В текущих условиях «фейк-ньюс» стали не только общественно вредными, но и опасными для здоровья, что определило важность их скорейшего развенчивания. Мы можем увидеть примеры такой работы еженедельно в лентах крупнейших новостных порталов страны: Tengrinews, «Закон», «Нур», «Казинформ» и т.д. Даже несмотря на абсурдность данных конспирологических версий – заражение путем 5G, чипизация, попытки изменения

генома человека вакцинами – их необходимо развеивать. Работа не прекращается, и, что немаловажно, она проводится вместе с уполномоченными ведомствами, которые непрерывно, по сути, на прямой линии, снабжают агентства достоверной информацией. Благодаря данным усилиям удастся бороться с эпидемией «антиваксерства», удастся предохранить граждан от паникерства – это, можно сказать, один из основных примеров интерактивности и адекватной реакции государства и общества на вредоносные элементы.

Пандемия изменила социум до самого основания, а также вынудила государственный аппарат перестраиваться под новые рамки информационного взаимодействия. Мы действительно наблюдаем в настоящее время укрепление интерактивного характера коммуникационного режима Казахстана – это было обусловлено самим временем, и реальные шаги, эффективные механизмы, описанные ранее, свидетельствуют о высоком приоритете трансформации всей информационной сферы в духе ответа на вызовы современности.

Позитивно отмечается тот факт, что за рамками укрепления СМИ как главного коммуникационного узла, ответственного за детальное пояснение аудитории аспектов того или иного законопроекта, все активнее проявляется прямая связь «государство – гражданин». В Концепции К.-Ж. Токаева барьеры между властью и обществом должны быть минимальны, а пандемия и рост цифровой грамотности, пришедший с ней, создают оптимальные условия для общения чиновников с рядовыми гражданами.

Несмотря на то, что большая часть государственных чинов до сих пор не демонстрирует явного желания идти на тесный контакт с населением, отмечают значительные подвижки: так, акимы городов республиканского значения и областей проводят прямые линии при помощи соцсетей, где они в прямом эфире общаются с казахстанцами. Все государственные органы присутствуют в социальных сетях. Конечно, их представительство разнится, однако все имеющиеся платформы, начиная от Youtube и Facebook и заканчивая мессенджером Telegram, активно осваиваются, предоставляя государству самому выступить в роли СМИ.

Конечно, заменить традиционные СМИ не сможет никто, однако стремление управленцев и политиков, в особенности представителей молодежи, активно пользоваться современными каналами связи может получить только высокие оценки как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны рядового гражданина.

О некоторых проблемах религиозной коммуникации в Казахстане (Бегалинова К.К.)

В современную глобализационную эпоху усиливаются процессы непредсказуемости, неопределенности, экстремальности в развитии мирового сообщества. Ситуация неопределенности (снижение чувства безопасности и защищенности, рост неуверенности в завтрашнем дне), которую еще К. Юнг называл «полумгла и бесконтрольность сознания», Поль Фейрабенд – «теоретический плюрализм и борьба альтернатив», все больше становится привычным атрибутом действительности. И в этих условиях государства, нации, этносы, особенно относящиеся к разряду «аутсайдеров» в терминах постмодернизма, к странам «первой волны», сталкиваются с другими в поисках «баланса сил» как ньютоновские бильярдные шары (Э. Тоффлер), усиливая неравновесность мировой системы. Растет напряженность в мире, количество локальных войн. Не одно десятилетие полыхают войны, конфликты в странах исламского мира. Красноречивым свидетельством этому является ответ афганского мальчика на вопрос американского журналиста: «Ты хочешь мира?» – «Да, хочу, только скажите, что это такое?». И данный ответ подростка, выросшего с автоматом в руках, вызывает особую озабоченность, поскольку мы связаны с ними общностью истории, культуры, веры. Связаны настолько тесно, что сегодня ни одно правительство мира не может контролировать даже курс своей валюты, омываемой, по выражению Элвина Тоффлера «нерегулируемыми приливами и отливами электронных денег». Из-за рубежа в наши страны проникают потоки денег, террористов, оружия, наркотиков, чужой культуры, религии, информации и много еще других различных феноменов, именуемых «вызовами времени».

Одним из серьезных вызовов времени является религиозный фактор. Сегодня религия является самым уязвимым местом для внедрения радикальных идей. Ни одна религия не застрахована от фанатизма его приверженцев, от использования ее в политических целях. За примерами далеко ходить не надо, это ИГИЛ, «Талибан», «Хизб-ут-Тахрир»⁸ и другие запрещенные организации, которые активизировали свои действия в Центрально-Азиатском регионе. Современные события, происходящие в Афганистане, наглядно подтверждают органическую связь вопросов религии и государства, когда власть захватывают представители радикального религиозно-политического военизированного движения (в частности,

запрещенного во многих странах мира). Для Казахстана, имеющего протяженные границы с республиками Средней Азии, эта проблема особенно острая, можно сказать, болезненная.

В силу прозрачности границ и общности менталитета с государствами, в которых радикально настроенные элементы приобретают определенные позиции, близости так называемых «горячих точек», не исключается возможность попыток внешнего воздействия, нацеленного на создание в нашей стране структурных звеньев международных террористических и религиозно-экстремистских организаций. Возможно, что спящие ячейки этих организаций, которые ждут сигнала, в наших странах существует. Ведь некоторые исламские направления и школы практикуют так называемое «такья», то есть благоразумное скрывание веры и убеждений до подходящего момента. Этот факт исключать ни в коем случае нельзя.

Наиболее активную деятельность сегодня ведет международная религиозно-экстремистская партия «Хизб-ут-Тахрир», отчасти она распространяет среди определенной части населения Средней Азии и Казахстана идеи по построению всемирного исламского государства «Халифат». С середины 1990-х годов «Хизб-ут-Тахрир» начал активную деятельность на территории бывшего СССР, в частности в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, а с 2000 года – и в Казахстане. К числу экстремистских организаций относится также «Таблиги Джамаат», нашедшая распространение в Жамбылской, Мангистауской областях, частично в Петропавловске, организация «Ахмадие» – в Восточно-Казахстанской области (Семипалатинск).

Основной проблемой для южных и западных регионов Казахстана остается распространение радикальной религиозной идеологии, активизация деятельности представителей таких религиозных течений турецкого происхождения, как нурсизм, «Тарихатшилар», «Сулейменшилер», религиозно-политической партии «Хизб-ут-Тахрир» («Исламская партия освобождения») и движения «Таблиги Джамаат» («Общество исламских улемов»). Особый интерес для салафитов, различного рода миссионеров экстремистского толка представляют западные регионы Казахстана, что обусловлено большими нефтегазовыми ресурсами.

Религиозная миссионерская организация «Таблиги Джамаат» продолжает активно предпринимать попытки пропаганды своей идеологии и увеличения сторонников. В Республику Казахстан представители «Таблиги Джамаат» начали прибывать из стран Арабского Востока, Пакистана и Афганистана с 1998 года группами в количестве от 5 до 10 миссионеров. В целях привлечения

8 Организации, запрещенные в Российской Федерации

большого числа своих приверженцев активисты данного течения периодически организуют трех-, десяти- и сорокадневные поездки («дагуаты») по селениям и городам. Данные действия джамаатовцев способствуют широкому распространению идеологии «Таблиги Джамаат» на всей территории Казахстана. С такими организациями коммуникацию нужно вести исключительно на законодательной основе.

Радикально-террористической организацией выступает и «Талибан». Как известно, данная организация формировалась в течение 1994 года при участии некоторых пакистанских мусульманских деятелей как религиозно-политическое движение Афганистана. За короткий срок она превратилась в крупное экстремистское движение. В настоящее время «Талибан» в Афганистане формирует свое государство.

В последние десятилетия терроризм интернационализировался, появились международные и транснациональные группировки, возникла связь и взаимодействие между некоторыми террористическими организациями. Особенно силен кибертерроризм, поскольку он умело использует новейшие инновации сети Интернет и компьютерных технологий, последние достижения сетевых коммуникации, и свои виртуальные паучьи сети разбросал по всем странам и представляет потенциальную угрозу мировому сообществу в целом и нашему государству в частности.

С учетом растущей угрозы и масштабов распространения терроризма и религиозного экстремизма в Центрально-Азиатском регионе все более актуальным становится вопрос о противодействии тем лицам и организациям, которые борются за власть, прикрываясь религиозной риторикой, используя методы террора, разжигания межконфессиональной и межнациональной розни. Эта проблема для нашего поликонфессионального казахстанского общества архиважна. За годы независимости в нашей стране произошел существенный рост религиозных конфессий и организаций. Так, если на 1 января 1989 года в Казахстане было около 681 религиозного объединения, то в 2011 году (до принятия Закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях) насчитывалось около 46 конфессий и деноминаций, 4551 религиозного объединения, многие из которых имеют руководящие религиозные центры за рубежом. В настоящее время на религиозном поле республики осталось более 3800 религиозных объединений и их филиалов, представляющих 17 конфессий. Речь идет о зарегистрированных организациях.

Как видим, религия является и в XXI веке неизменным спутником человечества. И игнорировать ее нельзя. Необходимо вырабатывать

эффективные модели, теории коммуникации, основанные на принципе толерантности. В этой связи большое внимание необходимо уделять религиозному просвещению молодежи, стараться решать их проблемы.

Форматы коммуникации власти и СМИ в условиях COVID-19: Республика Казахстан (Панов В.С.)

Работа, проделанная авторами исследования, очень большая и тяжелая. Думаю, в дальнейших исследованиях коммуникационных режимов авторам следует обратить внимание на изменение форматов взаимодействия СМИ и власти в особых условиях, в частности, в условиях COVID-19. Эти форматы, вероятнее, приживутся и будут использоваться в постпандемный период. Изменение форматов взаимодействия повлияло на режимы коммуникации, что не всегда способствует качеству коммуникации. Речь идет об онлайн-мероприятиях. На онлайн-брифинги, конечно, можно привлечь больше журналистов, можно принять участие в нескольких таких мероприятиях в течение дня. Но представителям СМИ важно установить контакт, задать свой вопрос. В этом контексте онлайн-брифинг – это «зло» для журналиста, потому что на неудобный вопрос спикер может не отвечать. Всегда можно отключить журналиста и сказать: «Даю слово другому человеку». Если это происходит в реальном зале, то можно снова встать и попросить ответить на вопрос. В реальном зале мы видим и чувствуем спикера, в онлайн – нет. Плюс к этому на онлайн-брифингах мы теряем возможность общения и обмена мнениями с коллегами.

Далее, отмечу, что в условиях пандемии возникает перегруппировка значимости отдельных акторов коммуникационного режима. В частности, в Казахстане усилилась роль и ответственность КМО (Казмедиацентр) и МИОР (Министерство информации и общественного развития). Они неплохо справились с новыми задачами, а также с «фейк-ньюс».

В научном докладе НИИРК отмечена доминирующая роль государства в формировании коммуникационных режимов и то, что практически все значимые субъекты коммуникационных режимов связаны с государством. Это действительно так. К аргументам, представленным в докладе, добавлю еще один показатель – госзаказ. В Казахстане, как и в России, существует система госзаказа. Если не ошибаюсь, то два. Иными словами, государство в той или иной степени контролирует почти все СМИ: денежно или неденежно.

Изменения коммуникационного режима в Казахстане в принятом концепте «слышащего государства» пока трудно оценить. Некоторые инструменты, заложенные в этой концепции в отношении СМИ, немного устарели. Реакция на публикацию в «Фейсбуке» со стороны органов государственной власти и управления происходит гораздо быстрее, чем реакция на публикацию в СМИ. В Казахстане было несколько попыток обновить коммуникационный режим, но не все они были приняты обществом. Например, около двух лет назад была попытка внедрить сертификаты в смартфоны, но мало кто поставил такие сертификаты и вскоре тему закрыли. В отношении ограничений каналов коммуникации отмечу, что в Казахстане принята программа «Киберщит». С целью обеспечения безопасности государство применяет те же методы, что и ряд других государств: в момент проведения митингов в зоне мероприятия блокируются соцсети, нет доступа к некоторым нежелательным сайтам. Но в последнее время практически нет злоупотреблений такими запретами. Журналистам даже не надо использовать VPN.

Тенденции развития информационно-коммуникационной системы в Кыргызстане (Тургунбаева А.)

Обретая суверенитет, Кыргызстан как полноправный субъект международного права получил реальную возможность для проведения самостоятельной внутренней и внешней политики, отвечающей национальным интересам, которые, в свою очередь, были обусловлены направлениями его политических, социально-экономических и культурно-гуманитарных связей на принципах уважения суверенитета, территориальной целостности и общей безопасности. Постепенно появились новые аспекты: политические, правовые, культурные, гуманитарные, информационные, с позиции внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов страны. На основе этих приоритетов Кыргызская Республика стала проводить прагматичную внешнюю политику исходя из реальных внутренних ресурсов и возможностей, используя потенциал внешних ресурсов, то есть возможности других стран, которые реализовываются через средства массовой информации, проекты, некоммерческие организации, международные фонды и т.д., и стремится возвести национальные интересы Кыргызстана «в часть интересов мирового и регионального сообществ»⁹.

⁹ Концепция внешней политики Киргизской Республики (2007) // Дипломатический вестник. Специальный выпуск, сс. 6-9.

Коммуникационный режим стран – система норм, правил, регулирующих информационные процессы¹⁰. Кыргызстан имеет самое либеральное законодательство в отношении СМИ и НКО в Центральной Азии. В этой связи в акторной модели коммуникационного режима присутствует большой спектр медиа и НКО – как связанных, так не связанных с властью, но практически не имеющих влияния на изменение правил и принципов коммуникации.

Радиовещание Кыргызской Республики имеет более чем 80-летнюю историю. 7 марта 1927 года, в день открытия Первого Учредительного съезда Советов, который принял Декларацию об образовании Кыргызской Автономной Социалистической Республики, впервые прошла трансляция радиопередачи через репродукторы, установленные на площадях и улицах (Чернов 2009).

В постсоветской историографии информационного пространства Кыргызской Республики можно кодифицировать пять самых характерных периодов его развития:

- 1991–1992 годы – провозглашение свободы прессы;
- 1993–1995 годы – выработка собственных позиций о роли и функциях СМИ;
- 1996–1999 годы – окончательное разделение с властью (Сатылканова 2017);
- 1999–2005 годы – распределение и концентрация медиасобственности, путем образования медиахолдингов (Исабаев 2010);

С 2005 года по настоящее время – перераспределение медиасобственности и усиление влияния медиахолдингов посредством их объединения и сосредоточения в одном центре или «одних руках» (Салтыканова 2017)

Несмотря на ряд принятых постановлений, шел стихийный процесс национализации. 51% – государственные СМИ, а 49% – частные (Алымбаева Алимахунов 2021).

Местные русскоязычные СМИ, которые вещают на кыргызском языке – такие российские каналы, как «ОРТ» и «РТР».

Усилился государственный контроль за государственными телеканалами «КТРК», КТРК «Баластан», КТРК «Музыка», КТРК «Маданият», КТРК «Спорт», КТРК «Ала-Тоо 24», «ЭлТР», «Пятый канал», «Пирамида» и др.

Интернет-ресурсы, будучи коммуникационной платформой, размыли границы информации официальной и «фейковой».

¹⁰ Коммуникационные режимы стран Центральной Азии: научный доклад Национального исследовательского института развития коммуникаций. - М., 2021. URL: <https://nicrus.ru/analytics>

Культура потребления информации, медиаграмотность, слабые профессиональные качества журналистов, отсутствие журналистской этики создают определенные трудности в информационном поле Кыргызстана.

С 2017 года Кыргызстан перешел на цифровое вещание (Карагулов 2017), благодаря которому у общества появилась возможность получить широкий спектр информации. Новый информационный порядок стал реальностью, так как трансграничная передача информации практически свела к нулю юрисдикцию государства даже в пределах собственного информационного пространства (Алымбаева, Алимахунов 2021).

За годы независимости Кыргызстана СМИ в определенной степени приобрели в общественно-политической жизни страны неформальный статус «четвертой власти», и это позволяет им сегодня:

- представлять роль посредника между государственной властью и гражданским обществом;
- участвовать в формировании нового типа политической культуры;
- обеспечивать открытость и интеграцию современного Кыргызстана в общемировую систему политических отношений;
- выступать как политический институт информирования общества, социальной коммуникации и контроля власти;
- осуществлять роль орудия различных общественно-политических сил, деятельность которых носит явный манипулятивный характер.

В Кыргызстане был принят ряд важных документов, направленных на реализацию поставленных задач:

Закон, принятый в 2007 году, «О Национальной телерадиовещательной корпорации НТРК», в котором получало одобрение формирование единого информационного пространства;

Закон «О телевидении и радиовещании» 2008 года, который утвердил Государственную программу формирования и развития национальной информационной инфраструктуры;

Закон «Об общественной телерадиокорпорации КР», принятый в 2010 году, который был обусловлен процессами, связанными с переходом мирового сообщества на качественно новый этап развития глобальной информационной инфраструктуры¹¹.

¹¹ Отчет по итогам исследования уровня медиаграмотности в Кыргызской Республике. Воробьева А., Ешеналиева А., Рахимов Р., Усенова Б. ОФ «Институт Медиа Полиси», Бишкек, 2018. URL: http://media.kg/wp-content/uploads/2018/02/Study-of-media-literacy-level-in-Kyrgyzstan_Eng.pdf.

Перечислим особенности и тенденции развития медиа в политических системах Кыргызстана в период становления и развития суверенитета, а также на основе анализа концепции в рамках данной проблематики:

1. Кыргызстан все еще не обладает общенациональным радио и телевидением международного класса, хотя одним из первых в Центральной Азии с 2010 года развивает службу общественного вещания, где присутствует развитие, просвещение и формируется общественное самосознание высокого уровня.

2. В Кыргызстане зарубежное радио- и телевидение занимает более 70% киргизского эфирного времени. Это означает, что медийный рынок идей достаточно скуден.

3. Замечено стремление политических и финансовых кланов путем обладания СМИ влиять на общественное мнение и тем самым владеть ситуацией в стране. В результате «наблюдается все более откровенная зависимость ряда СМИ от крупных политических сил, финансового капитала. Ряд изданий и телеканалов, интернет-сайтов целенаправленно работают на ослабление государства, внутривластной стабильности» (Мурзагулов 2017). Было полностью запрещено теле-, радиовещание канала «Сентябрь», который предоставлял альтернативную информацию, идущую вразрез с государственными каналами.

4. В Кыргызстане оказывается политическое влияние руководства страны на СМИ путем предоставления государственных субсидий официальным и провластным изданиям. Наблюдается определенный перекося в приватизации государственных массмедиа в пользу «денежных мешков», в среде которых сегодня происходит процесс «перераспределения» внутри класса собственников СМИ.

5. Систематически наблюдается прекращение деятельности редакций газет, журналов, радио- и телевидения. Помимо закона о СМИ контроль за СМИ осуществляется законами «О лицензировании», «О связи», уполномоченными органами в лице различных министерств, ведомств и их комитетов и комиссий, которые тоже наделены полномочиями лишения прав на издание и выпуск программ радио- и телевидения в эфир. Было запрещено издание газеты «Республика», канала «Сентябрь» (Адилбеков 2016).

В системе приведенных критериев информационное пространство Кыргызстана характеризуется своими специфическими особенностями:

- «зажатостью» дискурса проблемой выбора пути и курса развития страны;

- концентрацией на вопросах национальной самоидентификации;
- склонностью к мифологизации и персонификации политики;
- высокой политизированностью общественного мнения.

Контент частных СМИ отражает политические нормы и культуру, морально-нравственные принципы, основанные на традициях общества. Создание независимых газет и телерадиовещательных каналов было сопряжено с различными преградами и факторами со стороны государственных органов, поскольку политические события, произошедшие в стране, в определенной степени актуализировали проблему взаимоотношений между СМИ и властью. Для кыргызстанского общества государство и СМИ имеют специфический характер (Гасумянов, Комлева 2020).

Важная роль СМИ – быть в центре государственного, общественного и гражданского согласия. Благодаря существованию этого диалога СМИ выступает одним из факторов консолидации кыргызстанского общества и имеет особую значимость в многонациональном государстве, являясь механизмом формирования обратной связи, которая становится подконтрольной органам власти и общества.

Особенности коммуникационного режима в Кыргызской Республике (Череменина Е.Г.)

При проведении дальнейших исследований коммуникационного режима в Кыргызской Республике целесообразно учитывать следующие моменты.

Первый момент касается структуры и финансовой основы СМИ. В 2017 году, когда Кыргызстан перешел на цифровое вещание, у нас было около двадцати телеканалов, некоторые из которых вещали на всю республику, а некоторые – только в своих регионах. Но цифровизация телевидения дала возможность увеличить количество этих телеканалов до шестидесяти на тот момент. Это при том, что рекламный рынок Кыргызстана очень и очень небольшой. Он был оценен где-то в 7 млн долларов на 60 телеканалов. На такие деньги телеканалы не могут создавать собственный качественный контент. В Кыргызстане есть закон о телерадиовещании, который, к сожалению, не исполняется большинством телеканалов. Это им «сходит с рук», потому что отсутствует система мониторинга и система наказания со стороны государства. Конечно же, есть часть телеканалов, которые стараются этот закон соблюдать: по языковой пропорции, пропорции собственного контента. Но они не получают никакой поддержки

со стороны государства. Если один телеканал поставит скачанный из Интернета пиратский фильм и показывает его, при этом между этими фильмами крутит рекламу, то сами понимаете разницу между его затратами и затратами телеканалов, которые делают собственное производство. Поэтому 70% вещания телеканалов приходится на иностранный контент. То есть это ретрансляции каналов с небольшими вставками собственного производства: новостей, программ на русском и киргизском языках. На территорию принимаются каналы с казахским, российским, турецким контентом, на юге есть узбекские каналы.

Во-вторых, важно учитывать, что поменялся механизм продвижения контента. Люди уходят в соцсети и мессенджеры, и контролировать каналы распространения информации общественному мнению становится сложнее. Следует отслеживать появление новых игроков на этом поле, новые платформы, не пропустить и вовремя поддержать интересный проект, у которого есть потенциал развития.

В-третьих, в настоящее время происходит изменение законодательства. В научном докладе НИИРК отмечено либеральное законодательство Кыргызстана в отношении СМИ и НКО. Да, это действительно так. Но в настоящее время, в январе, Президент Кыргызстана дал поручения сделать инвентаризацию более 300 законов. В том числе четырех законов, напрямую касающихся средств массовой информации. Это один из старейших законов о СМИ, Закон о защите профессиональной деятельности журналиста, Закон о телерадиовещании, Закон об ОТРК (общественной телерадиокомпании). По сути, этот канал не только де-факто, но и де-юре будет возвращен в статус государственного канала, каким он был до 2010 года. Пока инвентаризация этих законов идет в закрытом режиме. Только 13 сентября 2021 года был проведен круглый стол Министерством юстиции, на котором обсуждались поправки в два закона: о СМИ и о защите профессиональной деятельности журналиста. Это были очень невнятные поправки, сделанные без участия медиасообщества. 30 сентября 2021 года все медиасообщество собралось на свой круглый стол и направило обращение Президенту Кыргызстана, в котором сообщалось, что состояние законодательства о СМИ дает средствам массовой информации нормально работать и не требует никаких глобальных поправок, а тем более переписывания этих законов.

В августе 2021 года Президент Кыргызстана подписал Закон «О защите от недостоверной и ложной информации». Сначала он проходил как Закон «О фейковой информации», потом – после возражений и обсуждений – получил новое название. Что позволяет

сделать этот закон? По жалобе на какую-то недостоверную информацию, размещенную в Интернете, сайт без суда может быть заблокирован на некоторый срок. Таким образом, любой человек, обладающий какими-то рычагами, может закрыть любой интернет-портал. Интернет-порталы в Кыргызстане не считаются средствами массовой информации. И вот принят закон, позволяющий давить на те или иные информационные агентства.

В-четвертых, при анализе коммуникационного режима в Кыргызстане следует учитывать, что кроме распространенных форм гражданской активности в виде митингов и одиночных пикетов есть платные пресс-конференции. Некоторые информационные агентства предоставляют свои площадки за определенную плату практически для любых заявлений – начиная от криминальных вещей и решений по каким-то уголовным делам до серьезных политических и экономических заявлений. Это следует учитывать при анализе правил коммуникации.

В-пятых, следует внимательно анализировать и учитывать влияние религиозных институтов. В Кыргызстане эта проблема стоит достаточно остро, большая часть населения стала ходить в мечети и прислушиваться к тому, что там говорят. Несмотря на то, что Кыргызстан является светским государством, практически во всех государственных учреждениях, коммерческих учреждениях есть специально отведенные места, где можно производить намаз. В пятницу большое количество населения устремляется в мечети для того, чтобы совершить пятничный намаз и услышать то, о чем будет говорить им мулла. За содержанием речей нет контроля, все зависит от социальной ответственности и позиции муллы. Это действительно очень большая проблема, которая существует в Кыргызстане, потому что практически в каждом селе есть своя мечеть, а иногда их даже две: на одном конце села и на другом. Этого, кстати, не отмечается в Узбекистане. За прошедшие 30 лет, по крайней мере на юге Узбекистана, я не увидела значительного количества новых мечетей – в отличие от Кыргызстана. Все же работу с общественным мнением следует мониторить со стороны государства.

Шестой момент – это языковая политика. В последнее время все больше появляется средств массовой информации (как на телевидении, так и в Интернете) именно на государственном языке (на кыргызском) и меньше – на русском языке. На юге есть небольшое количество СМИ на узбекском языке в местах плотного проживания людей узбекской национальности. И, как уже говорилось, они имеют возможность получать там узбекские телеканалы, потому что граничат с Узбекистаном.

Межкультурные коммуникации в Центральной Азии (Назаров Р.Р.)

Расширение и углубление исследования межкультурных коммуникаций является актуальной проблемой современных социально-гуманитарных наук. Само положение Центральной Азии (ЦА) – на стыке мировых цивилизаций – предопределило ее уникальную роль в межкультурном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих сообществ, конфессий, этносов, государств.

Эта роль принадлежала региону тысячелетиями, в его истории нашло свое отражение все многообразие этнических, культурных, конфессиональных процессов. Открытая и обширная зона ЦА диктовала взаимодействие и пересечение различных культур, племен, этносов, конфессий, кочевого и оседлого населения. На современной территории ЦА пересекались разные этнические группы (тюрки, иранцы, арабы, монголы, индийцы, китайцы, славяне и т.д.) и конфессии (традиционные верования, зороастризм, тенгрианство, буддизм, иудаизм, христианство, ислам).

Народы современной ЦА унаследовали разнообразие культур, традиций, конфессий. Проживающие на территории региона представители почти полутора тысяч этнических групп образуют уникальную культурную мозаику, сочетающую азиатские и европейские компоненты. История ЦА полна примеров интенсивного и продуктивного межэтнического, межконфессионального, межкультурного диалога, взаимодействия, социокультурного взаимопроникновения, толерантных взаимоотношений. Центральная Азия в различные периоды своей непростой истории входила в состав многих полиэтнических, поликультурных государств: Ахеменидской державы, Греко-Македонского царства, Кушанской империи, Тюркского каганата, Арабского халифата, государств Саманидов, Караханидов, Каракитаев, Чингизидских государств, державы Амира Темура, Тимуридских государств, Российской империи, СССР, представлявших собой различные модели синтеза и симбиоза, включавшего в себя разные культуры, этносы, религии.

В современной ЦА в целом удалось сохранить стабильность в межкультурных коммуникациях. Это обусловлено целым рядом факторов:

- традиционной полиэтничностью и поликультурностью региона;
- привычкой жить в мире и согласии с соседями;

- устойчивостью политического руководства;
- всей совокупностью экономических, политических, исторических, духовных, социальных особенностей.

Большая проблема региона ЦА, как и всего постсоветского пространства в настоящее время – этнизация понятия нации. Если во всем мире нация – это прежде всего гражданское сообщество, согражданство, то на постсоветском пространстве нация – это прежде всего этнос. Хотя общеизвестно, что все народы ЦА сформировались на полиязыковой, полиантропологической, поликультурной основе. Абсолютизация этничности порождает проблему взаимоотношения «коренных» и «некоренных» народов, хотя в условиях ЦА ни один из титульных этносов не может быть признан некоренным в соседнем государстве (узбеки в Шымкенте или Оше, Ходженге или Ташаузе, казахи в Каракалпакстане или Канимехе, туркмены на Мангышлаке или в Хорезме и т.д.), поскольку это противоречило бы исторической истине. В этом случае лучше говорить не о диаспорах, а об ирредентах.

При таком подходе центральноазиатские диаспоры есть в основной своей массе ирреденты, так как проживают на исторически «своих» землях. На большей части Центральной Азии этносы расселены чересполосно, есть целые регионы традиционно компактного проживания двух, трех и более этносов. Так, территория Каракалпакстана является зоной традиционного расселения каракалпаков, узбеков, казахов и туркмен. Зонами совместного узбекско-казахского проживания традиционно являются регионы Южного Казахстана (Туркестанская, Джамбульская области), Северного и Центрального Узбекистана (Ташкентская, Навоийская, Джизакская, Сырдарьинская области). Ферганская долина (три области в Узбекистане, три области в Кыргызстане, Согдийская область Таджикистана) традиционно заселена узбеками, таджиками, кыргызами и др.

На динамику и характер межкультурных коммуникаций в ЦА государств все большее влияние оказывают общепризнанные нормы международного права, устанавливающие базовые критерии прав человека и целых народов. Однако проведение справедливой и эффективной этнической политики невозможно вне учета конкретных социальных, политических, экономических, исторических условий, определяющих положение этнических групп в обществе. Политика не может быть ориентирована на мнимое или формальное равенство этносов. В условиях полиэтнических государств эффективна только многовариантная этническая, языковая, культурная политика.

«Игра с историей» в коммуникационных режимах стран Центральной Азии (Котюкова Т.В.)

В научном докладе НИИРК отмечается, что не следует оценивать коммуникационный режим как положительный или отрицательный – следует рассматривать его как некую данность. Возможно, с точки зрения социологии это так, но в исторической науке это все-таки окрашено. Анализ массмедиа и блогосферы показывает наличие очень активного запроса на использование исторической тематики. Конечно, повышение цен на услуги, особенно ЖКХ, политические споры внутри страны, международный и внешнеполитический контекст – все это, безусловно, занимает место. Но исторический контекст особенно востребован в связи с продолжающимся формированием идентичности в каждом из государств Центральной Азии. Сформирована эта идентичность в разных государствах на разном уровне. Историческая тематика в этом смысле является связующей, цементирующей, базисной, на которой выстраивается государственная надстройка. Поэтому на историческом поле ведется серьезная борьба. И для этой борьбы нередко применяются недобросовестные технологии.

В информационное поле вбрасывается информация не из авторитетных источников, не из серьезных академических структур, а из неформальных источников внутри или за пределами страны. Особенно явно это проявляется в отношении интерпретации значимых, юбилейных дат, очень крупных исторических событий в странах Центральной Азии. Обсуждение этих тем ведется непрофессиональными историками, людьми (в том числе журналистами), не имеющими специальной подготовки и экспертной поддержки среди историков. Далее, объявляется «виновный» и назначается его «преемник» (будь то целая страна или отдельный человек), который должен покаяться за те или иные исторические события, которым дана очевидная негативная окраска в общественном сознании на данный час или конкретный период. Затем органы власти инициируют проверку достоверности информации, но уже поздно, потому что общественное мнение и сознание уже приняло информацию. Изменить ее и переубедить общественность достаточно сложно.

Часть исторической академической науки уважаемых нами центральноазиатских государств начинает подстраиваться под эти технологии. Они применяются в отношении периодов нашей общей жизни в Российской империи и Советском Союзе. Естественно, что в ответ поступают реакции со стороны российского научного

исторического сообщества. Дает свою реакцию и российская «блогосфера». Разгораются дискуссии, например, относительно даты образования Туркестанского царства, куда входили все современные государства Центральной Азии и частично Казахстан (частично он входил в состав Степного края, а там существовали отдельные казахские области). Суть в том, что все значимые исторические события вызывают бурную волну эмоций. Отсутствует взвешенный, спокойный интерес электронных СМИ и академической науки и в государствах Центральной Азии, и в Российской Федерации. Тенденций к изменению ситуации пока не отмечается.

«Приливы» интереса к круглым историческим датам, иногда очень проблемным и болезненным в истории государств Центральной Азии, являются неким показателем и отражением того, чего официальная власть в этих государствах не может официально заявить в силу целого ряда политических моментов и ограничений. И это выплескивается в электронных СМИ. При невозможности официальной власти иметь эту позицию, официально ее озвучивать, возникает второй канал – «блогосфера». Он активно используется для внутреннего потребления. Обществу как будто говорят: мы понимаем, мы чувствуем эти чаяния и держим руку на пульсе общественного запроса на восстановление исторической правды, на поиски виноватых. Не думайте, что мы все забыли, мы будем работать в этом направлении для установления правды. Это своеобразная «двойная игра» официального руководства практически всех постсоветских государств. Мы так и живем с этой двойной игрой, потому что на дискуссионных площадках, когда задаешь коллегам вопросы «почему и откуда это?», все говорят: «Ну, это же блогеры, это же журналисты, поэтому нельзя относиться серьезно». Но это формирует общественное мнение. Давайте зададим себе вопрос: сколько людей будут изучать академическую 20-томную историю той или другой страны? Сколько человек может понять эти сложные исторические механизмы и процессы? История – это же не поток информации в неких хронологических рамках. Это сложный процесс, в котором не все просто объясняется. А у блогеров вроде все понятно: вот события, вот виноватые, вот последствия, вот мы обиделись, вот у нас травма, вот давайте выяснять, что, почему и как, давайте искать виноватых, назначать их преемниками и наказывать.

Но главная проблема не в самих технологиях, а в последствиях. Такая тактика поведения электронных и печатных СМИ вольно или невольно формирует сознательную историческую травму. Сейчас в исторической науке можно говорить об исторической травме. Общество пережило репрессии, и у него травма. Общество

пережило голод, значит есть остатки этой травмы. Мне кажется, что не настолько сильны остатки этой травмы, насколько происходит сознательное травмирование, постоянный вброс информации на подобного рода темы в социальную среду, что заставляет поколения, которые никак не могли пережить этой травмы, ощутить ее на себе в реальном историческом процессе. Они вдруг начинают ощущать какую-то травму, начинают активно требовать ответов на вопросы «А почему?», «А кто?», «За что?», требовать предъявления виновника и желательно его извинений и наказания. Это замкнутый круг. Инструмент сознательного травмирования исторической памяти – это очень опасный инструмент, который очень активно используется.

Трудно сказать, кто руководит этим процессом – кто-то внутри стран Центральной Азии или кто-то извне? Эти механизмы запущены во внутренней среде или это влияние внешней среды, которая, основываясь на определенной политической конъюнктуре, в том числе и большой мировой политики, подогревает, приводит в действие эти механизмы, которые запускают очередной поток искусственного, сознательного? Второй вариант не исключается, судя по тому, как активно наши западные коллеги – европейские, американские исследователи – всегда откликаются на эти «исторические травмы», и у них, как правило, сразу готовы большие монографии на эти темы. А нас спрашивают: «Как Российская Федерация относится? Что об этом думает?» А мы вообще этим даже не занимались, нам в академическом плане это не очень интересно. И здесь на перспективу вырисовывается очень сложная проблема коммуникации, с которой нам еще придется столкнуться не один раз.

Коммуникационные режимы и проблемы обеспечения информационной безопасности (Грибин Н.П.)

Интересный, глубоко научно проработанный доклад доктора социологических наук Комлевой Валентины Вячеславовны, содержащий целый ряд весомых, убедительно обоснованных теоретических положений и практических выводов благодаря накопленному опыту и специально разработанной методологии исследования коммуникационных режимов стран Центральной Азии, навел на определенные размышления по рассматриваемой теме. С некоторыми из этих размышлений я хотел бы кратко поделиться с вами.

Не подлежит сомнению, что обсуждаемые на сегодняшнем круглом столе проблемы коммуникационных режимов государств

данного региона в контексте их национальных интересов и национальных интересов Российской Федерации всегда были чрезвычайно актуальны в современных условиях навязанной нам коллективным Западом гибридной войны с непереносимым ее составляющим информационно-психологическим компонентом. Но особенно возросла значимость этих проблем в свете последних событий в Афганистане, связанных с провальным выводом американских войск из этой страны.

В результате серьезно обострилась угроза для безопасности как России, так и дружественных нам государств – Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана, соседствующих с Афганистаном, и тем более граничащего с этой страной Таджикистана – в плане расширения возможностей распространения на территории наших государств терроризма и исламского экстремизма, роста масштабов незаконного оборота наркотиков, вероятного наплыва беженцев и повышения уровня конфликтности в этом стратегически важном регионе.

Коммуникации и информация как имманентные характеристики коммуникационных режимов наших стран подвергаются сегодня беспрецедентному деструктивному воздействию происходящих бурных и трудно предсказуемых процессов, порождающих нестабильность в данном регионе. Есть все основания полагать, что состояние нестабильности будет иметь долговременный характер в силу сосредоточения в регионе противоречивых стратегических военно-политических и экономических интересов многих ведущих мировых игроков, прежде всего США, Европейского союза, Китайской Народной Республики и Ирана.

Исходя из этого, представляется оправданным, помимо подходов, предложенных автором озвученного доклада, рассмотреть состояние и перспективы развития коммуникационных режимов стран Центральной Азии под углом зрения интересов обеспечения их собственной национальной безопасности.

Страновые коммуникационные режимы не существуют абсолютно автономно, изолированно от мировых информационных потоков, для которых не существует межгосударственных границ. Разумеется, Российская Федерация и дружественные нам страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), в свою очередь, испытывают все более расширяющееся воздействие иностранных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих инфильтрировать в информационное пространство наших стран собственное, выгодное Западу, видение происходящих социально-политических

и экономических процессов как в этих странах, так и в мире в целом. Информационная вредоносная деформация реальной картины происходящего по своей сути означает вмешательство во внутренние дела независимых государств и подрыв их суверенитета. В этих целях увеличивается количество компьютерных атак на информационные ресурсы атакуемых стран, распространяется в массовом порядке недостоверная и заведомо лживая информация, рисуется негативный образ России, дискредитируется полезность взаимовыгодного экономического, культурного, научного и иных видов сотрудничества между нашими странами, в том числе многостороннего взаимодействия по линии ШОС и ОДКБ.

Наиболее интенсивно в этом отношении используется сеть Интернет, где под предлогом многообразия мнений и плюрализма размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к протестным выступлениям против власти и массовым беспорядкам. В социальных сетях осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, культивируются насилие, стяжательство, сексуальная распушенность и правовой нигилизм, навязывается искаженный взгляд на исторические факты и события, происходящие в наших государствах и в мире. Основным объектом такой информационно-психологической экспансии со стороны наших недоброжелателей является молодежь, более подверженная манипуляционному воздействию.

Анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает нарушение правовых норм, регулирующих информационно-коммуникационные режимы стран воздействия. Для эффективного продвижения своих информационно-пропагандистских интересов в США разработано программное обеспечение компьютерных технологий, позволяющее превращать оппозиционеров и обслуживающих их киберактивистов в «невидимок» для правоохранительных органов стран информационной интервенции.

Озабоченность новыми реалиями современного мира и усиливающейся общей планетарной нестабильностью обусловила принятие в Российской Федерации базового документа в сфере национальной безопасности – новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

В Стратегии в качестве одного из стратегических национальных приоритетов выделена «информационная безопасность». Ее обеспечение предполагается путем реализации государственной

политики, которая четко формулируется в виде 16 задач, выполнение которых создаст предпосылки для кардинального решения проблемы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации. Непосредственное отношение к предмету нашей дискуссии имеют 4 задачи. Может быть, эти задачи, я хотел бы их озвучить, заинтересуют присутствующих здесь наших уважаемых гостей – представителей из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана:

- формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

- развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

- предотвращение деструктивного информационно-технологического воздействия на российские информационные ресурсы;

- укрепление сотрудничества Российской Федерации с иностранными партнерами в области обеспечения информационной безопасности, в том числе в целях установления международного режима обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Источники

- Адилбеков, С. (2016) Масс-медиа в политических системах Казахстана и Кыргызстана, Бишкек.
- Алымбаева, З.А., Алимахунов, А. (2021), Особенности и тенденции современного информационного пространства Кыргызстана // *Бюллетень науки и практики*, т. 7, № 2, с. 271–275. DOI: 10.33619/2414-2948/63/29.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // *Международная жизнь*, № 10, с. 38–49.
- Исабаев, Б.О. (2010), СМИ КР: современное состояние и перспективы развития, сборник материалов международной научно-теоретической конференции “СМИ в системе политических институтов: теория и практика”, Астана.
- Карагулов, М. (2017), Альтернатива СМИ, Бишкек.
- Комлева, В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // *Россия и мир: научный диалог*, № 1(1), с. 13–26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26.
- Мурзагулов, Н. (2017), Медийные магнаты, Бишкек.
- Сатылканова, А.Р. (2016), Общественное телевидение в процессе политической коммуникации (на примере Кыргызской Республики) // *Проблемы современной науки и образования*, № 29 (71), с. 109–112.
- Чернов, Ф.М. (2009), Исторические и социально-политические аспекты становления и развития радио и телевидения в Кыргызстане: 1927–2008 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Бишкек.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-96-137

Communication regimes in Central Asian countries: a scientific discussion

Kalimash K. Begalinova

Al-Farabi Kazakh National University (Nursultan, Kazakhstan)

Nikolai P. Gribin

University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Tatiana V. Kotukova

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Ravshan R. Nazarov

The Branch of Plekhanov Russian University of Economics in Tashkent (Tashkent, Uzbekistan)

Aigerim N. Ospanova

L.N. Gumilev Eurasian National University (Nursultan, Kazakhstan)

Viktor S. Panov

«Rossiya Segodnya» International Information Agency in the Republic of Kazakhstan (Nursultan, Kazakhstan)

Nadezhda G. Smolik

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Aigerim Turgunbayeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

Elena G. Cheremenina

Radio Sputnik Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article contains the main ideas expressed by Russian and foreign participants in the international scientific discussion on the topic «Communication regimes in Central Asian countries». The discussion was held by National Research Institute for Communications Development. Studies of communication regimes conducted on the basis of the author's methodology revealed: (1) asymmetry of actor models of communication regimes in Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan); (2) pronounced etatism and policy of state regulation and control of processes and structures of public communication; (3) specifics of social engineering of communication regimes based on securitization of issues of ethnic cultural and national identity; (4) attempts to update communication regimes that have not yet attained serious success. In the course of discussions, scientists from Central Asian countries offered their research materials and keynoted: the role of cultural and religious factors in the formation of communication regimes; the influence of the financial basis of mass media on their structure and media discourse; frequent borrowings of the content from foreign information channels. Russian experts noted: artificially accentuated problems of «historical trauma» in the information space in the Central Asian countries; changes in communication formats within the context of COVID-19; the importance of studying communication regimes in the context of ensuring collective information security, the need to develop common terms and concepts for Russia and Central Asian countries in the drawing up the legislation on communication and information.

Keywords: communication regime, Central Asia, information security, information policy, media space, mass media, political communication, historical trauma, religious factor

About authors:

BEGALINOVA Kalimash. DSc (Philos.). Professor at the Department of Religious Studies and Cultural Studies of the Al-Farabi Kazakh National University. ORCID: 0000-0001-5575-5142. Address: 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan, kalima910@mail.ru.

GRIBIN Nikolai. Dr.Sci. (Legal). Professor of the Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russian Federation, 119454, n.gordin40@gmail.com.

KOMLEVA Valentina V. DSc (Soc.). Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for Communications Development. Head of the Department of regional studies and international cooperation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: 22/1 Korobeinikov lane, Moscow, 119034, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

KOTYUKOVA Tatiana V. CandSc (Hist.). Head of the Central Asian History Sector of the 19th-20th centuries Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher at the Center for Civilizational Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Central Asian Studies, Moscow Islamic Institute. ORCID: 0000-0001-5741-7905. Address: 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation, kotyukovat@mail.ru.

NAZAROV Ravshan R. Doctor of Philosophy (PhD). Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Humanities the Branch of Plekhanov Russian University of Economics in Tashkent. Honorary Professor of Shaanxi Pedagogical University (Xi'an, Shaanxi, China); expert of the International Institute of Central Asia. ORCID: 0000-0003-3773-9442. Address: 3 Shakhriobod str., Tashkent, 100164, Uzbekistan, Shon2002@yandex.ru.

OSPAANOVA Aigerim N. Doctor of Political Science (PhD). Associate Professor. Head of the Department of Regional Studies. L.N. Gumilev Eurasian National University. ORCID: 0000-0003-0985-1883. Address: 010000, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kanysh Satpayev Street, 2, ospanova@mail.ru.

PANOV Viktor S. Head of the representative office of the Rossiya Segodnya International Information Agency in the Republic of Kazakhstan. Address: 119021 Russian Federation. 4 Zubovsky Boulevard, Moscow, office@ria.ru.

SMOLIK Nadezhda G. Senior lecturer at the Department of Theory and History of International Relations Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0000-0001-9166-2138. Address: 10a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation, smolik-ng@rudn.ru.

TURGUNBAYEVA Aigerim. Lecturer of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. ORCID: 0000-0001-5734-7505. Address: 10 Army Street, Bishkek, Kyrgyzstan, turgunbaeva.aigi@gmail.com.

CHEREMENINA Elena G. Head of the Information Agency and Radio Sputnik Kyrgyzstan. Address: 119021 Russian Federation. 4 Zubovsky Boulevard, Moscow, media@sputniknews.com.

References

- Adilbekov, S. (2016), Mass media in the political systems of Kazakhstan and Kyrgyzstan, Bishkek.
- Alymbaeva, Z.A., Alimakhunov, A. (2021), «Features and trends of the modern information space of Kyrgyzstan», *Bulletin of Science and Practice*, Vol. 7, No. 2, pp. 271-275. DOI: 10.33619/2414-2948/63/29.
- Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), Communication modes as a factor of inter-country interactions: Problem statement, *International Life*, No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Isabaev, B.O. (2010), Mass Media of the Kyrgyz Republic: current state and prospects of development, collection of materials of the international scientific and theoretical conference «Mass media in the system of political institutions: theory and practice», Astana.
- Karagulov, M. (2017), Alternative Media, Bishkek.
- Komleva, V.V. (2021), Country communication mode as a socio-political phenomenon, *Russia and the world: scientific dialogue*, No. 1(1), SS. 13-26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26 (in Russian).
- Murzagulov, N. (2017), Media magnates, Bishkek.
- Satylkanova, A.R. (2016), Public television in the process of political communication (on the example of the Kyrgyz Republic), *Problems of Modern Science and Education*, No. 29(71), pp. 109-112.
- Chernov, F.M. (2009), Historical and socio-political aspects of the formation and development of radio and television in Kyrgyzstan: 1927-2008: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences: 07.00.02, 22 p.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-138-161

УДК: 316.286

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии: научная дискуссия

Волков В.В.

Институт философии и социологии Латвийского университета (Рига, Латвия)

Воротников В.В.

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России (Москва, Россия)

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Стариков А.Д.

Информационное агентство Baltnews, МИА «Россия сегодня» (Москва, Россия)

Аннотация: Материалы научной дискуссии содержат основные идеи, высказанные российскими и зарубежными участниками международной научной дискуссии на тему: «Коммуникационные режимы Латвии, Литвы и Эстонии». Дискуссию провел Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Исследования коммуникационных режимов, проведенные НИИРК на основе авторской методики, выявили в Латвии, Литве, Эстонии: жесткое регулирование всех сегментов коммуникации и содержания информации, в том числе и органов самоуправления (имевших возможность самостоятельного выстраивания контактов, например, в приграничных регионах); выборочный контроль участников коммуникации под предлогом обеспечения информационной безопасности, особенно СМИ и НПО; стремление к консолидации общества на основе артикулирования угроз национальной идентичности и угроз

этнонациональному самосознанию; доминирование в информационном дискурсе российской угрозы национальной безопасности; сознательная политика сужения русскоязычного информационного, образовательного и социализирующего пространства; неполноценная включенность в европейский информационный дискурс и выборочное соблюдение принципов ЕС в отношении коммуникации и информации (кодекс практик в отношении дезинформации); начало уплотнения коммуникационного пространства альтернативными акторами, проявившимися в результате недоверия действующему правительству и в результате невозможности реализовать свои потребности. Во время дискуссии обсуждено: институционализация страновых коммуникационных режимов, роль исторически сложившихся и современных практик в Латвии, Литве, Эстонии; акторные модели коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии; роль политических институтов, массмедиа, институтов гражданского общества и бизнеса в формировании коммуникационных режимов; особенности коммуникационных режимов в отношении отдельных групп населения, СМИ, соседних стран.

Ключевые слова: коммуникационный режим, политические коммуникации, Латвия, Литва, Эстония, информационная безопасность, информационная политика, медийное пространство, массмедиа, политическая коммуникация, историческая травма

Об авторах:

ВОЛКОВ Владислав Викторович. Доктор социологии. Ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Адрес: LV-1050, Латвия, г. Рига, бульвар Калпака, 4, E-mail: vladislavs.volkovs@inbox.lv.

ВОРОТНИКОВ Владислав Владиславович. Кандидат исторических наук. Директор Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России; Руководитель Центра прибалтийских исследований, Институт Европы Российской академии наук. Адрес: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76. ORCID ID: 0000-0003-3374-5677, E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com.

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; Заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1, komleva@nicrus.ru.

СТАРИКОВ Андрей Дмитриевич. Главный редактор Информационного агентства Baltnews, МИА «Россия сегодня». Адрес: 119021, Россия, Москва, Zubovskiy бульвар, 4, стр. 1, 2, 3, E-mail: info@baltnews.lt.

Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии: основные выводы по результатам сравнительного исследования (Комлева В.В.)

Введение

Коммуникационные режимы до недавнего времени оставались на периферии научного осмысления, так как признание глобализации как основного тренда общественного развития способствовало росту исследований, аргументирующих становление мирового коммуникационного и информационного порядка. К тому же термин «режим» получил в общественных науках некий негативный контекст, заданный в западных исследованиях политических систем и культур.

Актуальность исследования страновых коммуникационных режимов, проводимого Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций, обусловлена как минимум следующими причинами:

- необходимостью поиска каналов и инструментов оптимизации международных коммуникаций в условиях обострения международной конкуренции;
- необходимостью научного понимания участившихся практик общественно-политических дестабилизаций и конфронтаций;
- необходимостью поиска возможностей взаимодействия с субъектами формирования коммуникационных режимов для налаживания диалога и сотрудничества.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили системный, институциональный, конструктивистский подходы, теории информационного общества и коммуникаций. Концептуальные подходы и методология исследования была описана нами ранее (Гасумянов, Комлева 2020), в первом номере журнала «Россия и мир: научный диалог», где шла речь о коммуникационных режимах как социально-политических феноменах (Комлева 2021). Методика эмпирического исследования была описана в научном докладе,

размещенном на сайте НИИРК¹. Исследование было проведено в период января–октября 2021 года. В ходе исследования было обработан массив нормативных правовых актов, материалы общественно-политического дискурса, проанализированы политические решения и актуальные практики коммуникаций, а также материалы и интервью экспертов. Для понимания социокультурных особенностей региона был проанализирован ряд исследований, в частности недавно опубликованное интересное исследование переформатирования Балтийского региона в XVI–XIX веках и особенностей постбифуркационного включения социума в другую социальную систему (Баряхвостов 2021). Среди политологических исследований отметим исследования П.Е. Смирнова. Он утверждает, что «несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х годов происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым» (Смирнов 2020: 26).

Результаты исследования

Проведенные исследования показали, что после выхода из состава СССР коммуникационные режимы в Латвии, Литве, Эстонии формировались весьма причудливым образом. С одной стороны, были признаны все документы ЕС в отношении прав и свобод человека, равного доступа лиц всех национальностей, языков и религий к информации, образованию, рабочим местам. С другой стороны, формировался свой подход к построению коммуникационных основ общества. Этот подход основан на дифференциации общества на «эстонцев», «латышей», «литовцев» и «неэстонцев», «нелатышей», «нелитовцев», а также на отрицании того позитивного, что имели республики в период вхождения в состав СССР, например, в части экономического и культурного развития. Со временем антироссийская риторика ужесточилась, и в настоящее время в рассматриваемых странах мы имеем достаточно жесткий внутренний коммуникационный режим и малодружественный режим в отношениях с Россией. Нельзя сказать, что это полностью враждебный режим, так как есть сферы гражданских коммуникаций, в которых сотрудничество возможно.

1 Коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии. URL: <https://nicrus.ru/analytics>.

В последние годы были созданы механизмы жесткого контроля информационного поля. Сравнение законодательства и политических практик за последние пять лет показывает тенденцию к усилению режима контроля за содержанием информационных сообщений и развитием сетей гражданских коммуникаций. Институты власти в Латвии, Литве, Эстонии, устанавливая общие принципы коммуникационных режимов, одновременно вводят ограничения в отношении некоторых акторов коммуникации. Отмечается усиление выборочного контроля за СМИ и узлами коммуникации, в частности за русскоязычным сегментом коммуникационного пространства стран.

Кроме того, обновление коммуникационных режимов нередко контрастирует с реальной практикой. Руководство стран обновляет правила коммуникации, нередко ломая устоявшиеся, все еще актуальные практики. В частности, это касается деятельности русскоязычных НПО, социальных медиа, образования, СМИ, моделей участия местного самоуправления во внешних коммуникациях и коммуникациях со СМИ. Для прекращения воспроизводства русского языка используется технология сужения русскоязычного образовательного пространства и выведения английского языка и языков ЕС на роль первых иностранных языков. Однако игра в «русский вопрос» сознательно поддерживается всеми участниками, так как позволяет набирать голоса на выборах (во многом именно на «русском вопросе» строятся выборы в рассматриваемых странах) (Комлева 2020).

Несмотря на детальное законодательное регулирование коммуникационного пространства, в настоящее время институциональная структура коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии представляет собой противоречивое сочетание реальных практик, новых законов, сознательного конструирования исторических травм (поиска виновных в ретроспективе, назначение их преемника и требования его наказания сейчас), которые используются для консолидации общества. Однако такой подход способствует сохранению раскола в обществе. Кроме того, он усиливает «слепую зону» коммуникационных режимов, в которую уходят нежелательные для власти акторы коммуникации. Таким образом формируются непубличные альтернативные каналы общественного влияния (в том числе и русскоязычные), роль которых будет расти в альтернативном сегменте общества (на фоне фиксируемого низкого общественного доверия к официальным СМИ Латвии и Литвы – и чуть лучше ситуация в Эстонии).

Как и в большинстве изученных нами стран постсоветского пространства, социальная инженерия коммуникационных

режимов Латвии, Литвы и Эстонии содержательно основана на секьюритизации национальной идентичности и национального языка. Вопросы идентичности анализировались латвийскими учеными неоднократно, но с других позиций. Например, с позиции возможности совмещения либеральной концепции интеграции общества в Латвии с признанием ценности коллективной идентичности этнических меньшинств (Волков 2012). Наше исследование показало, что проблемы идентичности формулируются с точки зрения угроз. Обществу транслируется потенциальная опасность потерять референтные и особо ценные объекты – язык, память о прошлом, символы этничности. Объясняется, что без этого не может существовать независимое общество и суверенное государство. С этими целями корректируются правила коммуникационного режима. В условиях международной (и даже региональной) невостребованности латышского, литовского и эстонского языков такая практика поддержки своего языка, вероятно, оправдана с точки зрения задач политических элит. Но процесс сопровождается жестким секвестированием практик использования русского языка как угрожающего латышской, литовской, эстонской идентичностям. В Эстонии относятся с осторожностью и к распространению английского языка.

Последствия такой секьюритизации ранее описывались нами на примерах других стран. Латвия, Литва и Эстония – не исключение. Используя технологию секьюритизации, правительства этих стран сами радикализируют общество, актуализируя тему угроз в информационной повестке. Секьюритизация идентичности практически выводит эту проблему из области нормативной политики и придает ей статус чрезвычайного приоритета. Это позволяет ставить проблему выше установленных норм и правил или же менять нормы и правила под решение этой проблемы. Защитники идентичности, борясь с «угрозой», получают негласное право не соответствовать правилам, потому что они защищают самое ценное для общества и государства – идентичность. Радикализация становится реальной, когда секьюритизирующие субъекты претендуют на получение права использовать любые средства для остановки «угрожающего» развития событий. Результатом этой технологии становится легитимация политики дискриминации и исключения. Анализ общественно-политического дискурса и стратегических документов Латвии, Литвы и Эстонии показывает, что главной угрозой объявлена Россия и связанные с ней сегменты коммуникационных режимов – русскоязычные СМИ, образование, русский язык, русские сообщества и др.

Секьюритизация идентичности в перспективе может спровоцировать раскол и между самими странами (Латвией, Литвой, Эстонией), потому что в ходе такого «нациестроительства» и этнонационализма подчеркивается особость именно своего народа. Все страны подчеркивают свой особый путь, особый национальный характер, свою особую роль в регионе, таким образом способствуя формированию «культурного превосходства» одного народа над другим. Такая политика фрагментирует социальное пространство Латвии, Литвы, Эстонии, этно- и социокультурно сепарирует друг от друга народы этих стран. Конструирование коммуникационных режимов вокруг угрозы идентичности провоцирует проблемы внутри самого общества, а именно – повышение конфликтности с населением другой национальной и языковой принадлежности.

Акторная модель коммуникационных режимов имеет выраженное доминирование правящих политических акторов. Именно их видение коммуникационного пространства оформляется в определенный тип коммуникационного режима. В настоящее время для этого процесса характерен лоббизм групп узких интересов, которые определяют правила коммуникации. Эти правила и принципы поддерживаются проправительственными СМИ и рядом национальных НКО (особенно этнокультурной направленности). В сложившемся коммуникационном пространстве альтернативными акторами являются RT и Sputnik и ряд информационных агентств. Негативное отношение руководства стран к RT и Sputnik, по мнению ряда экспертов, стимулирует общественный интерес к этим медиа.

Изначально мы предполагали, что акторная модель указанных стран многоуровневая по причине вхождения в общее информационное пространство ЕС. Однако исследование показало, что рассматриваемые страны конструируют коммуникационные режимы, не всегда и не во всем руководствуясь принципами ЕС. Эксперты отмечали невысокие рейтинги и влияние «Евроньюс».

Акторами коммуникационных режимов являются и НПО, большая часть которых финансируется из-за рубежа. В целом они не оказывают существенного влияния на правила коммуникации, но все же формируют свои сегменты в коммуникационном пространстве.

В ходе исследования нами были выявлены «слепые зоны» коммуникационных режимов, то есть те особенности, которые не видны на фасаде режимов и не заметны в публичном дискурсе.

Латвия, Литва, Эстония, несмотря на относительно долгую историю партнерства в ЕС, до сих пор не вписаны в европейский контекст по своей политической культуре, которой свойственна локальность, ксенофобия, политическая закомплексованность.

Парадоксально, но Латвия, Литва, Эстония до сих пор слабо включены в общее информационное пространство и информационный дискурс Европы.

Сложившиеся коммуникационные режимы Латвии, Литвы, Эстонии недружественны не только в отношении России, но и малодружественны в отношении ЕС, несмотря на экономические связи и политическую зависимость этих стран от ЕС. Особенно явно эта (изначально скрытая) характеристика коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии проявляется в миграционной политике и позиции в общеевропейском миграционном кризисе.

Конструируя акцентуированные национальные идентичности, Латвия, Литва, Эстония не смогли сформировать и полноценную многоуровневую европейскую идентичность своих граждан (к тому же в настоящее время европейская идентичность сама испытывает кризис).

Особенностью «слепой зоны» коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии является ее постепенное уплотнение альтернативными акторами коммуникации, в том числе в виртуальном пространстве. Но, с другой стороны, такая ситуация создает благоприятные предпосылки для развития горизонтальных дружественных коммуникаций с зарубежными странами по линии общественной дипломатии.

Обсуждение

Отражение институционально закрепленных параметров межэтнической коммуникации в Латвии в практиках индивидуальных акторов (Волков В.В.)

Межэтническая коммуникация рассматривается как вид социальной коммуникации «между людьми различных культур» (Rogers et al. 2002, p. 5, 7), присутствует и в бытовой, и в публичной сфере. Ее объектами выступают разнообразные ценности, связанные с удовлетворением насущных потребностей людей и обеспечивающие воспроизводство национально-политической и культурной жизни страны в целом и этнокультурной идентичности ее жителей в частности. «Включающий» характер межэтнической коммуникации способствует укреплению гражданской и национальной солидарности и формированию ценностей, общих для этнического большинства и меньшинств, в том числе уважения к этнокультурной коллективной идентичности последних (Kim 2006,

р. 284, 291; Taylor 1994, 25-59). Немаловажную роль при этом играет равноправие участников коммуникации, взаимное позитивное признание этнических идентичностей друг друга (Хабермас 2000, 139-170, 199, 202) и восприятие сложившихся межотношений как справедливых (Rawls 2005, 60-61, 126-134). Демократическая интеграция мультиэтнического общества невозможна без постоянно возобновляемого коммуникативного дискурса между носителями различных идентичностей (Козн, Арато 2003, 457-485, 495). Альтернативой демократической интеграции мультиэтнического общества являются ее националистические варианты, при которых наблюдается воспроизводство статусных различий в идентичностях этнического большинства и меньшинств (Wirth 1956, 237-238).

Межэтническая коммуникация протекает в рамках установившейся социетальной системы, выступая одной из важнейших ее функций. Весомо значение параметров такой коммуникации в общественных системах с ярко выраженными этническими и культурными различиями, с институциональным разделением на этнонациональное большинство и этнические меньшинства, которое постоянно пропагандируется в общественном сознании. Государство, подчеркивающее теснейшую связь своего национального характера, направленности нациестроительства и государственной политики национальной идентичности с ценностями этнонационального большинства, формирует и реализует нормативную модель межэтнической коммуникации между этим этнонациональным большинством и этническими меньшинствами. Особенно востребована нормативная модель межэтнической коммуникации в таких национальных государствах, в которых в среде этнических меньшинств очень высока актуализация собственной коллективной этнокультурной идентичности, ценностей исторической памяти, политической мобилизации и т.д. Посредством отбора информации, структурирования и ранжирования ценностей нормативная модель межэтнической коммуникации транслирует и воспроизводит базисные характеристики национальной государственности в поведении и сознании групповых и индивидуальных акторов, затушевывая, маргинализируя или напрямую запрещая ценности и способы альтернативных форм межэтнической коммуникации. Поэтому важнейшей функцией нормативной модели межэтнической коммуникации выступает воспроизводство в общественном сознании представлений о различии социальных статусов идентичности этнонационального большинства и этнических меньшинств как отражения сложившейся этнонациональной стратификации общества. Во многих

постсоветских государствах различия этих статусов приобрели символические и политические различия социолингвистических функций государственных языков и языков этнических меньшинств.

Латвия исторически является многокультурной и многоэтнической страной с большой долей этнических меньшинств. На 2020 год удельный вес этнических меньшинств среди всего населения составлял 39,5% (819,3 тыс. человек). При этом общей характерной особенностью многоэтничности является высокая доля русского населения среди всех нелатышей Латвии – 64,2%². К тому же русские (как и балтийские немцы, поляки, евреи) обладали устойчивыми культурными традициями задолго до провозглашения независимости этих государств в 1918 году, что сформировало важнейшие компоненты коллективной этнокультурной идентичности этих этнических групп (Фейгмане 2000; Apine, Volkovs 1998).

Латвийская государственность по конституции является «национальным государством латышской нации» и «латвийского народа», который состоит из латышей и этнических меньшинств, которые имеют право на сохранение своей этнокультурной идентичности³. В других важнейших законодательных актах также подчеркивается различие общественно-политической ценности идентичности латышей и представителей этнических меньшинств. В «Законе о гражданстве» (1994) автоматически гражданами ЛР признаются только латыши, как представители «государственной нации» (valstsnācija) и автохтоны ливы (2020)⁴. В «Декларации об оккупации Латвии» (1996) говорится о «необходимости ликвидировать последствия оккупации», к которым относились и «сотни тысяч мигрантов», с помощью которых «руководство СССР... стремилось уничтожить идентичность народа Латвии»⁵. «Закон о государственном языке» (1992, 1999) фиксирует различную степень ответственности государства в отношении латышского языка («сохранение, защита и развитие») и языков этнических меньшинств («право на использование родного языка») и «расширение влияния латышского языка... для стимулирования быстрой интеграции общества»⁶. «Закон об образовании» (1998) определяет латышский в качестве языка получения образования в государственных, муниципальных и частных учебных заведениях, сохраняя право использования языков

2 Подсчитано по: Iedzīvotāju reģistra statistika... 2021.

3 Latvijas Republikas Satversme 2021.

4 Pilsonības likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums>.

5 Deklarācija par Latvijas okupāciju. URL: <https://likumi.lv/ta/id/63838-deklaracija-par-latvijas-okupaciju>.

6 Valsts valodas likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums>.

этнических меньшинств в дошкольных учебных заведениях и в начальной школе, которые реализуют одобренные министерством «программы образования этнических меньшинств»⁷.

Программы некоторых политических партий правящей коалиции («Нового Единства» и «Кому Принадлежит Государство») не содержат даже самого упоминания о наличии в Латвии этнических меньшинств⁸. В то же время в программе радикального «Национального объединения», состоящего в правительственной коалиции, родной язык русского населения Латвии упоминается в негативной коннотации⁹. В предвыборную программу «Союза зеленых и крестьян», находящегося в оппозиции, за который голосует в основном латышский избиратель, в последнее время стало включаться положение о необходимости уважения к праву этнических меньшинств на сохранение языка и культуры¹⁰. В партийных программах правительственных «Новой консервативной партии» и партии «Развитие/За!» заявляется о необходимости государству создавать условия для «включения этнических меньшинств в латышский язык, культуру, мировоззрение при сохранении их языка и культуры». Но в основном этнические меньшинства рассматриваются как социальные группы, которые необходимо активно включать в пространство «латышского языка, культуры и мировоззрения»¹¹. Или в некоторой вариации предлагается «обеспечить всем детям обучение на латышском языке и возможность освоить часть учебного материала билингвально на языках этнических меньшинств и языках ЕС»¹².

«Согласие» – единственная партия, представленная в латвийском парламенте, но ни разу не принимавшая участие в правительственной коалиции, в своей программе акцентирует групповые этнокультурные ценности этой части населения (необходимость «обучения языкам традиционных национальных меньшинств Латвии в рамках системы образования», «использование языков национальных меньшинств в общении с институтами государства и самоуправлений в местах, где национальные меньшинства проживают традиционно или в значительном количестве, за применение норм Всеобщей конвенции о защите национальных меньшинств в полном объеме и отзыв оговорок

*(деклараций), сделанных при ратификации конвенции» (Программа... 2021)*¹³.

Хотя в кратком варианте Программы той партии «4 тысячи знаков», обнародованной к парламентским выборам 2014 года, вообще не упоминалось наличие в стране этнических меньшинств¹⁴.

Автор статьи в течение последних лет провел несколько социологических исследований¹⁵, данные которых показывают, что коллективное и индивидуальное сознание, а также индивидуальные практики латышей и представителей этнических меньшинств воспроизводят институционализацию иерархии различных статусов этих групп как субъектов межкультурной коммуникации. Так, например, для респондентов характерно умаление значения информации о решении проблем, касающихся этнических меньшинств. Особенно это касается латышей (Таблица 1).

Таблица 1
Необходимость увеличения информации о решении проблем этнических меньшинств в латвийском обществе, %
The need to increase information on solving the problems of ethnic minorities in Latvian society, %

	Хи-квадрат	Латыши	Русские
СМИ	(2, N=944) = 40,33, p < .001	41,3	64,2
Коммуникация представителей власти с обществом	(2, N=944) = 48,47, p < .001	33,5	58,4
Коммуникация политических партий с обществом	(2, N=944) = 39,74, p < .001	34,9	57,6
Коммуникация НПО с обществом	(2, N=944) = 27,22, p < .001	37,6	56,4
Коммуникация ученых с обществом	(2, N=944) = 31,64, p < .001	33,0	52,9
Система среднего образования	(2, N=944) = 20,04, p < .001	40,9	57,2
Система высшего образования	(2, N=944) = 28,53, p < .001	38,3	57,6
Коммуникация религиозных организаций с обществом	(2, N=944) = 41,45, p < .001	27,4	49,4

7 Izglītības likums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums>.

8 Krišjāņa Kariņa Programma Latvijas izaugsmei. URL: <https://www.vienotiba.lv/programma-latvijas-izaugsmei/>.

9 4000 zīmju programma. URL: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/velesanas-kampanas/13-saeimas-velesanas/4000-zimju-programma/>.

10 Latvijas Zemnieku savienība. URL: <https://www.lzs.lv/par-mums/lzs-programma>.

11 Jaunās konservatīvās partijas programma. URL: <https://konservativie.lv/2014/05/17/jaunas-konservativas-partijas-programma/>.

12 Attīstībai / Par! priekšvēlēšanu programma 13. Saeimas vēlēšanām. URL: <https://attistibaipar.lv/programma/pilna>.

13 Програма социал-демократической партии «Согласие». URL: <https://saskana.eu/ru/saskana-socialdemokratiskas-partijas-programma/#p-3-3>.

14 “Saskana” sociāldemokrātiskā partija. SVK. URL: sv2014.cvk.lv.

15 “Patterns of Dispute and Dispute Resolution as Elements of Popular Legal Culture”, N=578 (2014–2016); “Gender, Culture and Power: Diversity and Interactions in Latvia and Norway”, N=1003 (2014–2017); “The role, place and self-understanding of ethnic groups in Latvia: discourse of XX century”, N=1008 (2018–2021).

Респонденты по-разному оценивают значимость влияния этнической принадлежности на жизнь человека в Латвии (Таблица 2).

Таблица 2

Влияние этнической идентичности на жизнь человека в Латвии, %¹⁶
The impact of ethnic identity on human life in Latvia, %

Идентичности	Все	Латыши		Русские			
	Позитивное	Позитивное	Нейтральное	Негативное	Позитивное	Нейтральное	Негативное
Латышская	63,6	60,8	36,8	2,3	69,3	28,8	2,8
Русская	40,2	39,7	48,9	11,4	41,2	44,1	14,3
Белорусская	36,8	35,1	60,0	4,8	39,9	50,7	9,5
Польская	37,4	35,1	61,4	3,4	41,8	52,3	5,9
Литовская	41,1	38,9	59,2	1,8	45,4	51,3	3,3
Еврейская	30,8	29,0	58,7	12,4	34,0	55,6	10,5
Цыганская	16,3	14,8	40,0	44,9	19,3	35,0	45,8

Наблюдается и снижение значимости универсальной моральной регуляции в обеспечении межэтнической коммуникации на индивидуальном уровне, своего рода этнизация этического. Например, для преодоления конфликта на рабочем месте, если он произошел между латышами и русскими, только 51,4% латышей и 44,9% русских признали, что руководствовались теми же моральными принципами, что и при решении конфликта с представителями «своей» этнической группы.

Таким образом, данные репрезентативных социологических исследований последних лет в Латвии свидетельствуют о том, что институционально закрепленные параметры межэтнической коммуникации реализуются в практиках индивидуальных акторов как распространенные представления о различии социальных статусов латышей и этнических меньшинств как субъектов этой коммуникации. Правда, глубина такой реализации все же зависит от этнической принадлежности респондентов (у латышей – более явно, чем у русских). Воспроизводство различий статусов этнокультурных групп, прежде всего национального большинства и этнических меньшинств, проявляется в общественном сознании в целом, а также в коллективном сознании этнических групп как в когнитивной, оценочной, так и регулятивной составляющей межэтнической коммуникации.

16 См. более подробно: Волков, Полещук 2019.

Когнитивная составляющая – маргинализация информации о недоминирующих этнических группах как реальных или потенциальных субъектах равноправной межэтнической коммуникации.

Оценочная составляющая – распространение представлений о недоминирующих этнических группах как носителях менее ценной коллективной этнической идентичности, чем у национального большинства, для успешной социальной мобильности и успешной социальной интеграции.

Регулятивная составляющая – сужение сферы действия, а также значения регулятивной силы универсальных моральных норм в межэтнической коммуникации.

Обсуждение результатов исследований (Стариков А.Д.)

Если посмотреть на коммуникационные режимы стран Прибалтики в ретроспективе, то точка их отсчета – становление их новой постсоветской государственности. Многие исследователи, публицисты, характеризуя содержание, которое было положено в ее основу, называют этот процесс отрицанием позитивного советского опыта. Если мы посмотрим на данный процесс с правовой точки зрения, то это тоже полное его отрицание. Между тем в соответствии с принципом континуитета или правовой преемственности, на основе которых и появился, по существу, институт «неграждан», советский период из истории этих стран не может выбрасываться.

Фактически в Прибалтике происходит не отрицание советского опыта, а его противопоставление, что мы наблюдали в 1991 году. Если раньше акцентировали внимание на «отрицании» (книга Л.Д. Кучмы «Украина – не Россия», следовательно «Прибалтика – не Россия»), то сегодня это определение представляется очень мелким. Точнее данный процесс характеризуется определением, которое использовал Президент России В.В. Путин в своей статье, посвященной Украине («антиРоссия»). В основу новой государственности Латвии, Литвы, Эстонии был положен тезис об «антиРоссии»: противопоставление всему советскому, следовательно российскому, как правопреемному опыту. Это относится и к празднованию 9 мая, и к заложенным в советский период основам языковой политики. Импульсом к агрессивной языковой политике стал миф о русификации прибалтов в период их нахождения в СССР. Хотя, конечно, это мифология. Навязывается доктринальная установка о русификации. А

административное изменение состава прибалтийских республик представляется как насильно навязанное советским руководством. Негативные эмоции вызывают у нас и героизация лиц, участвовавших в войне на стороне гитлеровской Германии, национальных формирований СС в Риге и ряд других моментов. Это все выстраивалось на антитезе, на противопоставлении России. То есть изначально происходило формирование содержания этих политических систем как коммуникационных режимов. Кто был инициатором этого содержания? Тоже дискуссионный вопрос.

Во многом на появление такого пакета нарративов повлияла послевоенная миграция, которая уже в постсоветский период формирования этих государств активно участвовала в военно-политическом процессе. Более того, роль этой послевоенной эмиграции их потомками недооценена: как в ретроспективе, так и на сегодняшний день. Я вспоминаю саммит НАТО 2014 года, когда принималось решение о создании батальонов в Прибалтике. Я обратил внимание на то, какую поддержку по части лоббизма оказывала латышская диаспора в США, встречаясь с конгрессменами, сенаторами для того, чтобы на саммите НАТО эти позиции и необходимость в присутствии военных сил Североатлантического альянса в странах Прибалтики были воплощены в политические решения. Это касается и культурного, и гуманитарного измерения. Пару лет назад мне попадалось письмо латышской иммиграции к Парламенту Латвии с просьбой достроить пристройку к Музею оккупации. Парламент рассматривал тогда много документов. Мы считаем, что появление музеев оккупации – это вклад в пакет нарративов под названием «антиРоссия». Примечательно, что иностранных дипломатов, которые прибывают в Латвию, Литву, Эстонию, водят в Музей оккупации, в котором даже устраиваются «вечера» антироссийских анекдотов.

Подобные нарративы с подачи иммигрантских кругов были имплементированы в актуальный политический процесс и в дальнейшем оформлялись законодательно, становились частью практик коммуникации. В Латвии появляется законодательство о запрете сомнения в советской оккупации. Появилась формулировка «запрещено отрицание и грубая тривиализация советской оккупации». Подобное мы имеем и в Литве. Более того, появилась новая мифология – «борьба за независимость». В этой связи мы также можем вспомнить период Литовской ССР, «национальных фронтов», как менялось содержание их программ, как впоследствии были зафиксированы события, которым было затем придано сакральное значение: стояние на баррикадах в Латвии, события в Вильнюсе. Сомневаться в официальной версии событий 13 января в Вильнюсе запрещено

законом, и это преследуется. Самый известный кейс литовского политика Палецкиса «Свои стреляли в своих» стал «политическим мемом». За это Палецкис был лишен государственных наград и преследовался законодательно.

Этот пакет нарративов с 1991 года устанавливался, укреплялся, имплементировался в законодательные нормы, политические программы. Но если мы рассмотрим период с 1991 по 2014 год, то именно с 2004 года (вступление Прибалтики в НАТО и ЕС) мы получили новое измерение, новое содержание этих коммуникационных режимов, которое внедрялось не сразу, а с некоторой инерцией. Прибалтика стала искать свою роль в системе «распределения труда» в ЕС, свою роль в системе внешнеполитической коммуникации. Какую услугу мы можем продавать? Чем мы можем быть полезны? Конечно, и ранее формировалась ось Вильнюс–Вашингтон, Рига–Вашингтон. США в документах были сразу определены как ведущий союзник, в том числе внешнеполитический. Но дальше в качестве бонусов, получаемых из своей роли, выбрали «навязывание экспертных услуг по коммуникации с Россией», как три «славные» страны, в которых политики говорят: «Мы эксперты по России, мы будем обучать вас, как с этой Россией жить».

Это привело к тому, что прибалтийские страны лишились правосубъектности, ведь Вашингтон стал «обкомом КПСС», который определяет, что делать Риге, Вильнюсу, Таллину, где есть посольства США, которые расскажут, как следует жить. Это взгляд ложный, а система коммуникации возникает обратная: сами прибалтийские страны предлагают и навязывают пакет услуг по коммуникации с Россией. К этой ситуации точно подходит метафора «хвост виляет собакой». Они создают образ, артикулируют, предлагают рецепты и пытаются продать их НАТО, США, Брюсселю, получив соответственные финансовые, дипломатические, военные бонусы за свои услуги. Именно в 2004 году эта роль стала оформляться, поэтому в любых конфликтных отношениях РФ с соседними странами (1-й, 2-й украинские майданы, конфликтные отношения с Грузией и т.д.) страны Прибалтики стали активно выступать на стороне антироссийских сил в этой конфликтной коммуникации, поддерживали их, предлагали свои практики, которые с 1991 по 2014 год были отработаны. Есть научная публикация о том, как выстраивались общие подходы к обеспечению американского политического лидерства в Балтийском регионе ввиду необходимости «сдерживания» России (Смирнов 2020).

Латвийская сторона активно консультировала коллег на Украине. Украинский закон 2019 года «Об обеспечении функционирования

украинского языка как государственного» – это абсолютная калька с латвийского закона. В общем, с 2004 года мы видим активное усиление политического консультирования. Латвийские представители попали в Европарламент. Если мы посмотрим документы антироссийского характера в ЕП, то среди их составителей мы всегда найдем прибалтов и поляков. Это предложения по списку санкций, резолюции по пересмотру отношений с Россией.

С 2014 года внешнеполитическое позиционирование прибалтийских правительств стало более активным и агрессивным. Это нашло отражение и во внутриполитической коммуникации применительно к языку. В становлении содержания коммуникационных режимов в Эстонии и Латвии (в меньшей степени – в Литве, учитывая этнический состав) были «языкопоклонство», «языкоцентризм», «угрозы национальному языку». Национальные языки надо защищать и укреплять в ущерб всем другим языкам, в том числе законодательно. Появились языковые комиссии, которые проверяли уровень владения языком, штрафы или за его неправильное использование или неиспользование его в сфере публичной коммуникации. В Латвии был установлен лимит на радиовещание на языках стран, не входящих в ЕС.

С 2014 года в Латвии, Литве и Эстонии стало проявляться более агрессивное внешнеполитическое позиционирование. Россия стала восприниматься как главный вызов. Состояние гиперконфликтной коммуникации привело к тому, что языковая политика стала вступать в конфликт с потребностью использования русского языка во внешнеполитической деятельности. Что я имею в виду? Возникла идея создания общеприбалтийского канала на русском языке. Это идея, которую в Латвии, Литве и Эстонии пытались «продавать» европейцам. Но, поскольку денег не нашлось, эстонцы пошли своим путем и создали ETV+. Российским каналам он в плане качества и масштаба производства кинопродукции, ток-шоу, конечно, проигрывает. Поэтому мы видим, что задачи сократить все пространство русскоязычной коммуникации уже нет. Поставлена задача захвата пространства русскоязычной коммуникации, которая остается так или иначе и в Латвии, и в Литве, с помощью своего содержания, своих нарративов, создания «правильных» русскоязычных каналов в Латвии, «правильных» радиостанций. Возникла LSM – «правильная» популярная радиостанция на русском языке, куда ходит весь политический бомонд, учредителем которой является Министерство юстиции Латвии. Для русских на ломаном русском языке националисты из партии «Национальное объединение» что-то объясняют.

Был такой тезис: «Мы теперь конкурируем с Россией и за русский язык. Русский язык – это не язык Путина, мы не готовы отдать его Путину». Они говорят, что борются со всем «русским», но «неправильным русским», «путинским русским». Естественно, все это подается с особым политическим содержанием.

Если остановиться на сегодняшних коммуникационных режимах, то следует отметить, что есть что-то для «своих русских» и что-то – для внешнего потребления, то есть для россиян, для «правильных» русских, которые приезжают для оппонирования нынешней власти. Этот проект ориентирован, с подачи прибалтийских властей, на создание благоприятных условий для иных проектов, например, для иноагентов «Медуза», «Инсайдер», которые зарегистрированы в Риге.

Есть внутренняя коммуникация, есть внешняя. Если мы берем за критерий отношение к русскому языку, то для тех, кто принадлежит к юрисдикциям Латвии, Литвы, Эстонии – это сужение, неправильное информирование. То есть для внешнеполитического использования русский язык в прибалтийских странах вполне приемлем.

Позиция прибалтийских властей заключается в том, что они готовы создавать именно свои каналы и будут делать вещание для российского приграничья, Псковской области. Такие проекты обсуждались, но потом из-за недостаточного финансирования развиваться дальше не стали. Они готовы пускать оппозиционные действующие к российской власти проекты на свою территорию, готовы информировать тех, для кого потреблять информацию на русском языке удобнее и привычнее, информировать «правильно». Поэтому и возникла такая любопытная дихотомия в отношении языка.

Обсуждение результатов исследований (Воротников В.В.)

Акторами коммуникационных режимов являются не только власть, СМИ, общественные организации, но и ученые, преподаватели высшей школы. Академическая и научная дипломатия – это относительно не политизированный канал коммуникации между российским и западным сообществом. Хотя в общей сложности проблемы, конечно, здесь есть, и они большие.

Академические коммуникации с учеными из всех трех прибалтийских стран имеют одну особенность – сложность установления контактов. Например, в нашем проекте, посвященном стратегическим культурам стран Скандинавско-Балтийского региона,

то есть и Прибалтики, и Северной Европы, из 55 приглашенных к интервью лишь 10 дали согласие. Но, несмотря на это, потенциал академического сотрудничества есть и его надо развивать. Сегодняшняя дискуссия – пример этому и важный шаг для поиска общих взглядов и позиций.

При анализе коммуникационных режимов Латвии, Литвы, Эстонии следует избегать некоторых ошибок, которые допускают многие ученые, анализирующие эти страны.

Во-первых, это недооценка роли стран Балтии и их самостоятельности в отстаивании своей позиции. Так, «Балтийский корпус» в США представляет собой более восьмидесяти человек – представителей Конгресса США. Более восьмидесяти статусных американских политиков, около 15% от всего состава американского представительного органа, являются представителями «Балтийского корпуса». Любой избиратель, у которого есть «прибалтийская прошлое», может к ним прийти и озвучить свою позицию. В США примерно 700 тыс. литовцев и примерно 100 тыс. латышей. Огромная цифра. Литовцев по миру почти полтора миллиона человек, и у них есть мощный лоббистский ресурс не только в США, но и в ЕС, и в Великобритании.

Еще важный момент, касающийся значимости Латвии, Литвы и Эстонии. Представители этих стран рассматриваются на Западе как главные специалисты по России. Несмотря на то, что многие из них не бывают в России и, кажется, вообще не анализируют источники на русском языке, авторитетные исследовательские центры США и ЕС цитируют именно их и приводят именно их аргументы в подтверждение своих выводов.

Во-вторых, при исследовании коммуникационных режимов важно понимать, на кого ориентированы коммуникационные продукты. Есть разные типы дискурсов и, соответственно, разные объекты и субъекты этих дискурсов. Если мы говорим о политическом дискурсе, то он определен политическими элитами, и для политической карьеры необходимо признать господствующую идеологию и соответствующие нормы и правила коммуникационного режима. Содержательно этот дискурс, как было отмечено в докладе НИИРК, действительно недружественен России. Если мы говорим о других типах дискурсов, то там все сложнее – там разные содержательные линии. Молодежь социализирована в новых условиях, и латышские, литовские эстонские учебники истории показывают, что их авторы уже выиграли идеологическую войну и молодежь воспитана соответствующим образом. Люди от 20 до 40 лет верят в то, во что играют. Они воспитаны на идеологии оккупации, на том, что Россия – это враг. Поколение 45+

еще играет в эту игру; они подстраиваются к разным дискурсам в зависимости от выгодной им ситуации.

Тематика русофобии в последнее время актуализировалась и во всем ЕС. В Европе присутствует запрос на русофобию, и страны Балтии обильно удобряют европейское поле русофобии. Кроме того, они иногда формируют нарратив, который навязывают своим партнерам. В ближайшее время это может быть еще более актуальным в связи с тем, что в начале 2022 года будет принят Стратегический компас ЕС, потом еще Стратегическая концепция НАТО. В рассматриваемом нами регионе находится Центр передового опыта в области стратегической коммуникации НАТО. Среди его задач – заниматься контрпропагандой, бороться с российской пропагандой, бороться с toxic narratives, harmful narratives.

В-третьих, надо учитывать, что вряд ли мы сможем изменить этот антироссийский дискурс, если не найдем правильные каналы информирования. Если пытаться продвигать в информационном поле альтернативный дискурс, направленный на установление диалога и добрососедства, то надо искать каналы, которые интересны обществу рассматриваемых стран, где большая аудитория и заинтересованность. Далеко не все читают как Baltnews, так и Delfi.

В-четвертых, позитивное отношение к России в неполитизированных группах общества сформируется тогда, когда будет явно выражена перспектива отношений с Россией, привлекательной жизни и работы в России, когда будет понятно, какие конкурентные преимущества дает изучение русского языка. Например, какие перспективы дает обучение в России эстонскому студенту (как в России, так и у себя дома)?

В-пятых, надо признать, что в советское время представления об истории Латвии, Литвы, Эстонии формировались в национальных республиканских академиях наук. В Москве редко кто занимался этими вопросами. Поэтому в 1990-е и в 2000-е годы в России не было специалистов по странам Прибалтики и не было системного представления об истории этого региона. Сейчас есть, но для Латвии, Литвы и Эстонии характерен тот нарратив, который был сформирован ранее, еще в советское время. Но мы верим в силу дипломатии, и прежде всего общественной дипломатии.

Выводы

Результаты исследования Национального исследовательского института развития коммуникаций и позиции, высказанные

участниками научной дискуссии, показывают, что основными характеристиками коммуникационных режимов в Латвии, Литве, Эстонии являются:

- жесткое регулирование всех сегментов коммуникации и содержания информации, в том числе и органов самоуправления (имевших возможность самостоятельного выстраивания контактов, например, в приграничных регионах);

- выборочный контроль участников коммуникации под предлогом обеспечения информационной безопасности, особенно СМИ и НПО;

- стремление к консолидации общества на основе артикулирования угроз национальной идентичности и угроз этнонациональному самосознанию;

- доминирование в информационном дискурсе российской угрозы национальной безопасности;

- сознательная политика сужения русскоязычного информационного, образовательного и социализирующего пространства;

- неполноценная включенность в европейский информационный дискурс и выборочное соблюдение принципов ЕС в отношении коммуникации и информации. Кодекс практик в отношении дезинформации;

- начало уплотнения коммуникационного пространства альтернативными акторами, проявившимися в результате недоверия действующему правительству и в результате невозможности реализовать свои потребности, интересы, права в рамках существующего коммуникационного режима.

Источники

- Барахвостов, П.А. (2021), Переформатирование геополитического пространства и институциональные трансформации (на примере Балтийского региона) // *Балтийский регион*, т. 13, № 3, с. 42-57. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3.
- Волков, В.В. (2012), Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств // *Социологические исследования*, № 4, с. 54-63.
- Волков, В.В., Полещук, В.В. (2019), Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // *Социологические исследования*, № 2 (359), с. 59-67.
- Зверев, Ю., Межевич, Н. (2021), Вызовы региональной безопасности: балтийский вектор // *Международная жизнь*, № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2450>.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), Communication Regimes as a New Scientific Category // *Коммуникология*, т. 8, № 3, с. 43-50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44116350> (на англ. яз.).
- Комлева, В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // *Россия и мир: научный диалог – Russia&World: Sc. dialogue*, т. 1, № 1, с. 13-26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
- Комлева, В.В. (2020), Эстония: перспективы конституциональной демократии в обществе расколотого доверия // *PolitBook*, № 2, с. 123-145. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44803625>.

Коэн, Дж.Л., Арато, Э. (2003), Гражданское общество и политическая теория. М: Весь Мир.

Смирнов, В.А. (2020), Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 26-39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

Смирнов, П.Е. (2020), Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века // *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 4-25. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-1.

Хабермас, Ю. (2000), Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука.

Apine, I., Volkovs, V. (1998), *Slāvi Latvijā*. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts.

Kim, Y.Y. (2006), From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation, *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 25, No. 3, p. 283-300.

Rawls, J. (2005), *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Rogers, E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002), Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan, *Keio Communication Review*, No. 24, p. 3-26.

Taylor, C. (1994), The Politics of Recognition. – A. Gutmann (ed.) *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, p. 25-73.

Wirth, L. (1956), *Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth*. Chicago: University of Chicago Press.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-138-161

Communication regimes of Latvia, Lithuania and Estonia: scientific discussion

Vladislav V. Volkov

Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia (Riga, Latvia)

Vladislav V. Vorotnikov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Russian Foreign Ministry (Moscow, Russia)

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Andrey D. Starikov

Baltnews News Agency, MIA «Russia Today» (Moscow, Russia)

Abstract: The materials of the scientific discussion contain basic ideas, pronounced by Russian and foreign participants in the International scientific discussion on the subject of “Communication regimes in Latvia, Lithuania and Estonia”. The discussion was held by the National Research Institute of Communication Development (НИИРК). The Study of communication regimes, held by НИИРК based on author's methods revealed the following in Latvia, Lithuania and Estonia: rigid regulation of all segments of communication and information content, bodies of self-government included (having the opportunity to align

contacts independently, for example, in the border areas), control over the communication participants taken at random, under the pretext of providing informational security, especially mass media and NGO; strive for the consolidation of the society on the basis of articulating of threats to the national identity and threats to ethnic national self-consciousness; dominating of the Russian threat to national security in information discourse; conscious policy of narrowing the Russian language informational, educational and socializing space; incomplete inclusion in the European information discourse and selective compliance with the principles of the EU relative to communication and information (codex of practices relative to misinformation); the beginning of the compaction of communication space by alternative actors, who appeared as a result of mistrust for the acting government and as a result of impossibility to realize their needs. In the course of the debates it was discussed: institutionalization of the countries communication regimes: role of historically shaped and contemporary practices in Latvia, Lithuania, Estonia; actors models of communication regimes in Latvia, Lithuania, Estonia; role of political institutes, mass media, institutes of civil society and business in shaping communication regimes; peculiarities of communication regimes relative to separately taken groups of the population, mass media, neighboring countries.

Keywords: communication regime, political communications, Latvia, Lithuania, Estonia, information security, information policy, mass media space, historical trauma

About authors:

KOMLEVA Valentina V. Doctor of sociological sciences. Deputy director on scientific work of the National Research Institute of Communication Development; Chief of the Department of foreign regional studies and international cooperation of the Russian academy of national economy and public administration under the President of RF. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: 119571, Russian Federation, Moscow, Korobeinikov per, 22/1, komleva@nicrus.ru.

VOLKOV Vladislav V. Doctor of Sociology. Leading researcher. Institute of philosophy and sociology of the University of Latvia. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Address: LV-1050, Latvia, Riga, Kalpaka bul., 4, vladislavs.volkovs@inbox.lv.

VOROTNIKOV Vladislav V. Candidate of historical sciences. Director of the European Research Centre of the Institute of international research Moscow state Institute of International relations (MGIMO-University) Ministry of Foreign Affairs of Russia; Head of the Centre of the Baltic sea area research, Institute of Europe of the Russian academy of sciences. ORCID ID: 0000-0003-3374-5677. Address: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo prospect, 76, vorotnikov.vladislav@gmail.com.

STARIKOV Andrei D. Editor in chief of the Information Agency Baltnews, МИА «Россия сегодня». Address: 119021, Russia, Moscow, Zubovsky bul., 4, C. 1, 2, 3, info@baltnews.it.

Smirnov, V.A. (2020), Transformation of political elites of the countries in the Baltic sea area: general and specific, *Baltic Region*, Vol. 12, No. 3, p. 26-39. doi: 10.5922/2079-8855-2020-3-2 (in Russian).
 Smirnov, P.E. (2020), Evolution of political priorities of the USA in the region of the Baltic sea area in the second decade of the XXI century, *Baltic Region*, Vol. 12, No. 3, p. 4-25. doi: 10.5922/2079-8855-2020-3-1 (in Russian).
 Habermas, J. (2000), Moral consciousness and communicative action. SPb: Nauka (in Russian).
 Apine, I., Volkovs, V. (1998), *Slāvi Latvija*. Rīga: LZA Filosofijas un socioloģijas institūts.
 Kim, Y.Y. (2006), From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation, *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 25, No. 3, p. 283-300.
 Rawls, J. (2005), *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
 Rogers, E.M., Hart, W.B., Miike, Y. (2002), Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan, *Keio Communication Review*, No. 24, p. 3-26.
 Taylor, C. (1994), The Politics of Recognition. – A. Gutmann (ed.) *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, p. 25-73.
 Wirth, L. (1956), *Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth*. Chicago: University of Chicago Press.

References

- Barahvostov, P.A. (2021), Reformatting the geopolitical space and institutional transformations (by example of The Baltic Sea area space), *Baltic Region*, Vol. 13, No. 3, p. 42-57. doi:10.5922/2079-8855-2021-3-3 (in Russian).
 Volkov, V.V. (2012), Integration of the society in Latvia: position of ethnic minorities, *Sociological research*, No. 4. P. 54-63 (in Russian).
 Volkov, V.V., Poleshchuk, V.V. (2019), The Current State of Interethnic Communication in Latvia and Estonia, *Sociological research*, No. 2 (359), p. 59-67 (in Russian).
 Zverev, Yu., Mezhevich, N. (2021), Challenges of regional security: the Baltic vector, *International Life*, No. 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2450> (in Russian).
 Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), Communication Regimes as a New Scientific Category, *Communicology*, Vol. 8, No. 3, p. 43-50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44116350> (in English).
 Komleva, V.V. (2021), Country's communication regime as social political phenomenon, *Russia & World Sc. dialogue*, Vol. 1, No. 1, p. 13-26. URL: <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26> (in Russian).
 Komleva, V.V. (2020), Estonia: prospects of consociational democracy in the society of split trust, *PolitBook*, No. 2, p. 123-145. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44803625> (in Russian). http://politbook.online/images/pdf/Polibook2020_Issue_2.pdf (in Russian).
 Cohen, J., Arato, A. (2003), *Civil society and political theory*. M.: The whole World (in Russian).

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран будет опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и другие);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружелюбного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Sc. Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

Макет и предпечатная подготовка
Издательский дом «Проект Медиа Групп»
(Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2
Тел. +7 495 146 83 02

Подписано в печать 08.12.2021

Отпечатано
ОАО «Подольская фабрика
офсетной печати»
Московская область, г. Подольск,
Революционный проспект, 80/42

Тираж 2000 экз.

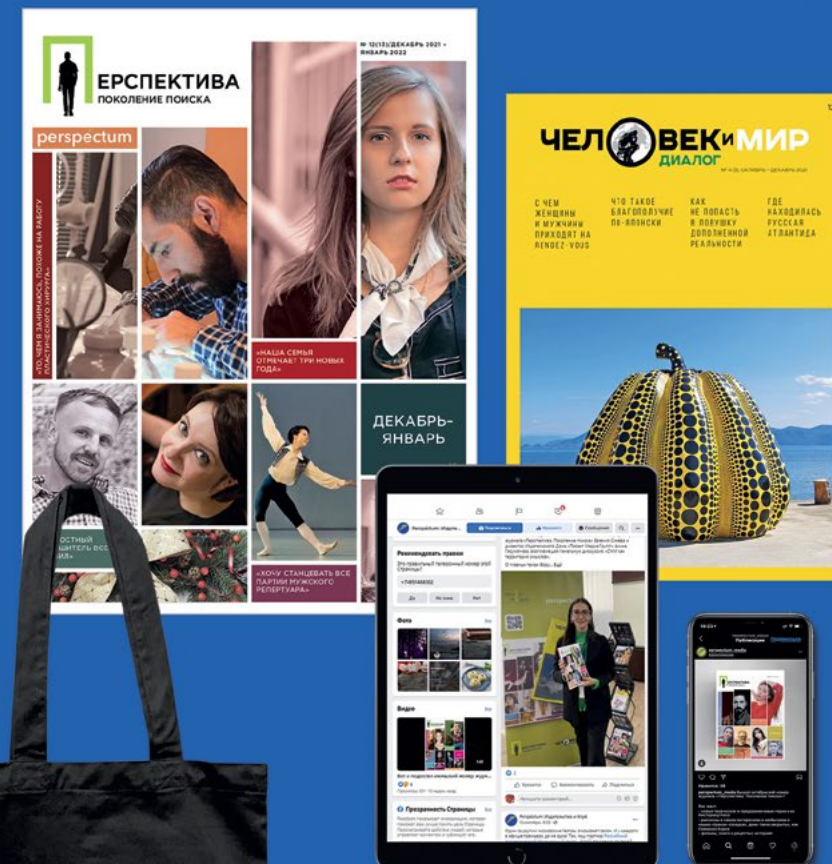
perspectum
ПРИВЕТ, СОСЕД!

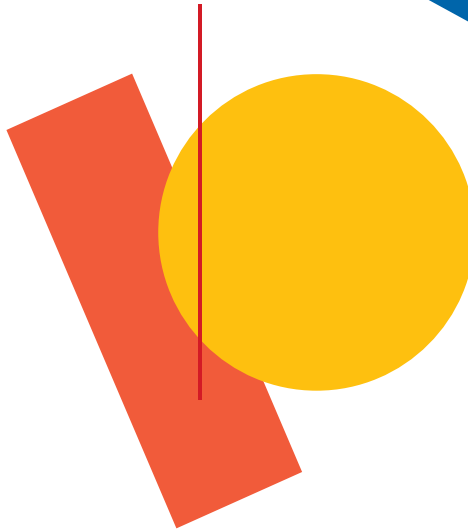
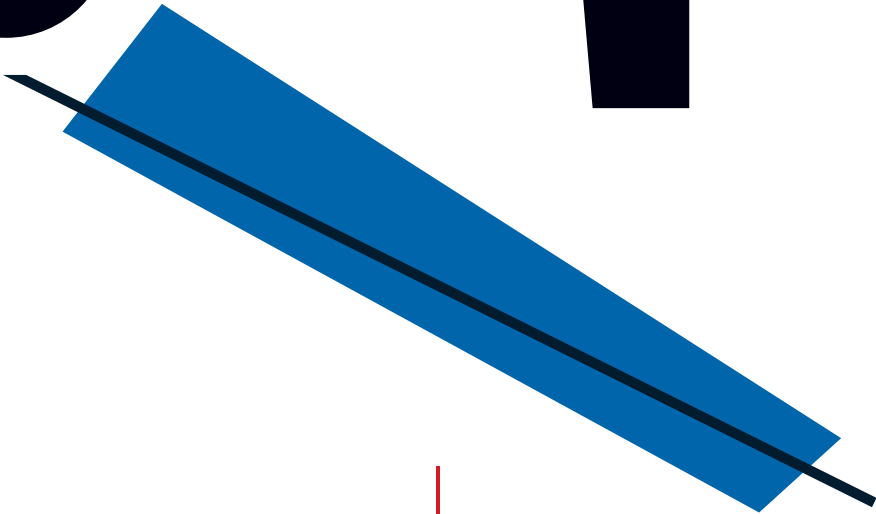
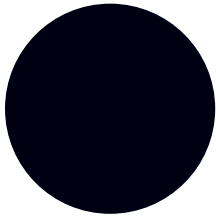
Адрес издательства:
Москва, Коробейников пер.,
д. 22, стр. 1
+7 (495) 146-83-02
project_media@perspectum.info

Оформи подписку
на журналы и
получи подарок!

- facebook.com/PerspectumMedia
- instagram.com/perspectumMedia
- t.me/perspectum
- perspectum.info

Дизайн обложки исполнен по мотивам творчества Казимира Малевича (1879, Киев – 1935, Ленинград). Российский и советский художник польского происхождения известен прежде всего как основоположник супрематизма и автор картины «Черный квадрат». Казимир Малевич не только живописец и теоретик искусства, но и педагог и сценограф. О его месте в мировой культуре, сохраняющемся влиянии наследства и актуальности свидетельствует тот факт, что в 2008 году «Супрематическая композиция» Малевича была продана на аукционе Sotheby's за 60 млн.долларов.

